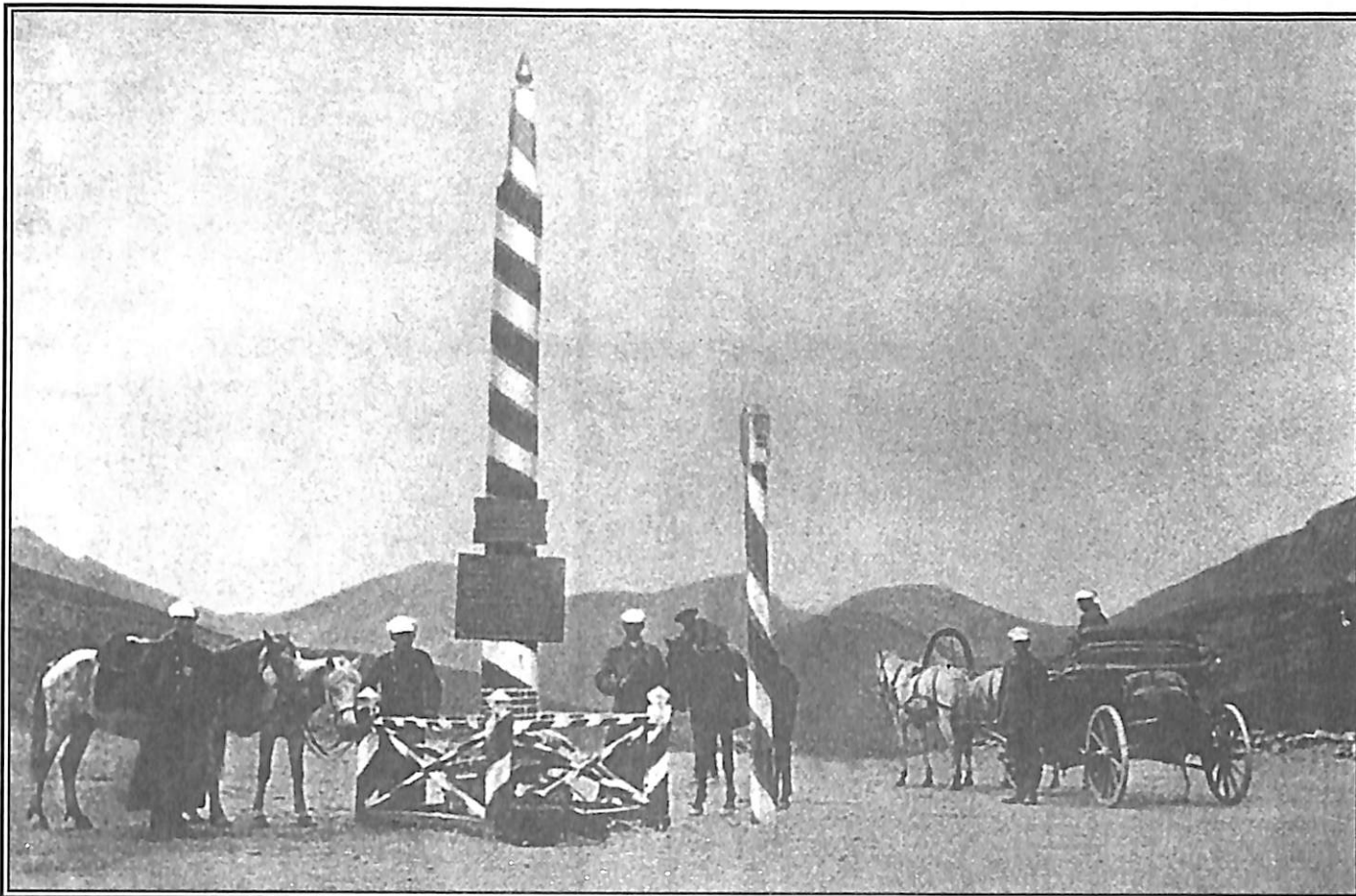

63.3(9.11)
0-95

ОШ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

(вторая половина XIX - начало XX вв.)

Документы
Материалы
Фотографии
Комментарии

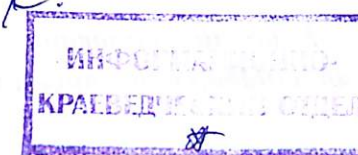

ОШ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

(Вторая половина XIX - начало XX вв.)

Документы
Материалы
Фотографии
Комментарии

ББК 63.3 (2Ки)
О-96

*Издание осуществлено при финансовой поддержке ОсОО «Алтын Мык»
и лично господина С.Э. Джоробекова*

Авторы-составители: *Александр Антонович Колесников
Мария Федоровна Матвеева*

О-96 **Ош глазами русских исследователей** (вторая половина XIX–начало XX вв.)
Документы, материалы, фотографии, комментарии. – Б.: 2003 – 104 с.

ISBN 9967-21-569-0

*Фото на обложке: «На перевале Талдык» (архив А.Г. Шпилько)
из книги «Памир», А.Гаврилюк, В.Ярошенко, М., «Планета», 1987 г.*

Все права защищены.

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
запрещается без письменного разрешения авторов-составителей и издателей.*

О 0503020911-03

ISBN 9967-21-569-0

ББК 63.3 (2Ки)

© Генеральное консульство РФ в г. Ош

© А.А.Колесников, М.Ф. Матвеева

Предисловие

ваших руках, дорогой читатель, сборник уникальных документов, материалов и фотографий русских путешественников и исследователей, повествующих об удивительном крае Восточной Ферганы, Алая и Притяньшанья. Этот географический район условно определен авторами-составителями единым географическим и историческим названием по имени регионального центра – города Ош.

Основу данного сборника составляют материалы выставки «Ош в истории российской науки», организованной Русским географическим обществом по инициативе Генерального консульства Российской Федерации в Оше и Бишкеке в октябре 2002 года при содействии ОАО «Араванский хлопкозавод Ак-Була» (председатель Совета директоров А.В.Румянцев) и Исполнительной дирекции при Правительстве КР по развитию г. Ош (гендиректор К.А. Азимов).

Неоценим вклад российских ученых в изучение Центральной Азии. Ими были открыты новые географические пункты, разведаны богатейшие полезные ископаемые края, пополнены мировые зоологические и ботанические коллекции. В течение полувека вся деятельность Императорского русского географического общества была сконцентрирована на изучении новых азиатских владений России. Представленные в сборнике материалы, составляющие поистине золотой фонд мировой науки, свидетельствуют о том, что русские ученые были пионерами в комплексном научном изучении древней киргизской земли.

Традицию быть пионерами продолжила и современная российская дипломатия, открыв 1 марта 2002 года свое первое дипломатическое представительство на Ошской земле – Генеральное консульство России. И сегодня, когда в мире ощутимо вырос интерес к истории и жизни этого уникального региона, открываются новые возможности и изучения его культурной и исторической самобытности.

Издание этой книги не было бы возможно без финансовой помощи фирмы «Алтын Мык» и лично господина Сагынбека Эстебесовича Джоробекова, прямого потомка Эгенберди Датки из Таласской долины, известного в киргизской истории во времена существования Кокандского ханства.

Генеральный консул
Российской Федерации
в г. Ош

Юрий Иванов

сновная часть документов и материалов данного сборника представлена из фондов уникального в России архивного хранилища – архива Русского географического общества. Кроме этого в сборник включены выдержки из путевых записок и отчетов, напечатанных в свое время путешественниками в «Известиях ИРГО», давно уже ставших библиографической редкостью.

Уникальность представленных документов и материалов состоит не столько в том, что они впервые вводятся в научный оборот, а в том, что содержащиеся в них сведения существенно дополняют и обогащают наше представление об истории, географии, этнографии Восточной Ферганы и Притяньшанья. Некоторые материалы, например, заметка о рекогносцировке на Памире поручика Бржевицкого И.А., а также переписка М.Е. Грум-Гржимайло с Великим Князем Николаем Михайловичем содержат неизвестные ранее данные о деятельности русских исследователей на Ошской земле.

Особую ценность представляют фотографии, сделанные во время путешествий самими исследователями. Большая их часть публикуется впервые. Из фотоматериалов мы узнаем бесценные подробности быта, хозяйственной деятельности, а также знакомимся с теми деталями, которые, прежде всего, интересовали путешественников – типы проживающих народностей, их одежда, жилище, уклад жизни. Уникальны также фотографии, запечатлевшие новые географические пункты, впервые открытые самими исследователями. При археологической обработке документов составители руководствовались «Правилами издания исторических документов» (М., 1987). Все тексты переданы в орфографии подлинника, собственные имена, термины и географические названия того времени оставлены в транскрипции подлинника. Этим объясняется отсутствие единообразия в написании одних и тех же терминов и имен даже в одном документе. Знаки препинания также переданы по подлиннику.

Документы в основном представлены полностью, но некоторая их часть приведена в извлечениях. Опущены повторяющиеся тексты и не имеющие прямого отношения к теме. В заголовках к таким документам ставится предлог «из» с проставлением отточий на месте пропуска документа. Повреждение текста, его пропуски, неразобранные слова, огариваются в подстрочных примечаниях.

Авторы-составители очень надеются, что этот сборник будет востребован учеными, краеведами, учащейся молодежью – всеми, кому дорого изучение исторического прошлого своей страны и своего народа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АЗИИ В РОССИИ

Движение России в глубь Азии было исторически предпринято еще задолго до сформулированной Петром I восточной политики Российской империи. Первопроходцами были русские купцы, «государевы служивые люди» и путешественники.

Не только российские императоры, но и лучшие умы государства российского вынашивали планы продвижения России в Азию. Первыми вступали на азиатскую землю русские военные. Подавляющая часть людей в военных мундирах была не «войка-ми» и «завоевателями», как их сейчас пытаются представить некоторые авторы, а элитой российского общества того времени. Военные открывали никем не изведанные ранее территории, создавали географические карты, прокладывали дороги. Их градостроительству обязаны многие города современной Центральной Азии. По их чертежам возводились храмы и дворцы, ставшие сегодня архитектурными памятниками столиц независимых центральноазиатских республик. Они строили в Азии железные дороги, каналы, водохранилища.

Военное проникновение России в Азию, охрана и оборона новых границ – все эти вопросы решались параллельно с научным изучением края, причем зачастую одними и теми же структурами, органами и личностями. Этот подход к освоению колоссальных азиатских владений способствовал возникновению такого нравственного влияния России на весь регион, что с одной стороны, невозможно уже было отречься от приобретенных территорий, с другой стороны, говоря словами генерала М.Д. Скобелева, поддержать это влияние можно было «только непрерывными успехами, без малейших неудач или отступлений». М.Д. Скобелеву принадлежат и другие не менее значимые оценки российского присутствия в Азии: «Не захватами достигнем мы прочного положения в Средней Азии, а основательным изучением страны».

Правители Российской Империи уделяли первостепенное значение расширению и укреплению своих азиатских владений. Вполне естественно, что в первую очередь их интересовали исследовательские материалы о новых территориях. В этом ключе направлялась деятельность Императорского русского географического общества, Российской Академии Наук, других обществ, однако главная роль отводилась военному ведомству.

Результатом исследовательских работ, проводимых русскими офицерами в Азии, были военно-статистические обзоры. По форме они включали в себе: донесения, отчеты, аналитические труды, целые научные исследования от нескольких десятков страниц до отдельных книг.

Созданный по инициативе начальника Главного штаба генерала Н.Н.Обручева Военно-ученый комитет Главного штаба приступил в 70-х годах XIX века к изданию «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии». К началу первой мировой войны вышло 87 выпусков такого сборника. В большинстве своем это были серьезные, обстоятельные работы по географии, экономике, этнографии сопредельных с Россией стран Азии. Эти материалы носили закрытый характер и по этой причине

Ионов
Михаил Ефремович

многие годы были не востребованы научной общественностью и не вводились в научный оборот. На страницах «Сборников» печатались отчеты военных путешественников, путевые записки, военные обзоры, переводы из европейской литературы, статистические данные. Здесь же публиковались документы и топографические карты. По сегодняшний день велика познавательная ценность аналитических записок русской военной разведки. Отдельные местности и народности Азии были впервые в мире исследованы русскими военными и подробно описаны ими в опубликованных отчетах.

Под грифом «секретно» с 1909 года стали выходить «Сборники Главного управления Генерального штаба», основной целью которых было ознакомление широкого круга офицеров с информацией о вооруженных силах иностранных государств и анализ политических процессов, происходящих в сопредельных странах. С конца XIX века Штаб Туркестанского военного округа приступил к выпуску сборника «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом». Всего вышло около 30 выпусков. Здесь в хронологическом порядке были представлены все текущие события в соседних странах Азии. Каждый выпуск готовился к печати одним из офицеров Генерального штаба. Он содержал подробные сведения о внутривосточной обстановке, этнографические и статистические материалы по региону.

Следует упомянуть также многотомное исследование целого коллектива генералов и офицеров Генерального штаба «Военно-статистическое обозрение Российской империи», прекрасно дополненный «Материалами для географии и статистики России». Этот солидный географический и военно-статистический труд по праву можно считать одним из важных источников по всестороннему краеведческому исследованию России и сопредельных стран, особенно Центральной Азии.

Кроме военно-статистических обзоров военных округов окружные штабы издавали также труды по военной статистике офицеров Генерального штаба, большая часть которых была секретная. Помимо описаний отдельных областей, таких как, например, двухтомный труд полковника Федорова «Джунгария» или трехтомное исследование Красовского «Область сибирских киргизов», издавались военные обзоры приграничных районов соседних государств. Труды офицеров Кавказского округа были досконально обследованы Турция и Персия; Туркестанского округа – Афганистан, Русский Туркестан и Восточный Туркестан; Приамурского округа – Монголия, Манчжурия и Северная Корея. Все эти многочисленные издания не подлежали оглашению и были хорошо известны лишь в ограниченной военной среде. Тем не менее, обширный исследовательский материал русских офицеров по Центральной Азии находил отражение также на страницах военной периодики тех лет.

Больше всего материалов о Центральноазиатском регионе помещал журнал «Военный сборник», опубликовавший за весь период своего существования (май 1858 – февраль 1917 г.) более 700 статей исследовательского характера, корреспонденций, информационных сообщений и военных сводок, хроник о прошлом и настоящем края. Статьи, заметки и путевые записки военных путешественников публиковали также такие издания, как: «Ар-

Великий князь
Николай Михайлович

Семенов
Петр Петрович

тиллерийский журнал», «Инженерный журнал», «Русский инвалид», «Сын Отечества», «Туркестанская военная газета», «Туркестанские ведомости». Военная периодика, таким образом, является интересным источником по истории Центральной Азии, к которому еще недостаточно обращались специалисты.

К середине XIX века при прямом участии военного ведомства России предприняла первые попытки детального изучения Центральной Азии, были развернуты широкомасштабные исследовательские геодезические, топографические и другие работы. В этой связи определенный интерес представляют так называемые полевые поездки офицеров. Они проводились на протяжении десятилетий, преследуя при этом главную цель: сбор и аналитическое обобщение всех доступных сведений по конкретному краю, местности, региону. Коротких поездок по конкретным поездкам по особому указанию начальника Генерального штаба проводились поездки стратегического характера для широкого изучения и стратегической оценки пограничных районов. Поездки планировались и организовывались Главным управлением Генерального штаба и штабами округов. Результатом каждой поездки был отчет, написанный по особой форме с учетом всех требований, а также топографические карты, фотографии, результаты произведенных работ.

Своеобразным методическим руководством к проводимым в Центральной Азии полевым поездкам русских офицеров можно считать работу Н.М.Пржевальского «Как путешествовать по Центральной Азии», которая до сих пор не нашла отражения ни в научной, ни в военной литературе и является на сегодняшний день библиографической редкостью. Между тем, это, по сути дела, самостоятельное исследование знаменитого путешественника вобрало в себя опыт всех его путешествий по Центральной Азии. В известной степени приведенный генералом Пржевальским материал можно рассматривать как солидное методическое пособие по организации и проведению не только военно-статистических исследований, но и научных экспедиций. Остановимся на наиболее важных моментах этого уникального труда, отразившего особенности всех экспедиций русских путешественников по Центральной Азии.

Пржевальский подробно излагает свои требования, предъявляемые к личности путешественника. Таковыми, по его мнению, должны быть: «как крепость физическая, так и сила нравственная. Цветущее здоровье, крепкие мускулы и еще лучше атлетическое сложение с одной стороны, а с другой — сильный характер энергия и решимость». Особо выделяет Пржевальский необходимость научной подготовки и знание различных отраслей предстоящих исследований. Немаловажными качествами для путешественника являются: «быть отличным стрелком, еще лучше страстным охотником, не гнушаться никакой черной работы, словом, ни в каком случае не держать себя белоручкою, не иметь избалованных вкуса и привычек, ибо в путешествии придется жить в грязи и питаться, чем Бог послал».

Отмечая качества, необходимые для путешественника, Пржевальский утверждает, что «для путешественника, в высоком значении этого слова, требуется сочетание многих незаурядных физических и нравственных качеств, без чего крупный успех дела, даже при самой лучшей внешней обстановке, мало будет обеспечен».

Федченко
Алексей Павлович

Мушкетов
Иван Васильевич

Фактор успеха экспедиции Пржевальский определяет как общую сумму тех внешних и внутренних условий, при которых придется действовать. Многие зависят от удачного выбора спутников и их отношения к руководителю. Н.М.Пржевальский подробно обосновывает в своей работе, почему экспедиции в Центральную Азию должны совершать преимущественно люди военные. По мнению Пржевальского, «состав экспедиции для продолжительной научной рекогносцировки неведомых и труднодоступных местностей в глубине Центральной Азии из статских людей едва ли возможен. В таком отряде неминуемо воцарится неурядица, и дело скоро рухнет само собою. При том же военный отряд необходим, чтобы гарантировать личную безопасность самих исследователей и достигнуть иногда силою того, чего нельзя добиться мирным путем. Невоенный человек может быть принят разве в качестве специального исследователя, но с условием полного подчинения начальнику экспедиции. Этот последний и его помощники также будут надежнее из людей военных, разумеется, при условии их годности для дела путешествия. Конвой должен состоять из служащих солдат и казаков. Дисциплину в отряде следует ввести неумолимую, рядом с братским обращением командира со своими подчиненными. Весь отряд должен жить одной семьей и работать для одной цели под главенством своего руководителя».

Что касается конкретной программы путешествия, то Пржевальский исходит здесь из принципа «обстоятельства повелевают». Он считает, что лучше наметить программу путешествия в общих чертах, полагаясь, что подробные условия выяснятся на месте. Относительно состава экспедиций Пржевальский полагает, что посылать следует несколько отдельных экспедиций «каждая со своей собственной задачей — успех их дела гораздо более будет обеспечен, чем при коллективном шествии». Говоря о своем личном опыте, путешественник свидетельствует, что он всегда был счастлив в выборе товарищей и весьма обязан им успехами, при этом он рекомендует обращать большее внимание на нравственные качества своих помощников, брать с собою людей молодых, сильных и энергичных. Не меньшее значение имеет состав экспедиционного конвоя. Пржевальский тепло отзываясь о солдатах и казаках: «это идеальные для трудных и рискованных путешествий люди: они смелы и неприхотливы и легко дисциплинируются; кроме того, из тех же казаков выходят хорошие препараторы и переводчики».

Для организации путешествий из государственной казны специально выделялись средства. Из работы Пржевальского следует, что все члены экспедиции получали содержание за два года вперед, причем «золотою монетою». Оплачивался также проезд и провозка экспедиционного багажа от Петербурга до начального пункта путешествия и обратно. На деньги, отпущенные казной, закупались инструменты для «астрономических и гипсометрических наблюдений, научные инструменты, препараты для коллекций, часть оружия, аптека, фотоаппарат и проч.».

Срок обычной экспедиции, или как определяет ее Пржевальский — «научной рекогносцировки», должен быть, по мнению путешественника, два года: чтобы пробыть в странствии два лета и одну зиму. Путешественник обращает внимание на предварительную подготовку экспедиции, которая должна заключаться в знакомстве с литературой.

Миддендорф
Александр Фёдорович

Корженевский
Николай Леопольдович

Исходя из личного опыта, Пржевальский предостерегает от происков китайских властей: «китайские власти непременно стараются тайными происками тормозить научные исследования путешественника, в особенности, если познают в нем мастера своего дела. Вместе с тем, как это уже было со мною, всячески постараются сначала затруднить путь, а если это не удастся, то воздвигнут более сильную преграду в виде распаленного невежества и фанатизма дикой массы».

Обстоятельно рассматривает Пржевальский вопрос снаряжения экспедиции. Перечень оборудования необходимого для проведения исследований, говорит о серьезной научной работе, которую вела каждая направляемая в Центральную Азию экспедиция. Приведем этот список: «Мы брали с собою: небольшой универсальный инструмент работы Брауэра, с точностью отсчета до 20 секунд для определения широт; довольно сильную зрительную трубу Фраунгофера, барометр Паррота для абсолютных определений высот; к нему запасные трубки, для маршрутно-глазомерной съемки. Термометры Цельсия для метеорологических наблюдений; гипсотермометр, в подспорье к барометру. Психрометр для определения влажности воздуха, компасы в подспорье к буссолям; бинокли, служат в путь и на охоте; фонарь для астрономических наблюдений ночью; для препарирования чучел птиц и млекопитающих: ножички, гипс, наконец, запасы ваты и пакли. Для собирания спиртовых коллекций, т.е. гадов и рыб, мы запасались тремя сортами квадратных банок. Для сбора гербария покупалось 5-6 стоп пропускной бумаги. Насекомые укладывались в квадратные картонные коробки по три слоя в каждой; бабочки завертывались в бумажки и также клались в коробки, но без ваты. Пауки и муравьи собирались в спирт в маленькие стеклянные цилиндры. Этикеты на горных породах наклеивались гумми-арабиком. Сверх того мы имели с собою небольшую фотографию с пятьюстами запасных сухих пластинок».

В числе необходимых для путешествия вещей особое место занимали подарки, без которых, как известно, в Азии шагу нельзя было ступить. Пржевальский называет подарки, которые он всегда имел с собою для местных властей и населения: небольшие складные зеркала; железные вещи: ножи, ножницы, бритвы, иголки; серебряные карманные часы, в особенности больших размеров и с заводом без ключа; ящики с музыкой; оружие — преимущественно револьверы; стереоскопы; бинокли; магний; магниты; духи; мыло; сигары; шкатулки; сердоликовые кольца; раскрашенные фотографии женщин; красное и желтое сукно; при этом путешественник замечает, что «подарки следует давать не особенно щедро, да и деньгами ни в коем случае не сорить».

В число забот руководителя экспедиции входили экспедиционные животные. Среди них, безусловно, на первом месте были верблюды. Пржевальский в своих работах воспел гимн «кораблю пустыни». По мнению ученого, верблюд способен выполнить долгую и надежную службу для путешественника, лишь бы он умел, как следует обращаться со столь своеобразным животным. Путешественнику необходимо сразу приобрести не только хороших, но даже отличных верблюдов, не заботясь об их дороговиз-

не. От качества этих животных будет зависеть весь ход путешествия. Верблюд может обходиться без пищи восемь или десять дней, а без питья осенью и весной дней семь, летом же, в жару, верблюдами всюду можно пройти по Центральной Азии, по безводным пустыням, и по гигантским горным хребтам. Что касается мулов, то Пржевальский рекомендует брать их при самой крайней необходимости. Преимущества вьючного мула перед верблюдом в том, что первый лучше лазит по горам и может проходить в местностях, недоступных для верблюдов. Среди неписаных законов путешествия — порядок вьючения животных. Пржевальский делится своим опытом этого непростого занятия. Про себя он говорил следующее: «У меня в отряде при четвертом путешествии вьючение было доведено до совершенства, так что весь бивуак снимался и около 40 верблюдов завьючивались менее чем в 2 часа. Подробно описывает путешественник и другие составные части экспедиции: снятие бивуака, устройство нового стойбища, двойные переходы, дневки. Говоря о гигиенических условиях путешествия, ученый отмечает следующее: «Вечная грязь на теле, часто дурная вода для питья, пронизывающий до костей холод, палящий зной, разреженный воздух громадных высот, зимою дым в юрте, иногда невыносимый для глаз блеск снега, ежедневная усталость, нередко до утомления, и пр. и пр. Зато вольная жизнь и дело по душе, постоянный моцион, чистый воздух, крепкий сон, отсутствие мелких тревог и фальши обыденной жизни, восторженная радость успеха и т.п. оказываются более полезными факторами относительно здоровья путешественника и прочно закаляют его силы».

Грядущему поколению путешественников Пржевальский предлагает четко разработанную систему организации и проведения всестороннего изучения региона. Важное место отводит Пржевальский отношению путешественников с местным населением. Обладающий колоссальным личным опытом общения с туземцами, исследователь предупреждает: «Научная цель путешествия нигде не будет понята местным населением и через то путешественник всюду явится подозрительным человеком. Это в лучшем случае. В худшем же — к подозрительности присоединится и ненависть к пришельцу».

По мнению генерала Пржевальского, для успеха далеких и рискованных путешествий в Центральной Азии необходимы три проводника: деньги, винтовка и нагайка. Деньги — потому, что местный люд настолько корыстен, что не задумываясь продаст отца родного; винтовка — как лучшая гарантия личной безопасности, тем более при крайней трусости туземцев, многие сотни которых разбегутся от десятка хорошо вооруженных европейцев; наконец, нагайка также необходима потому, что местное население, веками воспитанное в диком рабстве, признает и ценит лишь грубую силу.

Самым жизненным вопросом экспедиции Н.М.Пржевальский считал систему научных работ, которая подразделялась на наблюдение, описание, собирание коллекций. На первый план путешественник ставил географические, затем естественно-исторические и, наконец, этнографические исследования. Относи-

Серебренников
Андрей Георгиевич

Громбчевский
Бронислав Львович

Великий князь
Константин Николаевич

Скерский
Алексей Генрихович

тельно последних Пржевальский замечал, что весьма трудно собирать их при незнании местного языка и подозрительности населения.

Среди способов научных исследований им выделялись следующие: маршрутно-глазомерная съемка; астрономические определения широты; барометрическое определение абсолютных высот; метеорологические наблюдения; специальные исследования над млекопитающими и птицами; этнографические изыскания; ведение дневника; собирание коллекций — зоологической, ботанической и частью минералогической; фотографирование. Иллюстрируя систему научных работ на собственном профессиональном опыте, Пржевальский отмечал, что маршрутно-глазомерную съемку по возможности нужно держать в секрете от местного населения; расстояние в пути целесообразно измерять часами по ходу верблюда; расспросные сведения следует записывать с оговоркой на источник. Большую часть времени занимало составление зоологической и ботанической коллекции: препарирование птиц, выделка шкур, сбор гербария, семян и почвы.

Специальное научное изучение Центральной Азии, по мнению ученого, несомненно, принесет огромную материальную выгоду России. Соединенные усилия пионеров науки с одной стороны, и путешественников-первопроходцев с другой, «снимут окончательно в недалеком будущем, темную завесу, еще так недавно покрывавшую почти всю Центральную Азию, и прибавят несколько новых блестящих страниц к истории прогресса нашего века».

Труд Н.М. Пржевальского «Как путешествовать по Центральной Азии» занимал видное место в системе подготовки русских офицеров. Эта система десятилетиями разрабатывалась и совершенствовалась лучшими государственными умами России.

Для участия в экспедициях выполнения различных миссий в разных регионах Азии офицеры проходили специальный курс обучения, программа которого была весьма обширна.

Особое внимание уделялось обучению восточным языкам, которое было поставлено как ни в каком другом военном ведомстве мира. К середине XIX века «офицеров-восточников» готовили многие российские военно-учебные заведения. В Сибирском кадетском корпусе изучались киргизский, турецкий, татарский, персидский, монгольский и маньчжурский языки. Этот корпус в разное время окончили такие знаменитые путешественники, как Ч.Валиханов, Г.Потанин, Н.Ядринцев. Здесь же учился легендарный Лавр Корнилов. Оренбургский кадетский корпус готовил профессиональных военных переводчиков на двух отделениях: европейском и азиатском. Программа азиатского отделения предусматривала изучение истории и культуры Востока, а также «познание Алкорана и правил... вероисповедания». Длительное время здесь преподавались арабский, персидский, турецкий и татарский языки. С 1843 года в Новочеркасске при гимназии действовало отделение военных переводчиков. Указом Николая I офицерам определялось изучать «языки и наречия наиболее употребительные на Кавказе — по усмотрению местного начальства». Обучение длилось 2 года, после чего выпускники направлялись на службу в Отдельный Кавказский корпус.

Грум-Гржимайло
Михаил Ефимович

Проблема изучения восточных языков офицерами частично была решена после окончания последней русско-турецкой войны. В 1881 году началось обсуждение проекта создания офицерских курсов при учебном отделении Азиатского департамента МИД, которые были открыты через два года и предназначались для подготовки офицеров к службе на Кавказе и в Средней Азии. На курсы зачислялись по результатам вступительных экзаменов не более пяти офицеров в год. За три года обучения необходимо было овладеть арабским, турецким, персидским и татарским языками. Кроме того, преподавались международное и мусульманское право, французский язык, специальные предметы. Курсы приравнивались к военной академии. Для «усовершенствования знания языков» слушатели специальным приказом военного министра командировались на четыре месяца в Персию и Турцию. Командируемым в сопредельные страны предписывалось строго соблюдать специально разработанную инструкцию, в которой в частности говорилось о необходимости «совершенствования произношения слов, практических переводов, записи арабских слов и выражений, употребляемых местным населением».

В 1911 году Николай II утверждает «Положение о порядке изучения офицерами восточных языков». Новое руководство учреждало офицерские школы при штабах Приамурского, Туркестанского, Кавказского военных округов — для подготовки офицеров-переводчиков восточных языков. Обучение включало в себя теоретический курс (восемь месяцев) и стажировку в восточных районах вне и внутри России (два года). За восемь месяцев необходимо было овладеть двумя восточными языками в такой степени, чтобы «вести разговор с образованным иностранцем на простейшие темы общего содержания», свободно читать и писать восточные тексты, переводить с восточного на русский любую статью и делать ее грамматический разбор. В программе офицерских курсов восточных языков предусматривалось преподавание истории Востока, основ ислама, географии и этног-

Грум-Гржимайло
Григорий Ефимович

рафии азиатских стран. В Тифлисе преподавались турецкий и персидский языки. В Ташкенте - персидский, узбекский, дари, китайский и урду. В Хабаровске изучались китайский, японский, монгольский и корейский. Помимо восточных языков преподавались также английский и французский. После подготовку в место курса слушатели направлялись на год в командировку в места компактного проживания носителей языка на территории округа. Затем офицеры должны были сдать экзамены по двум восточным языкам, военной географии, истории Востока, мусульманскому праву, курсу разведки. Выдержавшие экзамен направлялись на 1-2 года в страну изучаемого языка.

О серьезном отношении военного руководства к востоковедному образованию свидетельствует приказ военного министра /ноябрь 1913 г./ «О дополнении положения об изучении офицерами восточных языков». В документе говорилось: «Готовить знатоков широкого профиля и глубокого знания языков, направлять способных выпускников для продолжения образования в УОВЯ, отправлять выпускников в 2-х годовичные командировки за границу».

Военные занимали ведущее место и в деятельности ИРГО. В числе его основателей были известные путешественники - генерал-адъютант Ф.Ф. Берг, генерал-майор М.П. Вронченко. Членом Совета общества длительное время состоял военный министр генерал Д.А. Милютин, автор Устава Общества, с именем которого тесно связана организация исследовательских работ по изучению Азии.

Многие из русских офицеров, совершавших путешествия по Азии, являлись членами Императорского русского географического общества, о чем свидетельствуют дошедшие до нас архивные материалы. Мировая научная общественность узнавала о достижениях русских военных исследователей, благодаря публикациям ИРГО и, прежде всего, «Известиям» и «Запискам общества». Показательно в этом смысле письмо фон-Кауфмана Д.А.Милютину, где говорится: «Как Ваше Высочайшее изволение усмотреть, большая часть статей и заметок, помещенных в «Известиях», принадлежит чинам Военного министерства, служащим в Туркестанском крае».

Большая часть наградного фонда ИРГО за величайший вклад в развитие мировой и отечественной науки была вручена русским военным. Среди них - генералы Н.М.Пржевальский, А.Н. Куропаткин, М.В.Певцов, Б.Л.Громбчевской, А.В.Каульбарс, и многие другие известные и малоизвестные русские офицеры.

Говоря о русских военных в Азии, следует подробно остановиться на востоковедной деятельности первого Туркестанского генерал-губернатора. Наделенный широкими полномочиями как в вопросах внутренней, так и внешней политики, он самостоятельно формировал концепцию развития отношений с местным населением края и с сопредельными странами. Необходимым условием для выработки такой политики являлось проведение широкомасштабных научных исследований географического, экономического и этнографического характера. Деятельность генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон-Кауфмана безусловно заслуживает специального исследования. Мы остановимся лишь на основных его мероприятиях по организации изучения Туркестана.

Ванновский
Сергей Петрович

Одним из первых приказов фон-Кауфмана было учреждение в 1868 г. Статистического Комитета, целью которого был сбор «цифровых данных о состоянии края». В этом приказе говорилось: «Для проведения в порядок имеющихся и собрания новейших статистических сведений о вверенном мне крае учреждается при моем управлении в г. Ташкенте Статистический Комитет. Комитету предоставляется право с предварительного доклада мне приглашать в свои заседания посторонних лиц, которые могут принести пользу занятиям Комитета. Начальники частей войск и управлений, как военных, так и военно-народных, обязываются доставлять комитету все требуемые им сведения, а в случае разъездов членов Комитета, оказывать им всевозможное содействие».

Вся статистическая работа выполнялась преимущественно офицерами штаба Туркестанского военного округа в интересах военного ведомства. Об этом свидетельствует письмо генерала Кауфмана в Главный штаб, где он сообщал: «Все собранные этим Комитетом сведения, могущие иметь какой-нибудь интерес, по обработке их будут немедленно доставляться в Главный штаб».

В Ташкенте выходил ежегодник Статистического комитета, где публиковались сведения по истории, географии, этнографии региона, здесь же сообщались результаты переписи населения и другие статистические данные. Подобные статистические комитеты были учреждены также в Семипалатинской и Акмолинской областях. Богатейший материал, содержащийся в статистических отчетах, позволял русской администрации корректировать свою политику в Азии.

Следует упомянуть также об уникальном труде «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания». Работа по его составлению была возложена по «высочайшему разрешению» на полковника А.Г. Серебренникова. Всего было подготовлено 70 томов, из которых к 1915 г. вышло только 14 томов. Заслуживает внимания и «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа» полковника генштаба князя Стокасова, где сведения о Ферганском районе представлены отдельным изданием.

Фон-Кауфман проводил колоссальную культурно-просветительскую работу. Офицерам, прибывшим служить под его началом, вменялось в обязанность изучать местные языки, знать особенности и обычаи «туземного населения», заниматься научным исследованием региона. По инициативе генерал-губернатора в Ташкенте было учреждено Среднеазиатское научное общество. Его целью определялась «разностороннее исследование края», что включало в себя создание учебных материалов по таджикскому, туркменскому и узбекскому языкам, чтение публичных лекций на самые различные краеведческие темы, проведение востоковедных исследований. Типография штаба Туркестанского военного округа печатала учебники, исследования и краеведческую литературу.

Каждое военное собрание в уездных городах Туркестана имело при себе библиотеку, театральную труппу, целую сеть различ-

Зайцев
Василий Николаевич

Снесарев
Андрей Евгеньевич

Ошанин
Василий Федорович

Северцов
Николай Алексеевич

ных кружков и обществ. Библиотека Туркестанского генерал-губернатора, например, насчитывала более 13000 томов. До нашего времени дошел уникальный «Туркестанский сборник» — собрание журнальных и газетных статей российской прессы. Об интересе российской общественности к Туркестану свидетельствует то, что за 20 лет было составлено 416 томов этого сборника. В 1873 году по приказу генерал-губернатора был составлен фотографический альбом Туркестанского края, куда вошло 1400 снимков по этнографии, археологии, истории и экономике. В 1880 году последовало распоряжение Кауфмана об изготовлении альбома фотографий «по типам народностей, проживающим в Туркестане». Такой альбом был создан и передан в музей этнографии Академии Наук.

Кауфман добивался приглашения в Туркестан известных деятелей российской науки и искусства. Так, по его просьбе военный министр Милютин ходатайствовал перед Александром-II о командировании художника Верещагина на два года для подготовки «альбома картин из быта Туркестанского края». Просьба была удовлетворена и итогом трехлетнего пребывания Верещагина в Туркестане стал знаменитый альбом художника, получивший широкую признательность.

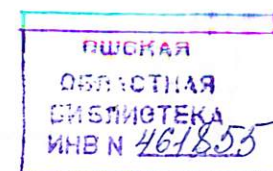
Неутомимая деятельность генерала фон-Кауфмана К.П. по организации востоковедных исследований в крае и сбору уникальных материалов по Азии в копилку российской науки была по достоинству оценена научной общественностью. В 1873 году генерал-губернатору было присвоено звание почетного члена Российской Академии Наук.

Таким образом, военные исследователи конца XIX — начала XX вв. представляли собой высокообразованных востоковедов, внесших значительный вклад в изучение новых азиатских владений России. Военное ведомство дало российской науке целую плеяду путешественников, научные открытия которых получили мировое признание, сохраняющееся и по сей день.

Вполне очевидно, что Российская Империя обратила свой взор во второй половине XIX века на Центральноазиатский регион, прежде всего, как на важный стратегический плацдарм для достижения своих политических и экономических целей на Востоке. Вместе с тем процесс продвижения и упрочения России в Азии был объективно позитивен и экономически неизбежен.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА ОШСКОЙ ЗЕМЛЕ

После ликвидации Кокандского ханства и присоединения южно-кыргызских земель к России, в составе Туркестанского генерал-губернаторства создались благоприятные условия для активизации исследовательских работ. Ош, расположенный у подножья Памиро-Алайской горной системы, становится постоянной базой русских экспедиций, направляющихся с исследовательской целью на Памир, Памиро-Алай, в Кашгар, а также транзитным и конечным пунктом русских путешественников по пути в Китай, Афганистан и Индию.

Организатором первой Алайской научной экспедиции явился генерал М.Д.Скобелев. В ее задачу входило исследование Алайского хребта и рекогносцировка на Памире. В июле 1876 года Алайская экспедиция в составе капитана Л.Ф.Костенко, геодезиста Бонсдорфа, подполковника Лебедева обошла с трех сторон озеро Кара-Куль и исследовала высокогорный хребет, окаймляющий озера с юга. Вместе с поручиком Жилиным Л.Ф.Костенко дошел до верховий реки Мук-су. В отчете генерала М.Д.Скобелева были перечислены следующие результаты экспедиции: нанесены на карту около 25 тыс. квадратных верст, определено

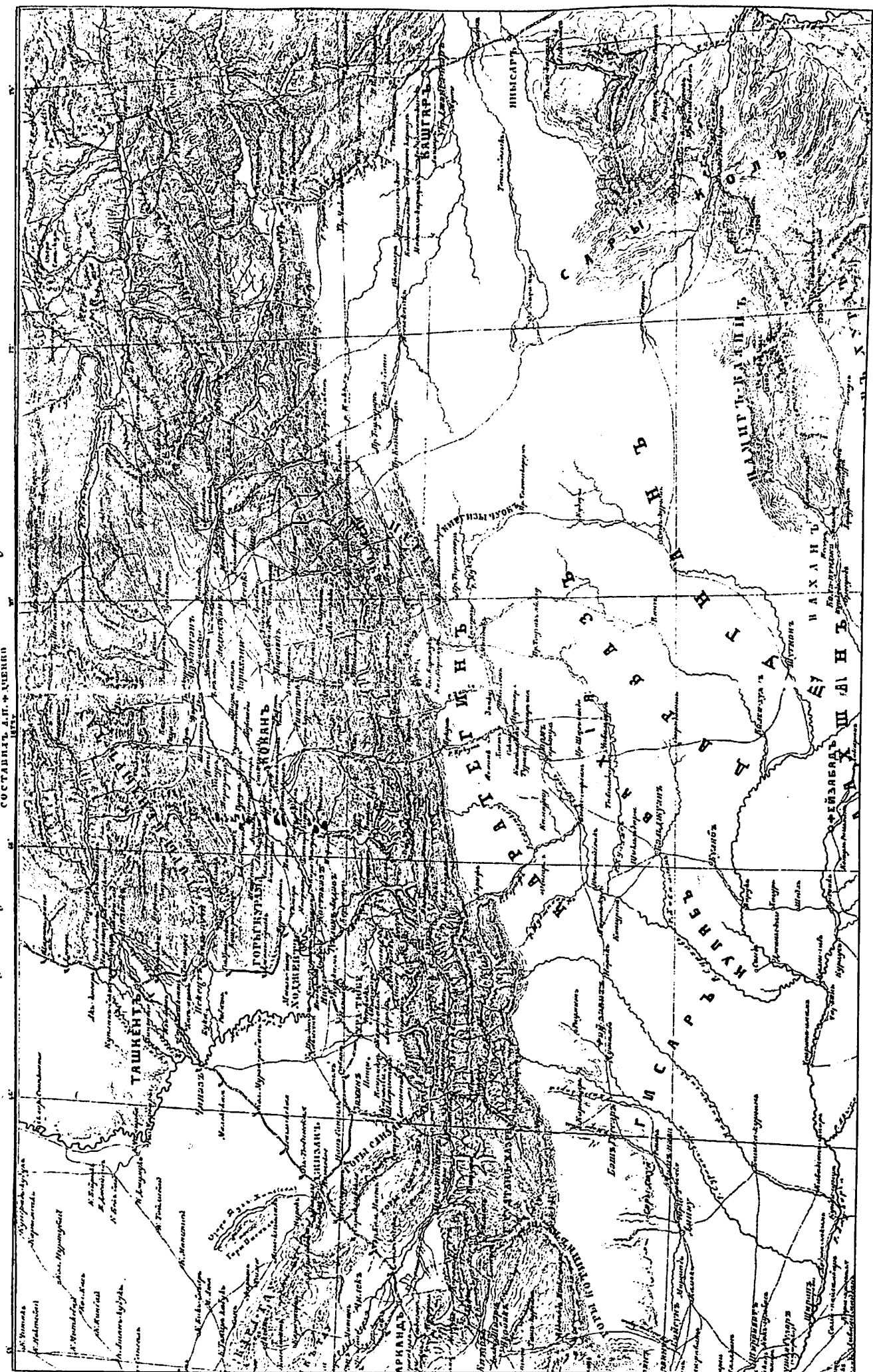
11 астрономических пунктов, проведена барометрическая нивелировка отдельных участков, определено магнитное склонение на пяти пунктах, произведены естественно-исторические исследования и собраны коллекции из царства животного и растительного мира.

Первенство в списке имен исследователей Восточной Ферганы по праву занимает Алексей Павлович Федченко. Двадцатичетырехлетний инспектор Московского университета, известный в научных кругах как ученый секретарь Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, прибыл в Туркестан в 1868 году. За три года пребывания в Туркестане ученому удалось совершить экспедиции по Зеравшанской долине, горному Таджикистану, на озеро Искандеркуль, в Джизак, верхний Зеравшан, в пустыню Каракумы. Летом 1871 года А.П.Федченко с женой Ольгой Александровной, препаратором, переводчиком и сопровождавшими их ханскими джигитами совершил с немалыми трудностями путешествие на Алай, куда еще не ступала нога ученого-европейца. Здесь А.П.Федченко открыл и описал Заалайский хребет и его наивысшую точку (известный позднее как пик Ленина), собрал обширные ботанические и зоологические коллекции, изучил орографическое строение местности. На обратном пути экспедиция посещает Ош, Гульчу и Узген, где делаются зарисовки местности и составляются исторические описания памятников.

Примечательно, что Военное ведомство России высоко оценило заслуги ученого. В донесении на высочайшее имя фон-Кауфман, оценивая результаты работы Федченко, ходатайствовал перед царем о награждении «титularного советника Федченко орденом Святого Владимира IV степени, а жену его Ольгу — браслетом, украшенным бриллиантами с рубинами».

Ольга Александровна Федченко, жена путешественника, была не менее замечательным человеком. Ее перу принадлежит не менее 70 научных работ, она первая из женщин-ботаников была избрана членом-корреспондентом Российской Академии Наук. Вместе с сыном, известным ботаником Б.А.Федченко, вновь посетила Туркестан, участвовала в Памирской экспеди-

КАРТА
КОКАНСКАГО ХАНСТВА И ВЕРХОВЬЕВЪ АМУ-ДАРЬИ
на основании существующихъ сведенийъ, собранныхъ морскими и сухопутными путешественниками, составленъ А.П. Федченко

ции, издала единственный в своем роде художественный альбом «Виды Русского Туркестана».

Другой молодой ученый, горный инженер И.В.Мушкетов достойно продолжил изыскания А.П.Федченко. Он стал первым ученым, посетившим долину реки Мук-су. Проработав два года чиновником для особых поручений по горной части при Туркестанском генерал-губернаторе, И.В.Мушкетов вернулся в Санкт-Петербург преподавателем в Горный институт. Последующие пять лет, ежегодно приезжая в Туркестан, он исследовал юг Ферганы, Алай, озеро Кара-Куль, прошел все восточные и северные окраины Ферганской долины. Работа И.В.Мушкетова «Туркестан» поистине стала классическим трудом по геологическому и орографическому описанию края с древнейших времен до конца XIX века.

Существует предположение что в экспедиции Мушкетова по изучению Зеравшанского ледника участвовал Великий Князь Николай Михайлович. На это прямо указывает его телеграмма, где он поздравляет Мушкетова и надеется на встречу с «товарищами по совместному изучению Средней Азии».

Возглавлявший экспедицию Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Василий Федорович

Ошанин пошел по стопам своих товарищей А.Федченко и И.Мушкетова. В 1878 году он вместе с топографом Г.Е.Родионовым и офицером М.Н.Невесским оставил Ош и направился вверх по реке Мук-су. Экспедиция открыла новый хребет, получивший имя Петра Первого, и обнаружила ледник, которому В.Ф.Ошанин дал имя Федченко. Материалы, собранные путешественниками позволили также составить карту этих никем не посещаемых ранее районов.

В.Ошанин неоднократно бывал в Оше, проводя большие сборы насекомых Туркестана. Его основные работы были посвящены изучению географического распространения полужесткокрылых и равнокрылых насекомых, за что он был удостоен Малой золотой медали имени П.П.Семенова Русского географического общества.

По Ошской земле прошли экспедиции известного географа, зоолога, естествоиспытателя, общепризнанного основателя экологической науки Николая Алексеевича Северцова. Впервые он появился в этих местах в 1877 году уже титулованным путешественником, удостоенным золотой медали ИРГО и медали I класса Парижского географического конгресса. До этого Северцов по заданию Военного ведомства подробно исследовал

Нарынский край. Экспедицией Северцова тогда были составлены две записки: о путях в Кашгарию и о колонизации края. По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора ученого сопровождали в поездке штабс-капитан Никольский, полковник Полторацкий и подпоручик Вязовский. Материалы экспедиции, содержащие уникальные научные сведения о западном предгорье Тянь-Шаня, по указанию фон-Кауфмана были отпечатаны отдельным изданием в Ташкенте. По воспоминаниям Северцова на основании его сугубо научных записок Генеральным штабом впоследствии «был составлен план занятия верхнего Нарына, на которое мы имеем право по Пекинскому трактату 1861 г., но которое исполнилось только в 1868 г.».

Результатом поездки Северцова была уникальная коллекция, собранная ученым, и его труд под названием «Орнитология и орнитологическая география европейской и азиатской России». Большую ценность представляли также выводы стратегического характера, приведенные в отчете экспедиции. В частности, там говорилось: «Русская оседлость внутри Тянь-Шаня, кроме хозяйственного удобства для поселенцев, имеет и стратегическое и политическое значение, вполне выясненное примером Кавказа, где устройство таких поселений оказалось до того необходимым, что Россия для этого не отступила ни перед какими жертвами». А в Тянь-Шане горные русские селения возможны еще без выстрела и могут предупредить горную кавказскую войну».

Заслуги Северцова были по достоинству оценены военным руководством. Милютин доносил царю: «Туркестанский генерал-губернатор свидетельствует, что научные исследования доктора Северцова были обращены на пользу вверенного ему края и способствовали решению тех вопросов, для правильного разъяснения которых требовалось основательное знание местных условий». Царским указом от 29 августа 1869 года доктору Северцову была определена награда в 3000 рублей.

С осени 1877 г. до лета 1878 г. Н.А.Северцов находился в Оше, подготавливая экспедицию на Восточный Памир, куда он направился только в июле. За два месяца Северцов исследовал район озера Кара-Куль, посетив Аличурскую долину, озеро Зор-Куль и дошел до озера Яшил-Куль, производя съемку и нанося на карту неизвестные территории.

Исследование Н.А.Северцовым Восточного Памира существенно изменило и имеющуюся в то время географическую карту. Неисследованная часть региона была сокращена более чем на половину.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА,
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФИИ
ТОМЪ XIII.

Изданный под редакцією П. В. МУШКЕТОВА.

ОРОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

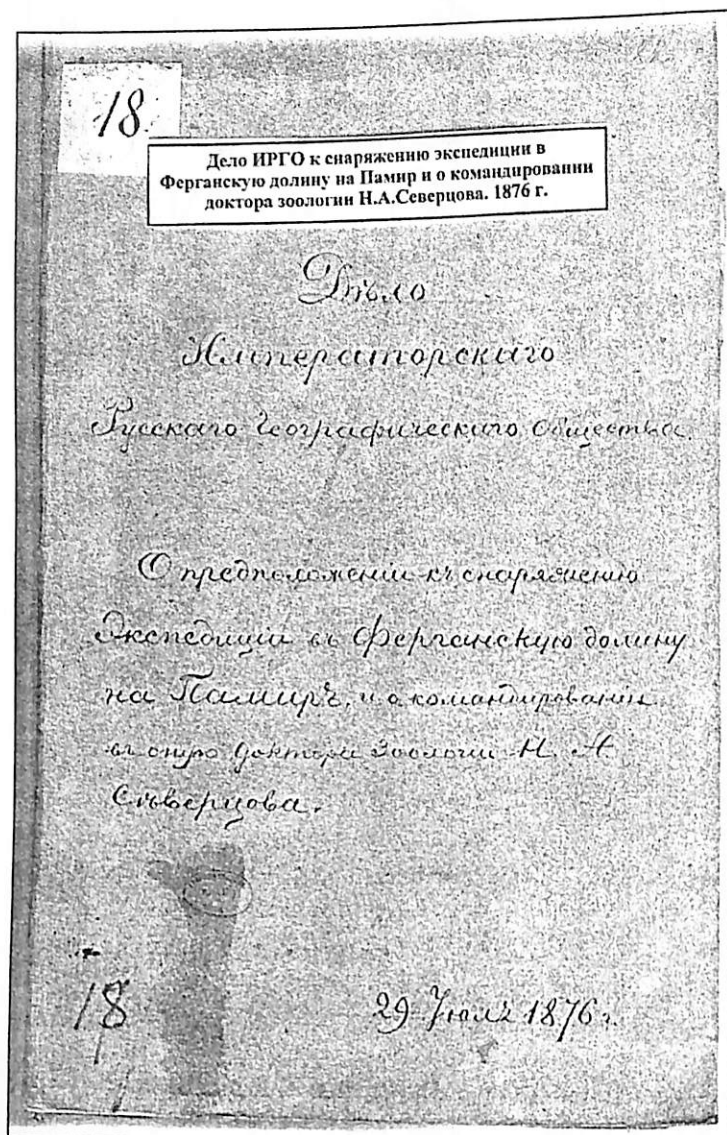
ПАМИРСКОЙ ГОРНОЙ СИСТЕМЫ.

Н. А. СЕВЕРЦОВЪ.

Съ портретомъ автора, 29 рисунками, съ политическими и картами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., в лев., № 12.)
1886.

В 1883 году в Оше формировалась так называемая Большая Памирская экспедиция под руководством капитана Генерального штаба Дмитрия Васильевича Путята. В предписании, выданном экспедиции, говорилось: «Цель поездки этих людей самая мирная. Они будут собирать камни, растения, насекомых, рисовать, писать, разглядывать в трубки небесные светила и измерять высоту гор». Экспедиция в составе 22 человек через Талдыкский перевал двинулась на Алтайский Сарыкол. Пройдя озеро Малый Каракуль через Улуграватский перевал до Тагармской равнины, в конце июня экспедиция вступила в Ташкуртан. Дальнейший путь экспедиции пролегал к Акташу по ущелью Шиндинского ручья. Здесь экспедиция разделилась на две партии, Иванов и Бендерский двинулись в сторону Большого и

Малого Памира, Путята проследовал вниз по течению Мургаба 40 верст, повернул назад, перевалив через перевал Бузтепе, прибыл в Яшикуль, отсюда — на Аличур, у Даваз-Таша соединился с группой Иванова и Бендерского.

Затем экспедиция опять разделилась: инженер Иванов возвратился назад, чтобы по Маасу выйти через перевал Койтезек к озеру Яшилкуль и затем спустился к Мургабу.

Путята с топографом Бендерским отправился в Сархад. В Кокджаре экспедиция соединилась.

В конце сентября экспедиция направилась в Восточную Бухару. Результатом проделанной работы было составление карты Памира, систематизация геологических сведений о регионе, сделаны зарисовки Памира. Подробности этой важной экспедиции обстоятельно изложены Д.В.Путятой в его «Очерке экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан». Большой сенсацией в научном мире стала опубликованная в «Известиях ИРГО» отчетная карта путей пройденных членами Большой Памирской экспедиции.

Д.В.Путята и Д.Л.Иванов первые в географической науке попытались определить происхождение Памира.

Жизнь и судьба Дмитрия Львовича Иванова, чиновника для особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, тесно связана с городом Ош. Отставной офицер, участник Самаркандского и Хивинского походов, писатель, фотограф, художник. Д. Л. Иванов неоднократно посещал Восточную Фергану, оставив удивительные фотографии, рисунки, художественные и путевые заметки. Еще в 1880 году вместе с И.В. Мушкетовым он участвовал в экспедиции на Зеравшанский ледник. В Большой Памирской экспедиции кроме ценных геологических исследований Д.Л. Ива-

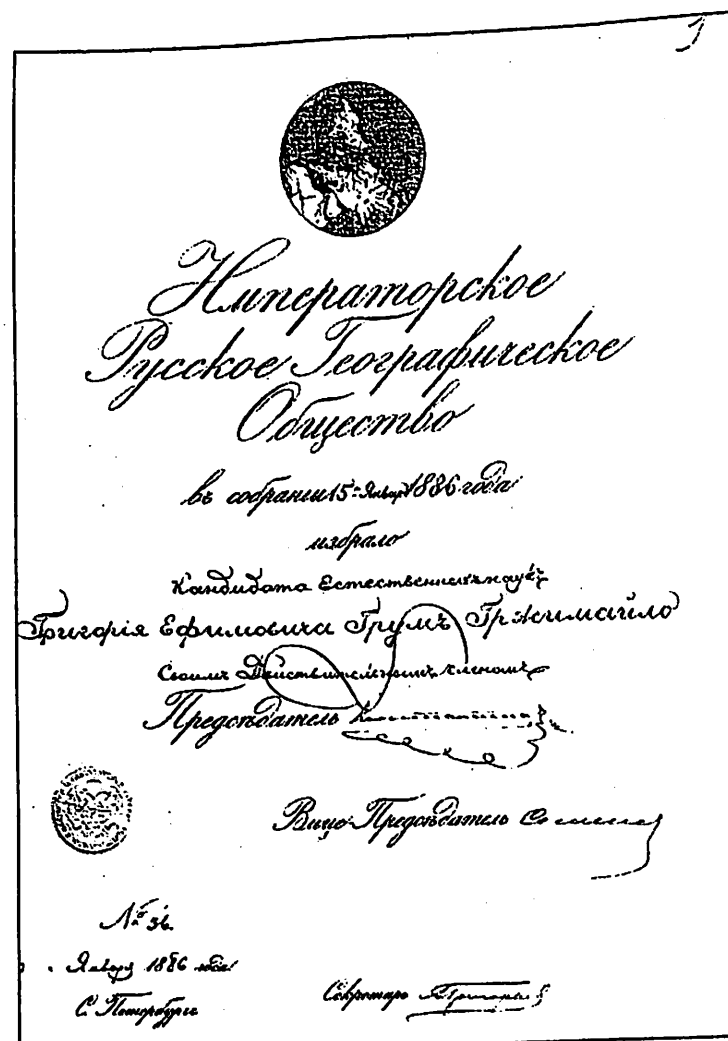
нов составил русско-шугнанский словарь, изданный впоследствии академиком К. Залеманом. Лингвистический материал, собранный Д.Л. Ивановым, положил начало изучению живых памирских языков, которые, по определению члена-корреспондента РАН, профессора И.М.Стеблина-Каменского, содержат информацию о более глубокой древности, чем такие трактаты как «Авеста».

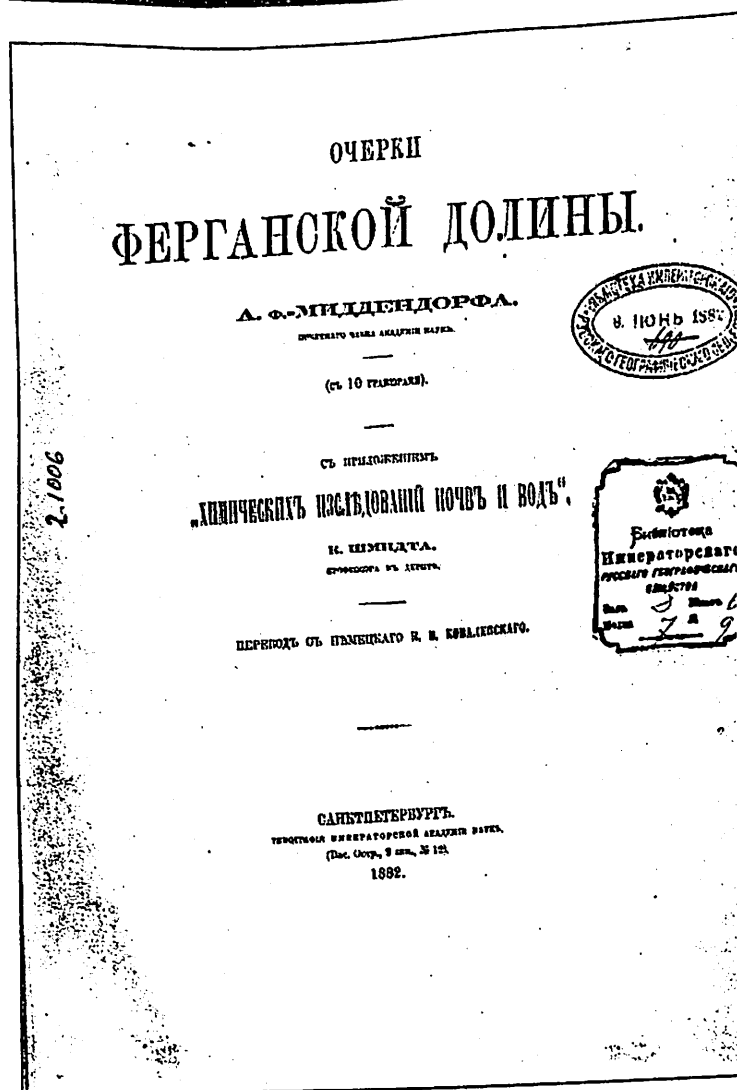
Чаще всех фигурирует Ош в научной биографии замечательного путешественника Григория Ефимовича Грум-Гржимайло. Путешественник неоднократно приезжал в Ош, жил и работал здесь. Он совершил четыре экспедиции по Восточному и Центральному Памиру. Ученый был одним из первых, кто обобщил исследования о строении горных систем, образовании ледников, происхождении и развитии народов, населяющих этот край.

В архивах сохранилась его переписка с выдающимися людьми своего времени. В их числе Великий князь Николай Михайлович. Внук Николая I генерал-адъютант Николай Михайлович Романов с детства серьезно увлекался энтомологией, являлся автором солидных исследований в этой области, в связи с чем был избран членом Французского энтомологического общества. Человек разносторонних знаний, Николай Михайлович был известен и как крупный историк, изучавший эпоху Александра I. Доктор истории Московского университета и доктор философии Берлинского университета, председатель Императорского русского исторического общества Н.М.Романов с 1892 года по 1917 год возглавлял Императорское русское географическое общество.

Благодаря Великому князю стали возможны путешествия Г.Е.Грум-Гржимайло. Он взял под свое покровительство его экспедицию 1884 года на Памир, в ходе которой Г.Е.Грум-Гржимайло собрал богатую коллекцию бабочек (свыше 12 тыс. экземпляров). На личные средства Николая Михайловича были организованы все последующие экспедиции: 1885 года в Зеравшан, 1886 года в Западный Тянь-Шань, 1889 года на Памир.

Сохранилось 16 писем и 8 телеграмм Николая Михайловича к Г.Е.Грум-Гржимайло, некоторые из них адресованы в город Ош. Как свидетельствует исследователь Л.И.Ярукова, «письма и телеграммы затрагивают круг вопросов, связанных со сбором коллекционных бабочек, отражают заботу Николая Михайловича о здоровье Григория Ефимовича, а также касаются вопросов субсидирования работы исследователя и показывают заинтересованность Великого князя в тех находках, о которых сообщает ученый. Содержание некоторых писем отражает профессиональные споры о названии чешуекрылых, заботу об издании очередных томов «Мемуаров о чешуекрылых» и т.д. Иногда Николай Михайлович пишет о своих занятиях в Академии Генерального штаба, об усталости и желании уехать на Кавказ и заниматься сбором бабочек, завидует путешественнику. Во многих письмах Николай Михайлович извиняется за свой неразборчивый почерк. Все письма на русском языке, за исключением латинских обозначений бабочек и разъяснения таблиц, составленных на французском языке. Письма и телеграммы отправлялись из Левашова, Серебрянки В.Ж.Д., Петербурга, из Михайловского дворца, из Красного села, из Тифлиса. В конце писем обычно подпись — Николай, или Ни-

колай Михайлович, а перед подписью — «жму Вашу руку», или «Весь Ваш», или «Глубокоуважающий Вас»».

Ош являлся отправным пунктом русских экспедиций и миссий в Восточный Туркестан, особенно в период правления Кашгарией Якуб-беком. Алайской долине и городу Ош в Санкт-Петербурге в то время придавалось большое стратегическое и торгово-экономическое значение. Именно здесь проходил кратчайший и наиболее безопасный путь в Кашгарию и далее — в глубь Китая. Из трех маршрутов, которые русские власти рассматривали для торговли с Китаем в азиатской части, наилучший пролегал через Ош (Ташкент-Коканд-Ош-Кашгар). По этому пути провоз товаров был дешевле и короче.

В течение десятилетий Кашгария была ареной англо-русского соперничества. Владение Кашгарией открывало выходы в Российскую империю, на Алай, Тянь-Шань, Памир, а также на афганский Бадахшан, в Британскую Индию — Ладакх и Кашмир. С другой стороны, в борьбу за влияние на этот регион в то время активно включался Китай. В этой связи представляет интерес мнение выдающегося русского ученого Семенова-

Тянь-Шаньского: «Знакомство с этой окраиной представляется для нас русских особенно важным в виду выдающегося значения Китая, судьбы которого тесно связаны с этой окраиной и всегда зависели от тех отношений к народам Средней Азии, которые завязывались у Китая именно с этой окраиной.... Через естественные ворота этих окраин, наконец, происходили весьма важные торговые сношения и через посредство этой окраины могут продвигаться в будущем все далее на восток рынки для сбыта русских изделий, начинающих уже туда проникать. Таким образом, не только в научном, географическом, но и в историческом и стратегическом отношении восточная окраина нагорной Азии заслуживает внимательнейшего изучения».

Поездки, предпринятые русскими военными в Восточный Туркестан в конце XIX — начале XX века, как правило, организовывались из Оша. В 1876 году из Оша в Кашгар была направлена военно-дипломатическая миссия к правителю Кашгарии Якуб-беку во главе с капитаном Генерального штаба А.Н. Куропаткиным. Экспедиция в составе штабс-капитанов Старцева, Сунаргулова и натуралиста Вилькинса под руководством А.Н. Куропаткина прошла из Оша через Кашгар, Марал-баши, Аксу и Куча в Курлю. Помимо решения политических задач путешественники досконально исследовали все возможные маршруты из Оша в Кашгарию. Будущий военный министр России А.Н. Куропаткин про-

явил себя в этом путешествии талантливым исследователем, о чем свидетельствует присуждение ему золотой медали ИРГО за опубликованную книгу «Кашгария».

Несколько лет провел в Оше Бронеслав Людвигович Громбчевский. Человек поистине легендарный Б.Л. Громбчевский известен не только своими географическими открытиями, но и тем вкладом, который он внес на посту начальника Ошского уезда.

В совершенстве владеющий таджикским, узбекским, персидским и другими языками штабс-капитан Б.Л. Громбчевский, офицер для особых поручений военного губернатора Ферганы, в конце 1885 года был командирован в Восточный Туркестан. Из Оша он прошел через Кашгар и Яркенд в Хотан, а оттуда через Санджу вернулся в Яркенд и направился по прежней дороге в Ош. Впоследствии Б.Л. Громбчевский совершил несколько путешествий по Средней и Центральной Азии, исследовал верховье Сырдарьи, Нарына, Сусамыра, Ферганский и Александровский хребты, был первым представителем России, посетившим княжество Хунзу и составившим подробное описание Восточного Гиндукуша. За успешно проведенные экспедиции путешественник был удостоен серебряной и золотой медалями ИРГО.

В 1889 году Громбчевский предпринял путешествие в недоступный еще европейцам Кафиристан. Однако война в Афганистане нарушила планы путешественника. Он был вынужден изменить направление движения и в тяжелейших условиях, преодолевая снежные горы и ледники, направился к Тибетскому плоскогорью, а оттуда через Кашгарию вернулся в Ош. Экспедиция прошла 5000 километров по неисследованной еще местности, определила 73 астрономических пункта, 351 высоту, собрала богатые геологические и ботанические коллекции.

В 1891 году Б.Л. Громбчевский вторично путешествовал по Кашгарии. Спустившись с Тибетского нагорья в Хотан, он проследовал оттуда через Керию в Нию, затем направился в Куэнь-Лунь и прошел по его северному предгорью до Полу. Совершив экскурсию на Тибетское нагорье Б.Л. Громбчевский через Хотан, Пиальму, Кок-яр, Тохта-тон, Услюшь, Тор-аузы и Ак-том вышел в Яркенд и возвратился через Янги-гиссар и Кашгар в Ош. Посещение Б.Л. Громбчевским Кашгарии подробно описано в первом томе его трехтомного труда «Путешествие по Средней Азии», вышедшего в Варшаве на польском языке после смерти автора.

Описание Оша и его окрестностей часто фигурирует в работах В.П. Наливкина. Выпускник Первой военной гимназии Санкт-Петербурга и Павловского военного училища В.П. Наливкин, будучи начальником Наманганского участка, участвовал в многочисленных поездках и экспедициях по краю.

Интересные заметки об Ошской земле оставил подполковник Генерального штаба, действительный член Императорского Русского географического общества В.Ф. Новицкий, совершивший путешествие в 1889 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Ош. Целью его экспедиции было исследование некоторых местностей Центральной Азии и изучение караванных путей из Индии через Памир в Среднюю Азию. Кроме того, В.Ф. Новицкий изучал быт, этнический

состав, проводил некоторые этнографические исследования. Так, в частности, по пути через Алайскую долину он ознакомился с жизнью, бытом и занятиями кыргызов. В своей работе «Из Индии — в Фергану» он пишет: «Удивительно симпатичный тип представляет собой киргизская женщина. Деятельная, работающая, терпеливая, веселая, приветливая, она воплощает в себе светлые стороны жизни кочевника. В кочевом быту киргиза — женщина все. Она ходит за детьми, стряпает, стирает белье, ставит и убирает юрты, выючит и развьючивает верблюдов, доит скот и т.д. и т.д.».

В.Ф.Новицкий составил весьма подробную карту стран, пройденных им из Индии в Фергану, от Кашмира до Оша. Причем на данной карте он обозначил не только путь следования экспедиции, но и все, известные к тому времени, караванные торговые пути через Малый Тибет, Большой и Малый Памир, Памиро-Алай в Ферганскую долину. Сведения о торговых путях хорошо иллюстрированы фотографиями, характеризующими особенности ландшафта всех территорий, по которым в древности и средневековье проходили трассы Великого Шелкового пути через Памир.

Неоднократно посещал Ош, уже упоминавшийся, полковник Л.Ф. Костенко. В своей книге «Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения» он особо выделяет значение Оша для торгово-экономических связей Российской Империи и Китая.

С Ошской землей связаны яркие страницы биографии Лавра Корнилова, впоследствии главнокомандующего Русской армией и основателя Белого движения. Отсюда отправился он со своей первой официальной военно-дипломатической миссией в Кашгар.

В начале декабря 1899 года капитан Л.Корнилов и подпоручик В.Е.Кириллов с командой казаков вышли из Оша и через Гульчу и Иркештам направились в Кашгар. Находясь в ранге «состоящего при Императорском Российском Генеральном консульстве» Генерального штаба капитан Корнилов менее чем за год проделывает огромную работу военного агента по составлению подробного описания Сарыкола, Раскема, сбору сведений о политическом положении дел в Кашгарии, военных мероприятиях и т.д. Помимо этого он организует первое в истории почтовое сообщение между Кашгаром и Ошем. С этой целью Л.Корнилов создает почтовые станции, обустривает их, устанавливает расчет маршрутов, порядок движения и охраны почты. В середине 1900 года из Кашгарии в Ош регулярно два раза в месяц начинает поступать дипломатическая почта. За небольшой период русским офицерам под руководством Л.Корнилова удается составить подробный маршрут Ош-Кашгар с планами местности через перевал Терек-Даван. Результатом пребывания путешественника в Кашгаре явились сотни составленных им донесений, опубликованная чуть позднее книга «Кашгария или Восточный Туркестан» и, наконец, получение первой награды — ордена Святого Станислава III степени.

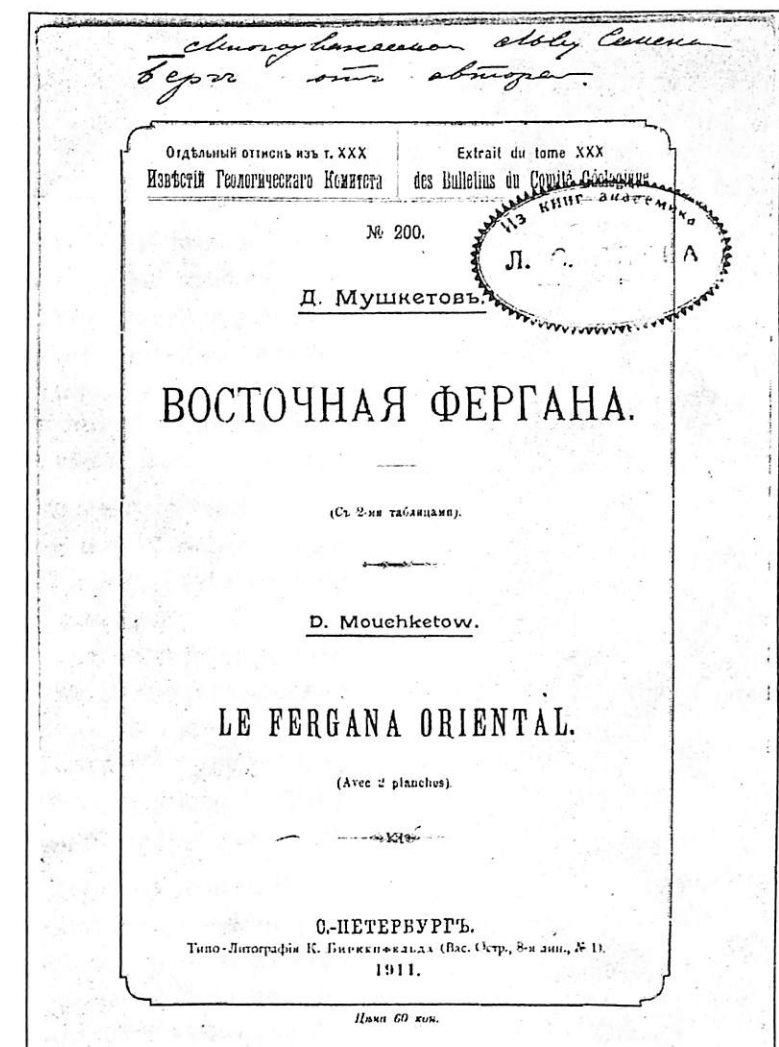
Отдельной темой является деятельность начальников Ошского уезда, которые в большинстве своем также были исследователями и путешественниками. В их числе Михаил Ефремович Ионов, впоследствии генерал-лейтенант, военный губернатор и командующий войсками. Опытный «туркестанец» М.Е.Ионов установил прекрасные отношения с местной элитой, дружил с Курманжан-даткой, способствовал «европеизации» Оша и его населения.

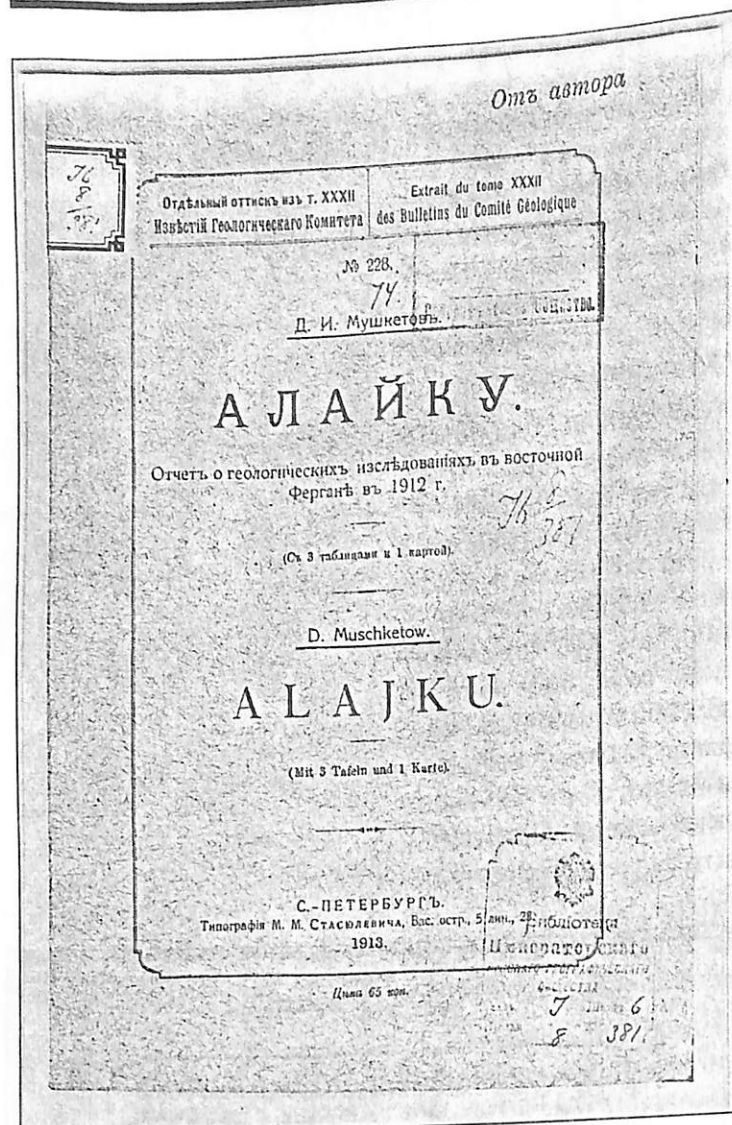
Колоритной фигурой являлся полковник В.Н.Зайцев, автор историко-географического очерка «Памирская страна — центр Туркестана» (Новый Маргелан, 1903 г.). Еще будучи начальником Памирского отряда Василий Николаевич предпринимал рискованные походы по Алаю и Памиру. Став начальником Ошского уезда он активно пропагандировал результаты научных исследований края и участвовал в организации всех экспедиций. Благодаря его неутомимой деятельности в военном собрании Оша выступали с докладами известные путешественники, проводились выставки, действовал постоянный лекторий по краеведению.

Молодые офицеры, прибывающие на службу в Ош, с первых дней активно задействовались уездными начальниками для проведения исследовательских работ, изучения местных наречий, нравов и обычаев населения. Одним из активных участников всех начинаний был и капитан А.Е.Снесарев, женившийся на дочери В.Н.Зайцева. Человек удивительной судьбы, путешественник по натуре и востоковед по призванию, А.Е.Снесарев неоднократно по долгу своей военной службы совершал многочисленные поездки по Центральной Азии. С 1902 по 1903 гг. капитан А.Е.Снесарев командовал Памирским отрядом, который, как известно, предотвратил английское владычество на Памире. Здесь им были написаны работы: «Краткий очерк Памира», «Памиры», «Восточная Бухара». Он первым из русских географов нанес на карту хребет Гиндурадж, служащий водоразделом между Индом и Ясином. Он же значительно обогатил наше географическое представление о Гиндукуше, собрал большое количество материала о княжестве Читрал. В ходе многолетних поездок им был собран уникальный страноведческий материал, касающийся различных сторон жизни Афганистана и его многонационального населения. Серьезный труд ученого «Афганистан» (М., 1921 г.) до сих пор представляет большую ценность.

А.Е.Снесарев был первым военным востоковедом, подробно изучившим и описавшим Индию. Его двухтомный классический труд «Северо-индийский театр» содержит описание всех индийских княжеств и племен, подробно характеризует этнический состав, религиозную обстановку и физико-географические особенности Индии.

В советский период А.Е.Снесарев, став начальником Академии генерального штаба РККА и ректором Института Востоковедения, по сути дела создал советскую военную востоковедную школу. Его перу принадлежат многочисленные статьи геополитического характера, содержащие методологические положения стратегической концепции России в

Азии. Он же создал Восточный отдел Военной академии РККА, где осуществлялась подготовка профессиональных военных востоковедов. До конца своей жизни, которая трагически оборвалась в 1937 году, генерал А.Е.Снесарев работал над многотомной монографией «Индия. Страна и народ», из которой вышли в свет только два выпуска «Физическая Индия» и «Этнографическая Индия».

Другом А.Е. Снесарева по жизни в Оше был подпоручик Николай Леопольдович Корженевский, впоследствии создатель среднеазиатской школы географии, родоначальник современной гляциологии, автор первого каталога ледников Средней Азии. Молодой офицер в период своего нахождения в Оше участвовал в определении астрономических пунктов и создании метеорологических станций, организовывал телеграфную связь между Ошем и Памирским отрядом. Маршрут своего первого путешествия от Оша через пост Памирский, на Лянгар, вдоль реки Памир, потом вниз по Пянджу до Хорога и обратно на Ош через Джиланды, по Памирскому тракту Н.Корженевский описал в получившей высокую научную оценку работе «Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста)». Итогом последующих

путешествий Н.Корженевского стало изучение орографии, гидрологии, растительного и животного мира Алайской долины и Памира. На счету у путешественника было восемнадцать экспедиций и более двухсот научных работ. Царский полковник, красный командир, один из основателей советского военного востоковедения Н.Корженевский вошел в историю науки как «некоронованный король» ледников Средней Азии.

Подвижническая деятельность начальников Ошского уезда и их подчиненных в конце XIX – начале XX вв. безусловно, заслуживает отдельного объективного и глубокого исследования. Краткая характеристика одной лишь научной стороны работы русских офицеров в Оше дает полное основание называть их первыми исследователями края. Благодаря этим людям в Оше появились первые научные объекты: в 1878 году была открыта метеостанция; в 1900 – начал функционировать пункт ветеринарного надзора; в 1903 году в городе была создана сейсмическая станция; в 1914 – начались занятия на курсах по хлопководству и пчеловодству.

В целом следует признать тот факт, что появление в анналах мировой науки ошских адресов выдающихся ученых, путешественников и исследователей красноречиво свидетельствовало о значении города как крупного научного регионального центра азиатской части Российской империи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК Д.И.МУШКЕТОВА «ПОЕЗДКА В НАРЫНСКИЙ КРАЙ И КАШГАРИЮ»

(Из «Известий Русского географического общества»,
т. LIII (1917 г.), № 911)

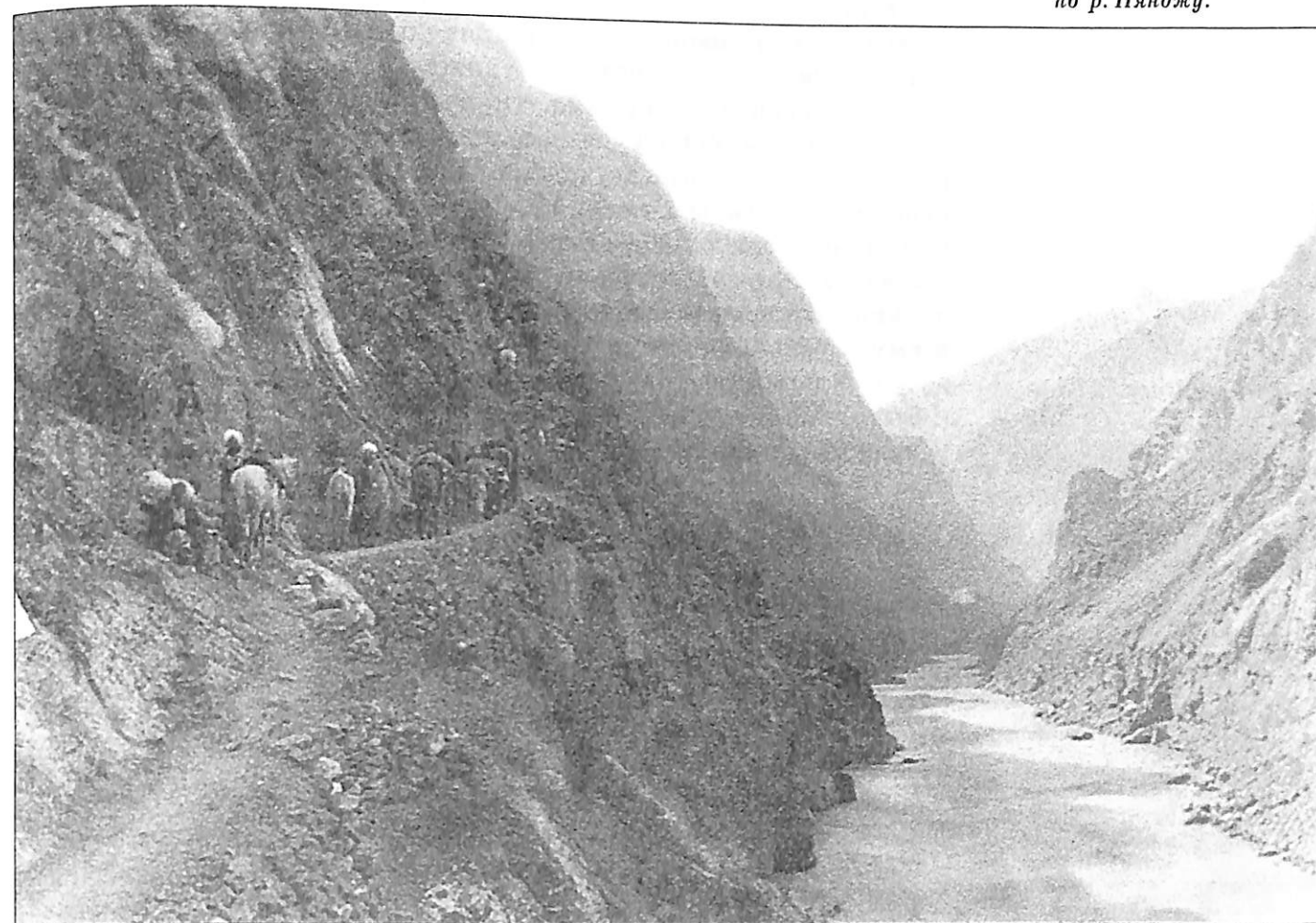
июня наша экспедиция в составе горного инженера В.Г. Мухина, студентов Горного Института И.Е.П. – Е.В. Иванова и П.П. Козакевича и меня, при шести постоянных конных рабочих (сартов из Оша) и переводчика, оставила город Ош. Путь до Таран-базара (поселка Дмитриевского) через цветущую восточную оконечность Ферганской долины, громадные селения Султана-бад, Джалял-абад и вереницу богатых русских сел плодороднейшей Кугартской долины, мы сделали на колесах.

В Таран-базаре наняли верховых и вьючных лошадей и, переехав 17-го через Кугарт, 18-го остановились на речке Кичик-мак-мал (бассейна Нарына). Семь лет тому назад мне пришлось констатировать полную ненадежность Кугартского перевала в смысле проведения через него колесной дороги: чисто геологические условия – очень разрушистые сланцеватые породы, стоящие вертикально поперек гребня, крайне к тому же узкого и крутого, не дают возможности сохраняться искусственным сооружениям; в этом году мне пришлось в третий раз констатировать, что колесной Кугартской дороги, официально существующей, на самом деле нет и быть не может, если только не проводить ее ежегодно заново. Вопрос о соединении богатой всем, кроме хлеба, Ферганы с обладающим только хлебом Пржевальским уездом возбуждается довольно часто различными ведомствами и лицами, а в последнее время Переселенческим Управлением, производившим даже свои изыскания возможного пути. Нужна ли здесь действительно дорога или нет, судить не берусь, а также какая, колесная или железная? Но полагаю, на основании знакомства с Ферганским хребтом на всем его протяжении, что хорошего перевала здесь не имеется, что лучше других были бы Урум-баш или Яссы и что, пожалуй, единственно возможное решение вопроса – это туннель, сооружение для колесной дороги однако слишком дорогое. Транзит теперь здесь во всяком случае ничтожный, а тот товар, который действительно тут движется в большом количестве – скот (лошади и бараны) в дорогах не нуждается, а в другом условии, которое теперь, к сожалению, значительно нарушено. Я говорю о больших альпийских пастбищах, сплошным зеленым ковром покрывавших до 1911 года южные склоны Ферганского хребта, почти от самого гребня его, между долинами Кугарта и Яссы, в особенности же около Чаар-таша и прокармливавших с половины лета до осени громадное количество табунов и овец; здесь, недалеко от больших базаров Узгена, Джалял-абада, Андижана и других, долго мог выдерживать до зимы громадный запас необходимого для многолюдной Ферганы скота, пригонявшегося весной сразу семирическими гуртовщиками. За последние годы большая и лучшая часть этих пространств

была замежевана за переселенцами и распахана; если правда эти земли могли казаться свободными избытками местных киргиз, то нельзя забывать их особое значение для скотопргона, в котором заинтересована вся восточная Фергана. Тем более важен этот пастбищный фонд, что, как я убедился на маршрут этого года, весь длинный путь от Пржевальска гуртам приходится делать по пути весьма бедному кормами, на половину по пустынной области.

По пути от Кугарта к р. Макмалу очень интересен перевальчик Ой-каин – сильно пониженная седловина между грядками Ак-шийряк (Чаар-таш) и Ялгыз-кыр, обязанная своим происхождением не вала две речки параллельно, типичными эпигенетическими ущельями прорезывают каменноугольные известняки и прорывающие их граниты Чаар-таша. Свита эта, простирающаяся сюда с северо-востока, под прямым углом заворачивает на юго-восток, слагая оригинальный гребень Ялгыз-кыр – Ак-теке, длиной около 50 верст, который, в сущности, геологически и есть настоящий Ферганский хребет, «ферганского» простираения, лежащий параллельно и около топографического Ферганского хребта. В течение следующих двух дней пути мне удалось убедиться, что дальнейшим продолжением той же геологической гряды служит большой хребет Джаман-даван, или вернее его северная полоса, имеющий однако снова северо-восточное простираение, параллельное Ак-шийряку. Мы имеем таким образом узкую полосу каменноугольных известняков, прорванных гранитами и согнутых в крутую дугу или латинскую букву U вытянутую в северо-восточном направлении, испытавшую

Фото 1.
Дорога (карниз)
по р. Пянджу.

И
«

два периода складчатости, в конце палеозойского и третичного времени. В промежуточную эпоху или, вернее, к концу ее, большая ванна — мульда, ограниченная антиклиналью указанной дуги, заполнилась с востока мелким соленатым, безжизненным бассейном, отложившим большую толщу конгломератов, песчаников, мергелей, гипсов, а в центральной части и каменной соли, так называемой «нарынской формации» Дэвиса или «соленосной свиты» Аргентова. Вторым складкообразованием по первому пласту, поднятием и сближением краев твердой рамы мульды и прогибанием центра ее рыхлая «нарынская» толща была смята весь — сточном направлении, проходит крутая веерообразная, пережатая антиклиналь, круто же вздымаются «нарынские» конгломераты, везде по окраине бассейна, в налегании на древнюю раму, разсекаемая и естественными в таких случаях прифериическими сбросами, между же окраиной и центром свита лежит весьма спокойно. Строение срединной антиклинали отлично видно в ущельи Улутуза, где обнажается и мощная каменная соль, эксплуатируемая только местным населением для своих потребностей и снабжения проходящих скотопромышленников. Механизм явления, общая картина строения мульды Алабуги (части большой нарынской) ясны и красивы, лишь подтверждая и повторяя процессы, происходившие в подобных же замкнутых котловинах, как Фергана, Кашгария, Алайку и возможно Иссык-куль.

Пересекши часть мульды Алабуги (через Читынды-Монакильды — Улутуз-Макмал) мы 21-го вечером с удовольствием выехали на окраину этого песчано-глинистого, соленого бассейна и после долгого ныряния среди причудливо-красивых, но утомительных своим однообразием, сухостью и безжизненностью серо-желтых гребней и пирамид, типичных «bad lands» (см. табл. XVI), остановились на сочно-зеленой лужайке урочища Мулло, под перевалом Каргалык, хребта Ак-шийряк. На другой день переехали Каргалык, легкий с юга, но довольно крутой и каменистый с севера и после семи часов хода остановились у переправы через Нарын, устроенной недавно одним русским в виде недурного парома-самолета, оказывающего громадную услугу всему населению. Интересна резкая разница растительности на обоих склонах Каргалыка: на южном полупустыня, почти голая и безводная — лишь на седловине перевала маленький родничек и лужайка, привлекающие киргиз, тогда как на северном пышные кустарниковые и высокотравные заросли того же типа, что на южных склонах Ферганского хребта; восточнее самого перевала, на высоте 1100-1300 саженей большие пятна елового леса.

Следующих два дня мы шли по весьма горной и влажной дороге, соединяющей район Сон-куля с путями в Фергану, в обход долины Нарына, по южному склону юго-западной ветви хребта Терской-алатау. Несмотря на свою горность, путь этот утомительный и неприятный безкормицей, безводием и пылью; как положительная, так и отрицательная качества его всецело обусловлены геологическими причинами. Двигаясь вдоль хребта, т.е. поперек всех долин, спускающихся с него к Нарыну, мы здесь тем не менее двигаемся вдоль и по долине, но долине совершенно своеобразной. На абсолютной высоте 7000-7500 фута, между главным

хребтом и «горами Дюдумэль» (на 10 в. карте) протягивается параллельно долине Нарына широкая (до 3 — 4 в.) с плоским выровненным дном, корытообразная долина, которую скорее всего следует назвать абразионной: остатки спокойно лежащих в ней базальных конгломератов «нарынской» свиты указывают нам ее происхождение, как узкого залива, или пролива «нарынского третичного бассейна», на подобие таких же фиодов мелового и третичного бассейна Ферганы, внедрявшихся во внутренние части Алайского хребта, пользуясь для того палеозойскими синклиналями. Современные речные долины все глубоко прорезают ее поперек, устремляясь к Нарыну, но не могут еще уничтожить цельности этой оригинальной формы. Все они одного типа: верхняя часть в палеозойских, глубоких, молодых ущельях до выхода в конгломераты залива Дюдумэль, в них сразу большое озеровидное расширение с двумя террасистами и за ним перед впадением в Нарын — ступенью перегораживающей все поперечные долины, еще нещущее влияние на реки, выходящая в кыр-курган, два тектонических фактора: опускание абразионной долины параллельно хребту, вдоль краевого сброса с выпучиванием между ним и Нарыном антиклинали, оказавшейся в роли естественной плотины, которая и вызвала накопление колоссальной толщи аллювия, которая и мост через каньон в аллювии реки Какыр-курган (эффектная часть палеозойского хребта вдоль долины Дюдумэль (особенно у устья Курган) имеет отчетливый уступ-прилавок, горизонтально срезающий круто падающие известняки, на подобие ферганских

Фото 2.
Вид на долину Канджукской
реки с перевала Калик
в хребте Мус-Таг.

«сандалей» (столовых горок) и объясняется вероятно также, т.е. как край абразионной поверхности, оставшийся на большей высоте после отседания загруженной новейшей толщей полосы вдоль краевого сброса. Детальное изучение морфогенезиса оригинальной долины Дюдумэль и связанных с нею явлений должно в будущем значительно способствовать пониманию истории Нарынского бассейна и современной его морфологии.

Абразия этой полосы создала удобный путь издавна оцененный населением и играющий роль главного скотопроезженного тракта, заполнение же ее рыхлой песчаной, засоленной «нарын-ской» толщей придало ей все черты нарынского края, по преимуществу отрицательные — отсутствие воды и растительности; там где (в западной части) толща почти уничтожена позднейшей денудацией, встречаются уже участки пригодные для культуры и жизни, использованные недавно русскими хуторянами.

Перевалом Боз-айгыр (12125 фут) перешли мы окончательно из Нарынского бассейна в совершенно иной район Сон-куля, из области полупустыни во влажную и холодную чисто альпийскую, где главным фактором ландшафта является оледенение, как современное, так и древнее. Переход до р. Бурган-су (в 8 верстах от озера) от урочища Курган потребовал десяти часов ходу; путь недурен, хотя между двумя седлами перевала (он двойной), т.е. Между Аш-мойнак и Боз-айгыр приходится идти пять верст по очень узкой карнизной тропинке, огибающей крупные косогоры, на большой высоте, местами весьма опасной, особенно во время дождя и снега, как было при нас.

Картина древнего оледенения (аналогичная той, что в Алайском хребте), переломы продольного профиля долин, уступы конечных морен, корытообразный поперечный профиль и пр. очень ясная по обеим сторонам перевала; спустившись же с него в долина Кара-киче, мы видим в ее верховьях многочисленные кары, тропи и громадные морены, выползающие к самому озеру. Те же явления отчетливо представлены вокруг всего Сон-куля, очень благодарны для наблюдения и приходится только удивляться, что они не обратили на себя должного внимания двух последних исследователей района гг. Аргентова и Новацци. Наиболее интересной морфологической чертой берегов Сон-куля и соответственных хребтов — это сильно угасшая эрозия вместе с большой смытостью рельефа и понижением уровня озера, терраса усыхания озера ясная, около сажени, и, по словам шестидесятилетних стариков, происшедшая на их памяти, в особенности же усыхание подвинулось за последние пять лет; для дальнейшего контроля нами поставлена метка красной краской на втором мысе, к северу от урочища Тулпар-таш, на западном берегу, на линии уреза воды 27 июня 1916 г. Выше же на камне сделана метка.

В общем же формы склонов, устьев долин, конусов и пр. указывают на то, что озеро испытало понижение уровня на 50-70 саженей; ровные пляжи-берега его окружены бахромой древних рисовых хребтиков-мысов, разделяющих бывшие заливы-ныне широкие сазовые (болотисто-луговые) овраги. Предположительно можно поставить эти явления в связь с историей — исчезновением оледенения, подобно, как эти же явления связываются по берегам Иссык-куля.

ИЗ «СВЕДЕНИЙ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО КОКАНСКОМУ ХАНСТВУ» А.П. ФЕДЧЕНКО В 1871 г.

июля прибыли мы в Ош, благополучно посетив Алай, или точнее — его южный конец, у каратегинской границы. В Алай я проехал из Учъ-кургона через перевал Исфайрам, в сопровождении назначенного марглянским беком, султаном Мурадом, Нур-Магомет-мирахура; из Алая же в Ош проехали через, так называемый, малый Алай. Вся эта поездка, с трехдневным пребыванием в Алае, заняла 14 дней, (от 17 до 30 июля), в которые мы сделали около 220 верст: около 70 из Учъ-кургона в Алай и до 150 оттуда в Ош. Дурное состояние дорог сильно затрудняло путешествие, особенно для вьюков, хотя и весьма легких.

Относительно трудностей, обе дороги почти одинаковы. Исфайрамское ущелье замечательно весьма легким перевалом: оно не достигает и 12,000 фут., и при том — мягкий, покрытый альпийской растительностью. Зато дорога, прежде чем достигнет яйлау Тенгис-бай, чрезвычайно камениста и идет по обломкам скал. Дорога через малый Алай затруднительна в том месте, где речка Ак-бура, сначала протекавшая с запада на восток, между двумя параллельными хребтами, прорывается в степь. Прорыв через последнюю гряду гор, вблизи самого Оша, так узок и обрывист, что дорога поднимается на вершину горы (Кулнарт-бель). Кроме этого перевала, на той же дороге есть еще два перевала: Кавук и Кордун. Кавук — в хребте отделяющем бассейн Аму-дарьи от Сыра, имеет до 13,000 высоты ($b = 470,1 \text{ mm}$; $t = 7,9^\circ \text{C}$), но удобен для подъема; другой перевал, Кордун-бель, еще выше $b = 466,3 \text{ mm}$; $t = 9,5^\circ \text{C}$) и составляет водораздел рек Ак-буры текущей в Ош и Исфаймара, протекающей через Учъ-курган. Любопытно, что этот водораздел образован третичными осадками (тут же есть и ярус с Ggurfаса, известной из окрестностей Ходжента и из других мест), поднятыми на страшную высоту более 13,000'. Вообще вся эта страна, называемая малым Алаем и обнимающая верховья рек Исфайрама и Ак-буры, имеет весьма значительную высоту: три ночи мы должны были провести выше 10,000 ф.

Обращаясь к Алаю: так называется высокое плоскогорье в верховьях р. Сурхаба, северной ветви Аму-дарьи. Название Сурхаб эта река получает впрочем ниже, по соединении с р. Мук, там, где начинается область каратегинских таджиков. Выше же, в районе кочевого киргизского населения, река Сурхаб называется равнозначим именем Кизыл-су. Цвет воды ее, действительно, значительно красный, что очевидно указывает на нахождение ее истоков в области красных глин, третичной формации¹.

¹ Река Исфайрам во время нашего пребывания в Учъ-кургане, из грязно-сырой в одну ночь сделалась почти кроваво-красной. На пути из Алая в Ош я увидел приток, окрашивавший реку в красный цвет (поток Гезартнын-чаты). Другой ручей имел сильно желтую воду. Третичные осадки состоят из слоев разноцветных глин; от слоя, по которому протекает ручей, и будет зависеть цвет его воды, а так как количество воды в различных ручьях изменяется от разных обстоятельств, то изменяется цвет воды и в главной реке, которую можно назвать рекой-хамелеоном.

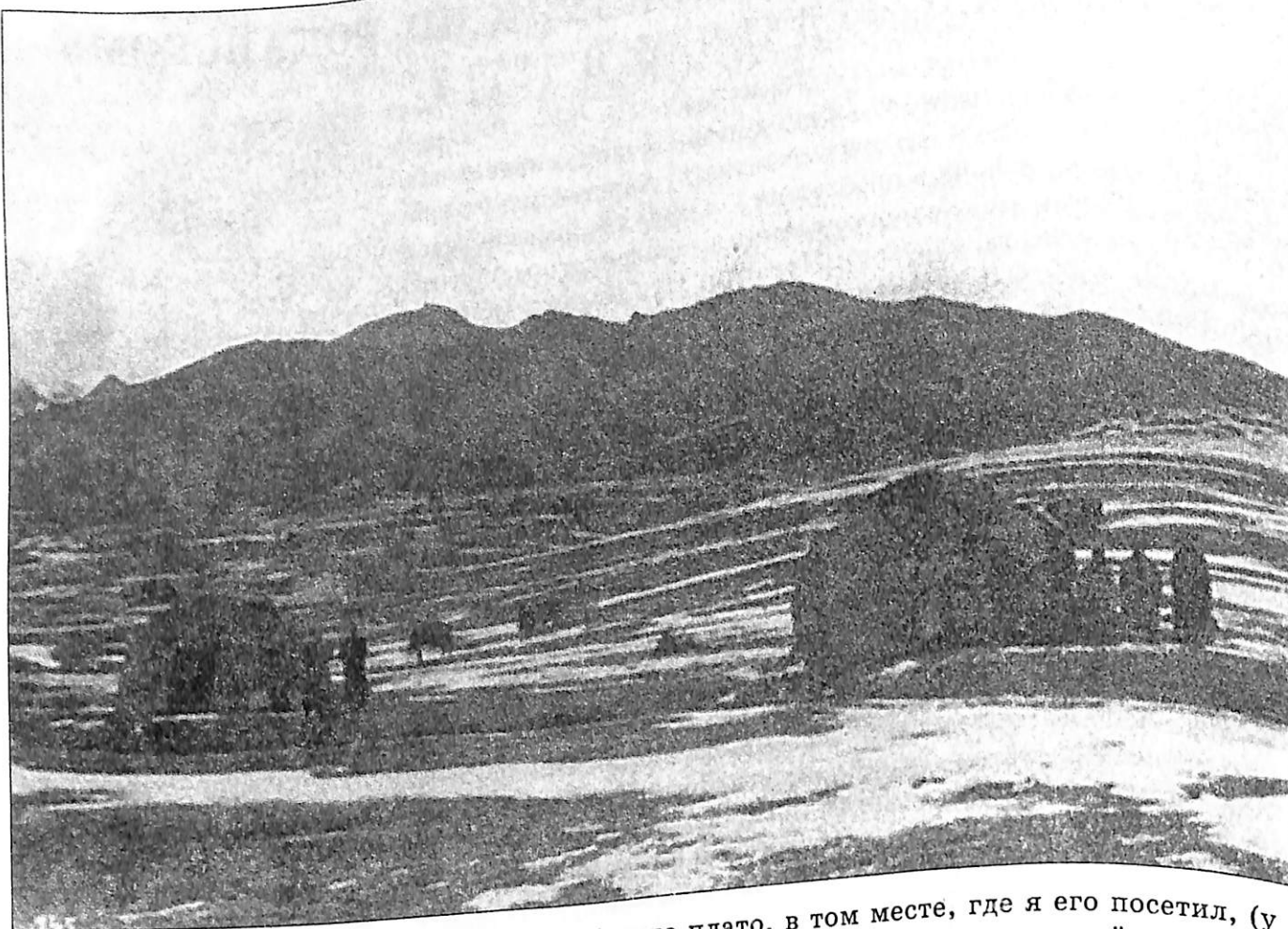

Фото 3.
Вид киргизского стойбища
на Алае.

Высота Алайского плато, в том месте, где я его посетил, (у кургана, где живет Измаил-токсаба, начальник алайских киргиз) с небольшим 8,000'. Ширина его в этом месте около 10-ти верст². С юга Алай ограничен весьма высокими горами, несравненно более высокими, чем с севера. Эти горы, которые за отсутствием местного названия, я буду пока называть Заалайскими, имели такой вид, какой имеют в марте месяце горы близ Ташкента: так велик в них снеговой пояс, а между тем снеговая линия находится не ниже 14,000'; по крайней мере, когда я был на перевале Кавук (безснежном), выше 13,000', снег в Заалайском хребте лежал еще выше. Средняя высота хребта едва ли будет менее 18-19,000' а пики поднимаются еще выше и некоторые, по всей вероятности, не ниже 25,000 фут. Вообще, по грандиозности своей, вид на этот хребет не имеет себе подобных во всем Туркестанском крае. К сожалению, боязливость кокандских властей за нашу безопасность не позволила посетить ни одного из ущелий Заалайского хребта. Ущелья эти, из которых вытекают реки, притоки Кызыл-су, вообще не глубоки, и только одно — Алтынни-дара, находящееся против кургана токсабы, имеет значительную длину, именно: день пути (25-30 верст). Оно любопытно тем, что в нем добывается соль (оттуда и название протекающей по нем реки, Тус-су; соль впрочем дурная), и что

² Далее к востоку Алай шире, гор ограничивающих Алай на востоке, не видно, и он имеет в этом направлении вид ровной безграничной степи, лежащей между гор, и расширяющейся к востоку. Впрочем он тянется не прямо на восток, но с заметным уклонением к северу.

по нем идет дорога в золотоносную речку Мук-су, принадлежащую Каратегину, и оттуда в Шугнан и Дарваз.

В восточной части этого хребта есть еще перевал в Кашгарскую область Сарыкол, и еще далее к востоку — перевал в Кашгар Таумурун. В остальных частях мне описывали ее совершенно непроходимым, да и про эти три дороги говорили, что они чрезвычайно трудны и служат только для воров и беглых. За то верховья рек славятся, как превосходные пастбища. Там находятся яйлау, в которых летом сосредоточивается почти все киргизское население Алая и множество киргиз, имеющих зимовки в коканской долине. Самый Алай, в том месте, где я его посетил, имеет значение зимнего пастбища, так называемого кетау. Не смотря на значительную высоту, он имеет в этом конце весьма степной характер, как по своей растительности, так отчасти и по животным. Даже такие, чисто степные птицы, как бульдрук (*Pterocles arenarius*), были встречены близ кургана. Киргизы засевают здесь довольно много ячменя и даже пшеницы. Есть и несколько полей люцерны, (дженушки), которую снимают два раза в лето. Дженушка эта впрочем роскошь, потому что и песчаная степь, и луга близ реки покрыты весьма хорошим подножным кормом. Виденные мною поля, все оби, т.е. орошаемые. Все это показывает, что климат Алая не суров; зимы впрочем, говорят, очень обильны снегом, который бывает в пояс глубиной. Деревьев не разводится ни одного, да и дикорастущих очень мало. Не богаты вообще здешние горы древесной растительностью, но горы, окружающие Алай, можно назвать совершенно безлесными: арчи (можжевельника) очень мало, да и тот почти весь низкорослый. Это тем более удивительно, что по ущельям северных склонов, леса поднимаются до высоты более 11,000 ф.

Большая часть виденных мною полей в Алае были не засеяны. Семена для них получались из Каратегина, так как выючные дороги из Кокана очень трудны. С изгнанием Музафар-ша, признававшего себя вассалом хана, и с переходом Каратегина в вассальную зависимость к эмиру, сношения с Каратегиним прекратились, и даже сделались неприязненными. Это отозвалось на земледелии в Алае, да, кажется, и на настроении алайских киргиз. По крайней мере коканцы сочли за нужное маленький заброшенный курган значительно расширить и поселить там, в качестве начальника постоянно кочующих в Алае киргиз, Исмаил-токсабу, с значительным числом джигитов, тогда как прежде все ограничивалось приездом людей от ошского и других серкеров для сбора зякета. Вообще принадлежность Алая к Кокану, мне кажется, вполне уясняет важность каратегинского вопроса для коканцев, не говоря уже о том, что Рахим-ша, по словам многих, поддерживает Назыр-бека, сына Суфи бека, как претендента на коканский престол.

Совершенная поездка в Алай интересна, как первое начало естественно-исторического изучения бассейна Аму-дарьи. Для начала, там сделана весьма хорошая находка: в ручьях, близ Кызыл-су, найден небольшой вид форели, — первый представитель семейства лососевых из Туркестанского края. Коллекции животных, особенно птиц и насекомых, составлялись, на сколько позволяли время и обстоятельства. Найдено довольно много растений, не встречавшихся прежде.

В географическом отношении, поездка представляет также любопытные результаты, определяя положение водораздела между

Между тем неизвестное пространство, на котором может находиться Памир-калян, сравнительно не велико: между тем пунктом, где я посетил Кизил-су, и озером Серикуль, (озеро Виктории), где был Вуд, не более 240 верст, т.е. такое же расстояние, как между Ташкентом и Самаркандом.

A black and white photograph of a vast, arid landscape. In the foreground, several people are standing on a flat, dusty plain. To the right, a small group of animals, possibly horses or mules, is gathered. In the middle ground, a small settlement or camp is visible, consisting of several small, dark structures. The background is dominated by rolling hills and mountains under a clear sky. The overall scene suggests a remote, possibly frontier or military, location in an arid region.

Из рассказов preparатора и бывшего при нем джигита из Ташкента я узнал следующее: Preparатор приостановился на том месте, откуда началось преследование, найдя там луг, весьма богатый насекомыми; он смотрел больше в свою сетку, чем по сторонам и увидел уже только преследование ханских джигитов киргизами. Бывший же с ним наш джигит рассказывает, что дело началось дракой между двумя ханскими джигитами, начавшими резать ячмень, и двумя киргизами, которые позвали на помощь других, бывших по близости киргиз. Те побежали на гору и вернулись уже с ружьями; увидев это, ханские джигиты (5 человек) поспешно убежали. Джигиты, конечно, отрицают, что они хотели забрать ячмень, хотя и проговорились, что им нередко случалось силой забирать у киргиз баранов и т.п., и никогда киргизы не сопротивлялись. Джигиты настаивали, одним словом, что это караки (разбойники) и уверяли даже, что у них были сделаны приготовления, чтобы напасть на нас: припасены ружья, сняты кибитки, по рассказам, стоявшие в этом месте и проч. В таком случае странно, что они пропустили нас вперед, когда могли перестрелять всех, засев за камни, при входе в теснину. Должно быть, говорят, заметили ружья (т.е. два ружья!). Все это приводит меня к заключению, что киргизы ополчились на защиту своих полей.

Город Ош я застал в некотором волнении: серкер и зякетчи с джигитами отправились догонять ходжу, бежавшего в Кашгар с 30 джигитами. Ходжа этот, сын Взрюк хана, свергнутого Якуб-беком и проживающего теперь в Кокане. Очевидно, пользуясь расположением кашгарского населения к ходжам, бывшим своим правителям, он хотел попытаться овладеть Кашгаром. На Гульше он был догнан, окружен коканцами и взят в плен с 11

A black and white photograph of a man in traditional Arab dress, including a turban and a long robe, standing in a desert landscape. He is holding a long, thin staff or spear vertically in his right hand. The background shows rolling hills or mountains under a bright sky.

После этого письма я потерял уже надежду быть дальше Гульши, но на Гульшу все таки поехал, предполагая, что и эта поездка в страну, не посещенную ни одним исследователем, не пройденную ни одним образованным путешественником, не останется без результатов. 7 августа, с новым нашим конвоем из ошских жителей, вооруженных фитильными ружьями (палтали) и шашками поехали мы по большой караванной дороге. Новый конвой наш не захотел на первых же верстах обнаружить свою ловкость и военное значение, устроив смехотворное подобие джигитовки, причем один из джигитов так ловко выстрелил из своего ружья, что свалился с лошади, хотя перед выстрелом благоразумно остановил лошадь. До маленького селения Моды, верстах в одиннадцати от Оша, где мы имели первый ночлег, дорога идет арбяная. Отсюда через Лангар и Куплан-куль (маленькое озеро) мы на третий день пути при-

40

ехали в Гульшу. Дорога идет возвышенными предгорьями и переходит через два перевала, около семи тысяч футов высоты, весьма впрочем легкие. Пробыв в Гульше до 10 августа, мы одиннадцатого поехали в Узгент⁴. Проехать по направлению к перевалу, хотя на полдня пути, наш вожак Нар-Куль, «который поедет с вами куда вы захотите», отказался на отрез, хотя никакой опасности не предвиделось, так что даже конвоировавшие нас при объезде Гульши джигиты сочли излишним возить с собой свои ружья.

A black and white photograph of a young child standing in front of a tent. The child is wearing a dark, long, quilted coat with a decorative pattern on the chest and a dark head covering. The child's hands are clasped in front of them. The tent behind them is made of light-colored material with visible ropes and straps.

Место, где находится Терек-даван, я имел возможность видеть с перевала Торпа, через который ехал в Узгент. С него видно также было, где отделялся от огромного снегового массива хребет, разделяющий сыр-дарьинский бассейн от Кизил-су, реки аму-дарьинской. Панорама снегового хребта, которому в географии дали не имеющее смысла название Кашгар-даван, была великолепна,

⁵ Предгорья богаты каракуртами и мне пришлось наблюдать на одном из наших русских спутников (охотнике) весьма болезненные последствия укушения этого паука, кончившиеся впрочем без всяких последствий дней через 10. Туземцы говорят, что другого средства спастись от укушения нет, как только заставить муллу, а еще лучше нескольких — читать, в продолжении нескольких дней молитву, а укушенный не должен все это время пить воды.

так как севернее его лежащие горы сравнительно низки. К сожалению, день был пасмурный и это много мешало более точному определению места горного узла.

Переезд в Узгент дал мне еще возможность видеть слияние Тара и Кара-кульджи, двух главных рек, образующих Сыр-дарью⁶. Название Сыра эта река получает у туземцев лишь после выхода ее из предгорий в ровную степь (у Шиш-тюбе), после того, как в нее впадут еще Яссы и Куршаб. За начало Сыра, по количеству воды и направлению, нужно считать Тар.

Положение Узгента также сильно изменяется против прежних карт: он оказывается, вместо 120, всего в 63 верстах от Андижана, и притом прямо к востоку. Вообще эта последняя поездка заставит отрезать порядочный кусок от Коканского ханства в пользу владений Якуб-бека.

Узгент замечателен двумя древними постройками: гробницами султана Иллигмози и его учителя и минаретом, имеющим до 8 саженей высоты, но очевидно имевшем еще большую высоту. Мавзолеи тоже сильно пострадали, но все таки еще великолепны, как по стилю, приближающемуся к мавританскому, так и по рисункам узоров на фасадах. Украшения исключительно из жженого кирпича, покрытого разными, в высшей степени правильными фигурами. Туземцы определяют древность постройки в 760 лет. Рисунки, сделанные О.А., познакомят археологов с этими древностями, чуть ли не самыми древними в Средней Азии⁷.

Из Узгента начался наш обратный путь в Ташкент. Не получая уведомления о возможности перехода в Нарынский край и о сделанных для этого распоряжениях на счет проводников и конвоя и имея также в виду позднее время года, я решил ехать в Ташкент через Коканское же ханство. На пути я остановился в Андижане и Намангане. На другой день по моему приезду в

Андижан, туда прибыл коканский хан, и на следующий день уже принял меня. После обычных приветствий, хан спросил: «куда я желаю еще ехать?» Я сказал, что посетив Наманган, хочу проехать возможно кратчайшей дорогой в Ташкент. После хана, я видел и его старшего сына, Хан-Заду, андижанского бека.

На обратном пути я проехал через два больших города: Наманган и Туз, встречая везде самый предупредительный прием. В Гурумсаране отделюсь от арб, и через перевал Кендырь поеду в Ташкент⁸.

⁶ После слияния Тара и Кара-кульджи верстах в 10-ти выше Узгента; в Сыр-дарью впадают еще Яссы с правой и Куршаб с левой стороны. Все другие речки, текущие с гор правой стороны, до Сыра не доходят.

⁷ О зданиях на Тахти-Сулейман в Оше я не буду распространяться здесь: все они новые; пресловутые семь греческих жертвенников не более, как большие, голые скалы, торчащие из горы.

⁸ Г. Федченко прибыл в Ташкент 27 августа.

Фото 7.
Киргиз рода Бустон на Алае.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК Н. КОСИНЕНКО «ПО ТРОПАМ, СКАЛАМ И ЛЕДНИКАМ АЛАЯ, ПАМИРА И ДАРВАЗА»

Из «Известий Русского географического общества»,
т. LI (1915 г.)

1909 году мне пришлось совершить поездку по Большой Памирской дороге и долине Алая, затем проникнуть в Дарваз, в долины Язгулума и Ванча и исследовать эту малонаселенную, частью совсем неизвестную местность.

Так как описываемые интересные места должны безусловно привлечь внимание ученых всех категорий, то я буду рассматривать их главным образом в отношении удобств сообщений.

Начал я свое путешествие из города Оша Ферганской области, отправившись по обычной большой дороге, через Гульчу и Суфи-курган на перевал Талдык. Спустившись с перевала Талдык к ур. Сарыташ, попадаешь в широкую Алайскую долину — эти священные пастбища киргиз. В ущельях, сквозящих синеватым туманом, по сторонам долины, кое-где чернеют кибитки. Белесоватыми лишаями выделяются на гигантских горных пастбищах рассеянные вездеходы овец.

Долина тянется более чем на сто верст, понижаясь от востока к западу с 10 тысяч до 8 тысяч футов над уровнем моря, Ширину ее, в центральной части верст 15-20, постепенно суживается к востоку и западу крутыми и короткими предгорьями Алайского хребта и длинными величественного Заалайского. В узкой своей части долина Алая в ширину 4-5 верст.

Древесной растительности нет почти никакой, исключая кустов и нескольких деревьев около Дараут-кургана по Кизыл-су. Зато, благодаря богатому орошению, долина обильно покрыта сочной травой, на которой хорошо откармливается мелкий и крупный скот.

На всем протяжении Алая протекает р. Кизыл-су, летом очень многоводная, благодаря сильному таянию нагорных снегов. Переправа через эту быструю реку в брод, без проводника, довольно опасна, хотя бродов в восточной части много, особенно по утрам, когда вода из тающих снегов еще не добирается до главной реки.

Берега реки глинисты, дно песчаное и иногда топкое; местами Кизил-су разливается на большое число рукавов. Летом вода реки мутная и красновато-кирпичного оттенка от песка и глины, осенью и зимою вода чище, но ее значительно меньше. В горных же притоках Кизыл-су, особенно правых, вода и летом бывает чистая.

Ключи в долине Алая встречаются около Дараут-кургана; болот нет, колодцев тоже. В самой западной части Алая существует искусственное орошение — арыки для поливки полей.

Фото 8.
Раскел. Киргизский аул,
собирающийся перекочевать.

Летом дневная жара достигает иногда 30°C ., по ночам холодно, а утренники бывают даже морозные.

Зима наступает рано: первый снег выпадает в октябре, а последний — в середине апреля. Долина заносится большими массами снега глубиной не менее полусажени, а на севере даже более сажени. Зимой дуют сильные ветры, а морозы достигают $30-40^{\circ}\text{C}$.

С давних пор долина служит местом летовок киргиз бывшего Кокандского ханства, которые прибывают на Алай в конце мая или в начале июня и остаются почти до сентября, когда уже и возвращаются на свои зимовки в Фергану. Переселяются киргизы обыкновенно целыми родами, потому что земля здесь принадлежит родам, а не отдельные семьям; да отстоять свои права на эти никем не защищаемые и ничем неограниченные пастбища от захвата другими кочевниками под силу только всему роду.

Всего прибывает летом в Алайскую долину около тысячи юрт. Зимой кибитки остаются только в западной части Алая, всего 300 юрт.

В административном отношении восточная половина Алая до Сарык-могола принадлежит к Ошскому уезду, а западная — к Маргеланскому; подати киргизы платят по месту своих зимовок. Кочевки по долине Алая разбросаны небольшими группами в 5-6 юрт по горным рекам; на каждую юрту приходится по 5-10 человек. Постоянно живущие киргизы западной части долины имеют свои зимовки по ущельям Алайского и Заалайского хребтов. Дров в долине достать нельзя, а топливом служит только кизяк.

Что касается деятельности населения, то земледелием занимаются только местные киргизы западной части, но у них в ущельях даже ячмень не всегда успевает созреть. Всего собирается здесь пшеницы $1\frac{1}{2}$ тысяч пудов, а ячменя около тысячи пудов. В восточной части Алая хлебопашество немыслимо, благодаря высоте и раннему наступлению зимы.

Главным промыслом служит скотоводство, которым занимаются все жители Алая. Ежегодно в Алайскую долину прибывает в среднем лошадей до 6 тысяч, крупного рогатого скота 3 тысяч голов, верблюдов — 1,5 тысячи и баранов и коз до 30 тысяч.

Огородничество, садоводство, охота и горный промысел не развиты, а торговли нет никакой.

Главный путь долины Алая идет правым берегом Кызыл-су, с небольшими подъемами и спусками. По этому тракту летом двигается большое число купцов и паломников из Восточного Туркестана в Бухару. По левому берегу имеется также дорога, но она хуже и труднее, потому что пересекает много больших горных рек с Заалайского хребта. Вне дорог по Алайской долине везде можно проехать.

Кроме пройденного перевала Талдыка, через Алайский хребет имеется еще несколько вьючных путей и перевалов, соединяющих наш путь с Ферганой. Но все они не разработаны и находятся в безобразном состоянии, исключая пер. Тенгиз-бая, в 12,5 тыс. фута, находящегося в 3-х переходах от г. Скобелева.

Зимой же, благодаря неудовлетворительности и этих сообщений, а также благодаря глубокому снегу, долина Алая совершенно изолирована от культурных и торговых центров.

Важными пунктами на Алае являются: 1) Кишлак Дараут-курган, в 20 кибиток с небольшою глиняною крепостцою, имеющий значение как узел 4 дорог и как пункт, заграждающий проход через пер. Тенгиз-бай к гор. Скобелеву, тем более что ближайшие перевалы труднопроходимы, и 2) ур. Сарыташ, узел дорог в г. Ош (170 вер.), в Иркештам (65 вер.) и к Памирскому посту (212 верст).

В общем, Алайская долина является широкой дорогой, связывающей Бухару с Восточным Туркестаном, но удобною только в летнее время.

Путь из Алайской долины к Памирскому урочищу Кок-джар идет от Дараут-кургана через Алтын-мазар и далее по р.р. Муксу и Баянд-киику до Кокджара.

До Алтын-мазара путь, как вьючный, не представляет особых затруднений. Он идет вдоль правого берега р. Алтын-дары по скалистому ущелью с многочисленными осыпями и незаметно выводит к перевалу Терс-агар, высотой 12,5 тыс. фут, за которым спускается, хотя и зигзагами, но чрезвычайно круто в самую долину Муксу. С пер. Терс-агар эта долина представляется громадным провалом, глубиной около 3 тыс. фут, по дну которого разбегаются многочисленные рукава Муксу. Впереди за нею возвышаются три пика, высотой не менее 20 тыс. фут, более чем на половину покрытых снегом.

Здесь, южнее подошвы перевала Терс-агар, имеется обширный тугай из тала, облепихи и шиповника, с разбросанными по нему ветхими зимовками Алтын-мазара. В нем находится 15 кибиток киргиз, на лето откочевывающих на северный склон Терс-агара. Они занимаются скотоводством и земледелием, и поэтому необходимое в поездке продовольствие у них достать возможно.

Летом здесь жарко, но зимою (декабрь-март) снег до пояса, хотя самая река льдом никогда не покрывается.

Киргизы заверяли меня, что далее пройти летом невозможно: в Сель-даре (верховья Муксу), благодаря сильному таянию ледников, так много воды, что переправиться нельзя ни под каким видом, — такая попытка допустима только поздней осенью, когда таяние прекращается и вода в реках спадает до минимума. «Дороги нет, вода глубока», — был один ответ киргиз на просьбу проводить хотя бы только до ледника Федченко. Пришлось до этого ледника произвести самому предварительную разведку, налегке, без вьюков, с трудом убедив одного престарелого киргиза, Махмет-куль-бая, сделать только попытку.

Широкая стремительная река действительно представляет серьезное препятствие. Она разбилась на множество рукавов на мелкокаменистом речном ложе, шириною более 2-х верст. Прохождение каждого рукава сопряжено с большой опасностью. Оступись лошадь, и спасения почти нет, а оступиться легко, потому что течение непрерывно ворочает по дну большие камни. Махмет-куль-бай останавливался перед каждым таким рукавом, со слезами на глазах упрашивая вернуться, тем более что вода прибывала с каждой минутой.

Тем не менее рекогносцировка была удачна: ходя с большим трудом, но после полудня мы дошли до конечных морен ледника Федченко, из-под которых вырывается, обильная водою, мутная Сель-дара; от русла ее конца моренному нагромождению не видать.

Обратный путь пришлось уже карабкаться по скалистой, почти козьей тропе правого берега реки, вследствие большой прибыли воды. После дневки, рано утром 1-го июля, выступили с вьюками и проводниками по усеянному щебнем и гальками дну долины. Двигаясь быстрее — путь был уже знаком. На одном из рукавов, шедший отдельно начальник отряда, неожиданно попал в такое глубокое место, что погрузился с лошадью в ледяную

воду. Лошадь опрокинулась и, отделившись от нее, разведчик был увлечен быстрым течением Сель-дары.

Совершенно изнеможенный и почти теряющий сознание он был вытащен из воды казаками и киргизами другого разведочного отряда (капитана Романовского и кн. Трубецкого), случайно шедшего в полумверсте сзади в этот единственный совместный переход. Через час, под самым ледником Федченко, потерпевший аварию еще раз встретился со своими спасителями.

Рукав Баянд-киик, впадающий здесь в Сель-дару, оказался в брод непроходимым и преградил дорогу к левому его берегу. Пришлось подниматься прямо вверх по отвратительной гальке и щебню конечной морены ледника Федченко.

Подъем на ледник крут и труден. Попытка пройти по левой боковой морене не удалась: «хаос» глыб и скал преградил нам дорогу. Пришлось заночевать под ледником.

На следующий день снова двинулись по моренному нагромождению оконечности ледника, но по середине его ложа. Лошади скользили по обнажавшемуся от мелкого щебня льду и падали, с трудом поднимаясь. От острого щебня кровавые следы их ног обозначали наш путь. Часа четыре мы шли, ведя в подводу своих лошадей и поднимаясь с одного гребня морены на другой. Верст через шесть с конечной морены ледника мы вступили на чистый лед, где можно было сесть на коней, хотя с ежеминутным риском кувырнуться. Впереди растиралась пустынная ледяная поверхность.

Жутко было ступать по этой неведомой, никогда не знавшей человеческих следов области, где ожидало нас много опасностей, свойственных этому царству льда.

Все чаще и чаще наш путь преграждали ледяные трещины шириною от фута до сажени, но пока они легко обходились.

Затем снова пришлось двигаться между грядами морен и колоссальными ледяными пирамидами. Количество трещин так увеличилось, что на 23-ей версте от бивака мы попали в целую сеть их, преградивших нам путь на все стороны, и едва удалось найти обратный выход — следы копыт на льду были почти незаметны.

Тогда свернули в правый боковой ледник, весь загроможденный моренами, но по бокам ложа которого на скалах зеленела трава. С большим трудом мы пересекали несколько мощных морен, прежде чем попали на этот ледник, и только к вечеру, после невыносимо трудного перехода, мы расположились на бивак, верстах в шести от слияния ледников, и простояли на нем целую неделю, за что и самый ледник получил название «бивачного». На биваке днем,

Фото 9.
Вьючение багажа на верблюда.

Фото 10.
Головной убор
сарыкольской киргизки
рода Кызыл-Аяк.

благодаря таянию льда — непрерывный треск и грохот от скатывающихся галек и щебня в ледниковые трещины и озера.

У ледников не видно и следа древесной растительности, но, к счастью, предвидя отсутствие топлива, мы захватили с собою небольшие запасы его, дней на пять, при условии, что чай можно себе допустить только раз в день — во время варки пищи.

Отсюда был предпринят ряд разведок без проводника, для отыскания пути в долину Ванча. На другой день возобновили попытку пройти без выюков к пер. Кашаль-аяк левою стороною ледника Федченко, но верстах в десяти от бивачного ледника опять целый лабиринт трещин преградил нам дорогу, причем одна лошадь едва не погибла, попав в трещину — с трудном вытащив ее, вернулись на ночлег.

На следующий день отправились втроем налегке вверх по бивачному леднику. Движение было очень трудное. Сначала двигались крутым

щебнистым косогором правого берега ледника, прошли несколько грязных оползней, на которых люди и лошади сползали вниз вместе со щебнем.

На 4-ой версте от бивака наткнулись мы на пирамиду, сложенную из галек и обломков скалы. Это единственный здесь след человека. 70-летний старик Махмет-куль-бай, не допускавший и мысли о возможном когда-бы то ни было прохождении этого ледника, пришел в страшное недоумение. Но к вечеру он рассказал слышанную им в детстве легенду, что когда-то этими ледниками пытались вернуться в Дарваз таджики, пришедшие через Каратегин, но о них потом больше никто не слышал — все они погибли.

Верстах в десяти от бивака пришлось свернуть на гребень правой морены. Так прошли еще верст восемь. Но здесь ледниковые потоки, глубиною более сажени, совершенно преградили дорогу.

Обойти было невозможно, так как по сторонам их выступали прозрачные ледяные конусы и пирамиды, высотой до 5 сажень. Повернули на бивак, хотя верстах в 12 впереди виднелось недоступное нам широкое седло между гигантскими горными массивами, заваленными с этой стороны снегом.

Наконец, сделана была еще одна, последняя попытка с тремя охотниками снова пройти по главному леднику. На десятой версте знакомой уже дороги свернули к восточному берегу ледника, где, казалось, было меньше трещин. Пройдя еще верст восемь вышли, на покрытое снегом ровное ледниковое поле. Движение верхом становилось невозможным: снег таял и лошади погружались по брюхо. Идти же пешком было невыносимо трудно. Высота давала себя чувствовать в форме страшной отдышки и сердцебиения. 2 разведчика прошли вперед и, спустившись версты две с перевала, дошли до преграждавшего дальнейший путь обрыва, где

Внутренность юрты киргиз Памира.

Алайские горы. Водопад на реке Тенгиз-бай.

Перевал Гардани-Кафтар в хребте Петра Великого.

Титы киргизок рода Кичик.

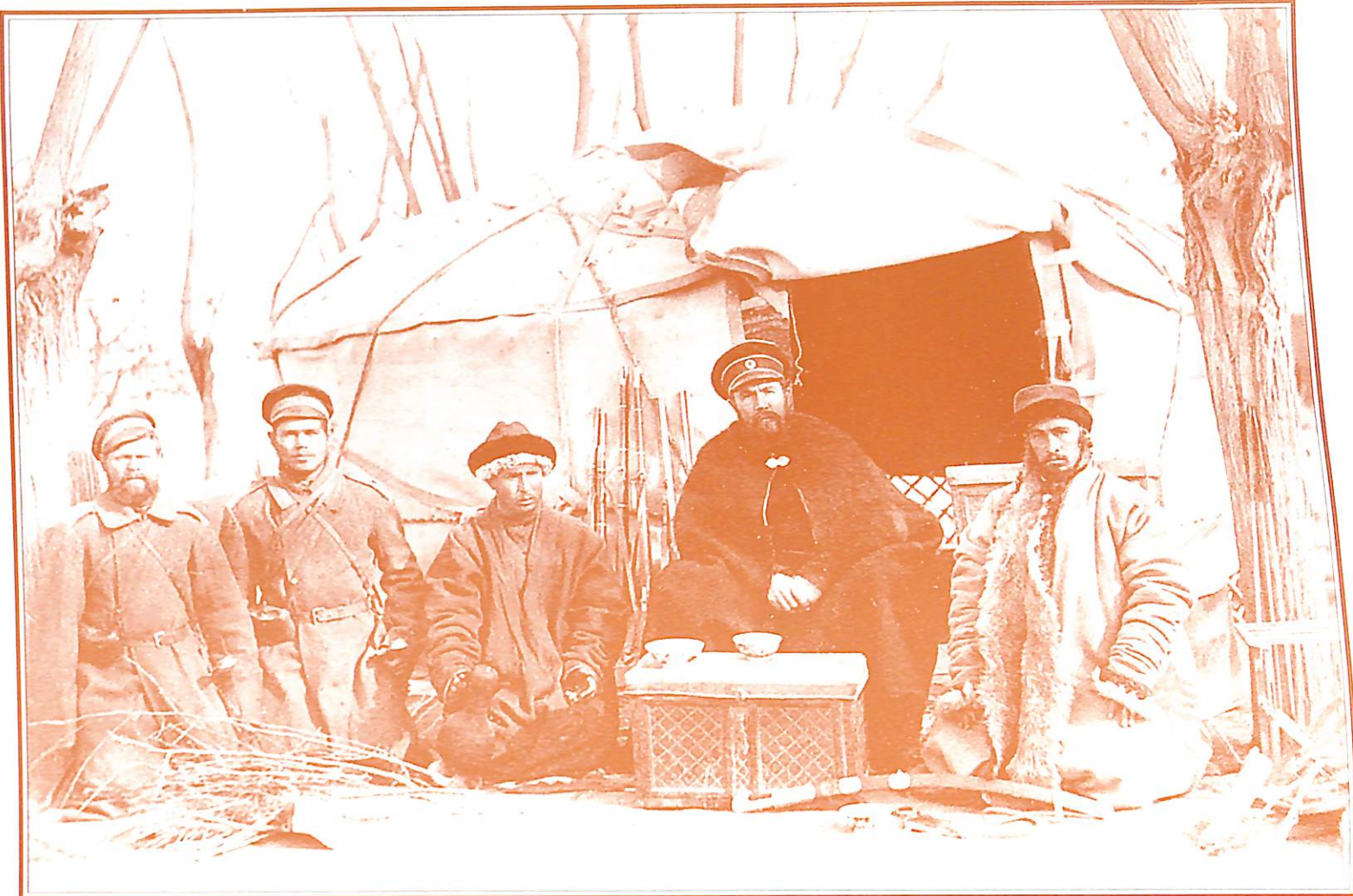
Ткачиха-киргизка.

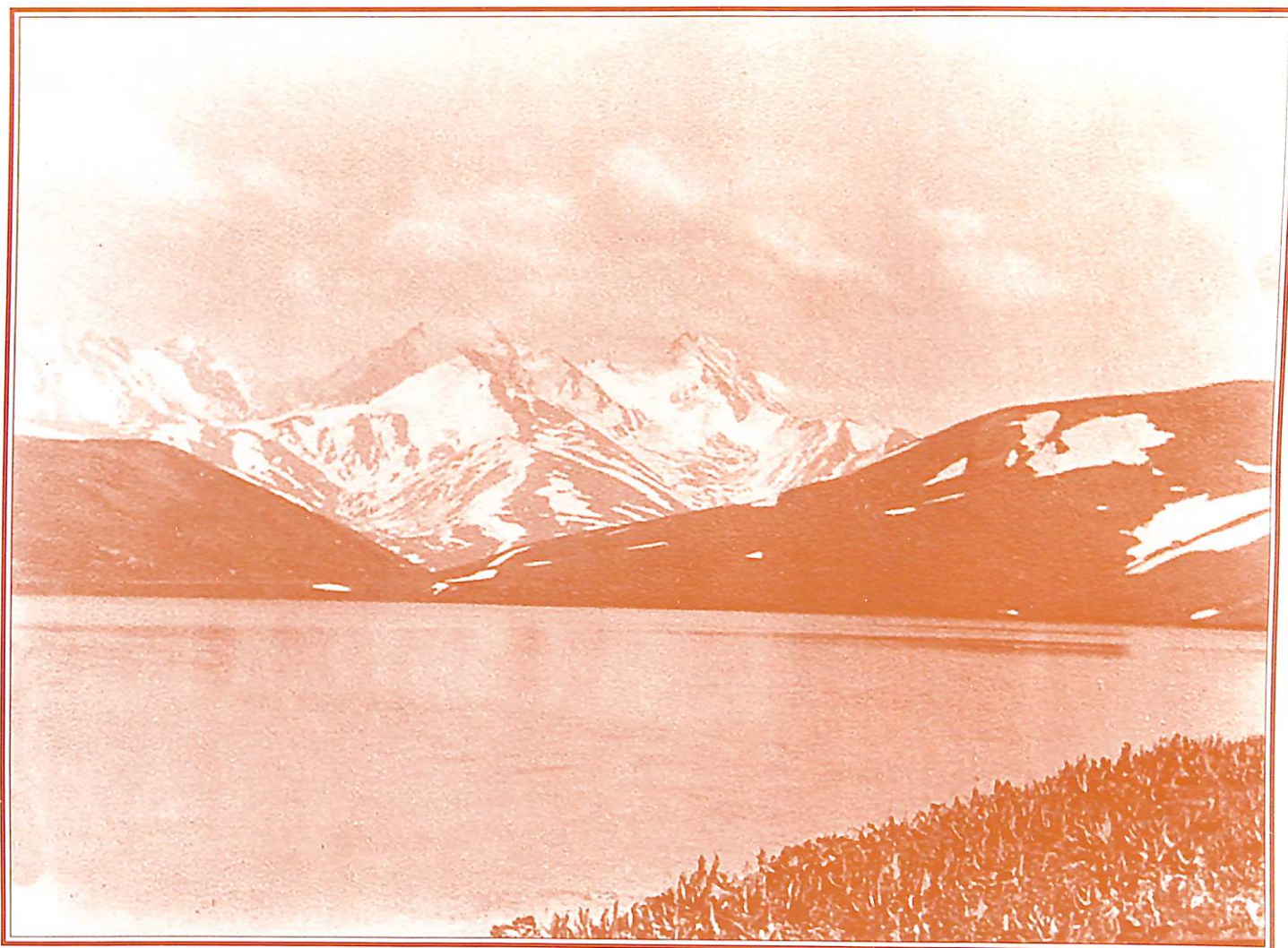
Мост в Каратегене.

Типы киргиз Памира.

*Экспедиционный отряд на бивуаке в саду Российского консульства в Кашгаре
(в центре Б.Л.Громбчевский).*

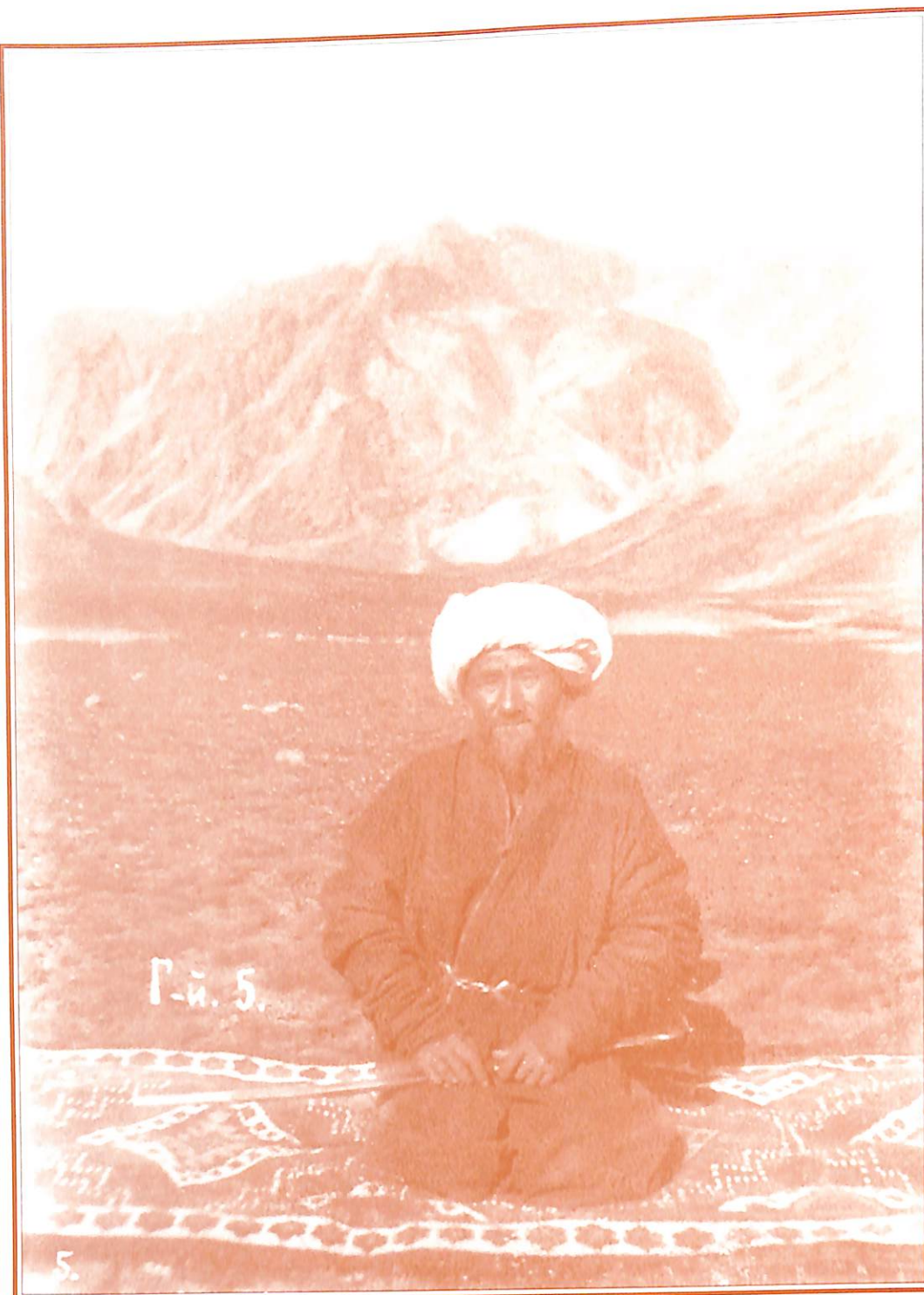
Озеро Яшиль-Куль в хребте Петра Великого.

Памирский охотник.

Верховья р. Аму-Дарьи.

*Ир-Даулет (земное величие), правитель киргиз
рода Наиман на Алае.*

Киргизка с Памира. Дангнын-Баш.

Памирский киргиз.

Стоянка отряда на северной части оз. Кара-Куль.

Шуганцы.

и расположились на скале, обнаженной от снега. Уже вечерело, когда подошел я с третьим охотником. Выбирать что-либо лучшее было поздно, и поэтому утомленные мы свалились на камень, на котором и заночевали, — благо захвачена была теплая одежда.

Сон был неважный и превратился в простое переживание ночи, тем более, что все время стоял незатихающий гул и грохот от массовых каменистых и снежных обвалов с соседних вершин, а затем пошел и снег.

Суть забрезжил свет, заглянули в пропасть, над которой ночевали: отвесные скалистые и снежные обрывы в глубочайшую котловину, а впереди кроме гор ничего не видно. О спуске не могло быть и речи. Кроме того нужно было возвращаться поскорее, пока поверхность снежника не успеет разогреться и хорошо держит лошадей.

Был ли это перевал Кашаль-аяк? — трудно сказать... Он не вполне соответствует положению своему на существующей карте. Солдаты его называли перевалом разведчиков.

Итак, все возможные попытки найти путь в долину Ванча через этот «Ледовитый океан» потерпели неудачу. В общей сложности здесь по ледникам было сделано свыше полутора верст.

На следующий день спустились к подножию ледника Федченко. Оставалось идти по р. Баяндкиик до памирского урочища Кокджар, откуда надеялись изыскать путь в Дарваз, но теперь уже через неисследованную долину Язгулёма.

Дорога здесь трудна, особенно по левому берегу Баяндкиика до ур. Зулгомарт.

Благодаря частым крутым подъемам и спускам на этом пути, то и дело приходится поправлять вьюки, так как они все съезжают, то вперед, то назад. Есть несколько трудных переправ, чрезвычайно опасных, так как горные притоки Баяндкиика — настоящие водопады: упади или оступись лошадь, и гибель всадника и коня неизбежна. От Зулгомарта дорога улучшается, а подъем к перевалу Тахта-курум совсем пологий. Высота перевала 14 тысяч фут; спуск с него много круче подъема.

По Баяндкиику изредка попадаются маленькие зимовки, но теперь здесь никого нет, и вообще до Какджара нельзя встретить летом ни человека, ни скотины. — Важным недостатком этой дороги является еще отсутствие древесного топлива.

Только в 110 верстах от Алтын-мазара, в ур. Какджар — этой большой горной котловине, высотой 12 тысяч фут, — мы встретили людей и первую киргизскую летовку в 5 юрт.

Фото 11.
Головной убор
раскемской киргизки.

Большая часть времени, назначенного на поездку, истекла, нужно было торопиться и поэтому, зная предстоящие трудности, отказаться от большинства вьюков, т.е. ехать налегке, отправив часть утомленных людей и лошадей, а также палатку, ягтаны и все сколько-нибудь тяжелое обратно в г. Ош. Взяли только про довольствие, подковы, кошму и необходимую одежду.

Дорога от Какджара до ледника Танымас идет первые десять верст карнизом левого берега р. Кокджар и довольно удобна для движения, исключая крутого спуска к р. Танымас. Далее надо идти по широкой долине этой реки, сплошь усыпанной крупными и мелкими камнями размытых морен, беспрестанно пересекая в брод опасные рукава.

Кое-где лежат остатки снега. Между камнями не мало альпийских растений, представляющих красивый зеленоватый ковер.

Заночевали верстах в двух от ледника Танымас, впервые под совершенно открытым небом, при 3-х градусном морозе. Начались заболевания среди разведчиков.

По внешнему виду, с бивака, ледник этот не предвещал ничего хорошего. Оставив вьюки, с одним местным таджиком и двумя охотниками, направился я к подножию ледника Танымас, из-под которого вырывается несколькими рукавами грязный поток. С большим трудом мы подняли лошадей на морену, но провести их больше версты оказалось невозможным. Затем сделали еще две версты без лошадей, карабкаясь по настоящему хаосу ледяных пирамид и конусов, верхний слой льда которых пористый, влажный и цветом напоминает мел.

Двигаться дальше не было никакой возможности: трещины и ледяные хребты совершенно преградили дорогу по всем направлениям.

В общем, ледник Танымас для движения несравненно более труден, чем ледник Федченко. По словам местного старого амина (старосты),

никто никогда не только не поднимался на этот ледник, но даже и не подходил к его основанию.

С тяжелым сердцем пришлось отказаться и от этого направления, но было трудно отказаться от населенной долины Язгулёма, не пройденной еще ни одним европейцем и на картах доныне обозначенной только пунктиром.

Решено было сделать еще одну, но уже последнюю попытку обойти южнее и проникнуть через обозначенный на карте крестиком перевал (Коргурбожд) Конгурбот — название местным жителям совсем неизвестное.

Неудачи, заболевания и лишения, благодаря отсутствию вьюков и всяких не только культурных, но и просто человеческих

Фото 12.
Киргизские дети.

удобств, а главное неизвестность впереди, так как сопровождавшие нас два местных таджика, указывая на небо, говорили, что дороги нет и вода по всем направлениям теперь глубока, — все это действовало очень угнетающе.

Спускаться от ледника по Танымасу было также трудно. Но все-таки в течение целого дня прошли около 30 верст и остановились в ур. Ортоболун, где нашли подножный корм и топливо.

В 6 верстах ниже, идя по руслу той же реки Танымас, носящей здесь названия Кудары, а далее Бартанга, мы встретили первую таджикскую летовку Ноотач. За нею долина реки суживается и тропа вьется по узкому карнизу правого берега Кудары, иногда по осыпи.

Перед ур. Полиз пришлось спускаться по узкой осыпи камней, сдавленной между двух стенами скал. Никакого следа тропы, потому что мелкие камни ползут и сыпятся, как горох, по крутому откосу. Чтобы не засыпать камнями впереди идущего, следовало спускаться по одиночке, на значительном расстоянии друг от друга. Вся глубина пропасти, в которую нужно слезать, все время перед нашими глазами, прямо под ногами и, только обладая нервами таджика, можно хладнокровно смотреть на эту головокружительную глубину.

На этом крутом и опасном, благодаря обвалам, спуске, не обошлось к сожалению без неудачи, — здесь едва не погиб один из моих разведчиков, Плохов. Огромная каменная глыба сорвалась и с ужасным шумом понеслась как раз на него. Почуввав беду, он перевернулся и слетел с карниза. — Мы потеряли надежду его увидеть, но, к счастью, на сажень ниже оказался небольшой уступ, за который он успел зацепиться и глыба перелетела через его голову, и он отделялся ушибами и вывихом ноги, которую мы здесь собственными усилиями и вправили... Все же целую последующую неделю он хромал, и его пришлось таскать где на плечах людей, где на ишаках, что сильно тормозило наше путешествие.

Полиз — первая зимовка, поражающая ничтою: взрослые обитатели ее в рубищах, а дети совершенно голые. Единственная смазанная глиной постройка состоит из камней, прислоненных к огромной скалистой глыбе.

На другом берегу Кудары также виднеются таджикские зимовки. Далее, до кишлака Кара-курбан, тропа идет большей частью по узким карнизам, засыпанным крупными и острыми обломками камней. Во многих местах на тропу только намек. Препятствием здесь служат очень трудные переправы через притоки Кудары: р. Ягач-курбан и особенно через страшный водопад р. Бошюр. Лошадей через последний тянули на двух арках: целые каменные глыбы непрерывно ворочаются под их

Фото 13.
Раскемская киргизка.

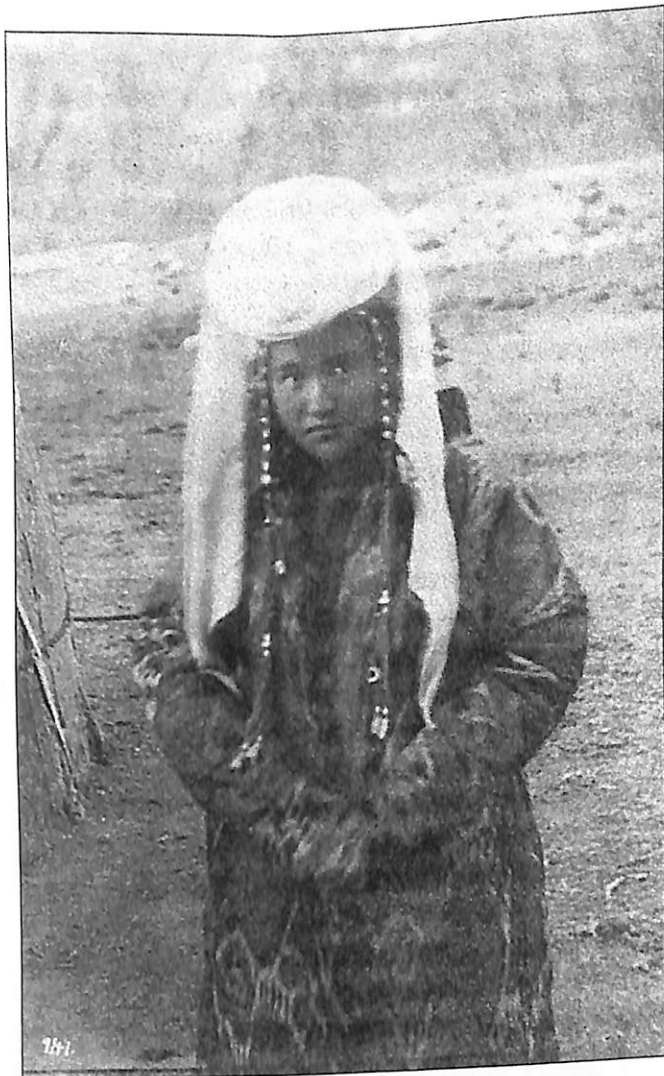

Фото 14.
Тип киргизки рода Теит.

ногами. А людям пришлось обходить более полуверсты берегом по невозможно трудной осыпи, каждый шаг расчищая палками, до естественного моста на двух огромных сдвинувшихся скалах, под которыми в мрачной пропасти бежит Бошюр с невообразимым гулом. Это непроходимое препятствие легко устранить постройкою моста из подручного материала — больших берез, здесь же растущих.

Вскоре за этой переправой мы шли на протяжении 2,5 верст по невыразимо трудной осыпи. Щебень, то и дело, полз под ногами, и при каждом шаге и пеший и лошадь немного сползают вниз, что сильно задерживает движение. Местами люди буквально цепляются за скалы, а лошадей для обхода этих скал приходится спускать сверху вниз и наоборот. Эти 2,5 версты шли более трех часов, несмотря на содействие местных таджиков, вышедших к нам навстречу. Никогда ранее лошадь здесь не проходила.

Затем до Кара-кургона дорога тоже трудна, но задержек особенных не было. Кара-курган — большой кишлак, где можно найти необходимое довольствие для людей и лошадей.

За Кара-курганом еще более трудная переправа через следующий приток Танымаса — р. Рудж. Таджик отплевываются, когда говорят о ней. Это нечто невероятное. Река бешено клокочет в чрезвычайно узкой и глубокой теснине. Подъем и спуск людей по отвесным скалистым берегам совершается на арканах. Где возможно, задние поддерживают ноги впереди идущего.

Когда я с чрезвычайными усилиями поднялся на другой берег, бывшие тут таджики поздравляли меня с благополучной переправой. Сами они сообщаются летом только в исключительных случаях, обязательно группами не менее 2-3-х, и лезят босиком, поддерживая друг друга при помощи арканов и цепляясь по скалам более руками, чем ногами.

Устройство и тут моста свело бы на нет это, в буквальном смысле слова, непроходимое препятствие. Лошадей переправить здесь нельзя, — пришлось их пустить на длинных арканах в плыв по Танымасу. Переправа их началась до полудня и закончилась только к вечеру.

Следующие 12 верст до Ташкургона и затем 11 верст до Орошора препятствий не имеют. По пройденной, единственной здесь дороге, летом никто не ходит.

«Только казенные царские люди могут здесь пройти», — говорит местный амин (старшина).

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК В.Ф.ОШАНИНА «НА ВЕРХОВЬЯХ МУК-СУ»

Из многих отдаленных уголков русского Туркестана, может быть наименее известною до сих пор была долина, занятая течением Мук-су, самого большого из притоков Сурхаба. Только один пункт, лежащий в ней, был посещаем русскими, это — Алтын-мазар. Впервые он был осмотрен во время алайской экспедиции 1876-го года, когда небольшой отряд, под командою князя Витгенштейна, производя реконгосцировку от Дараут-кургона вверх по алтын-дарьинскому ущелью, перевалил через Терс-агарский перевал и спустился к Алтын-мазару. Л.Ф.Костенко, находившийся при отряде, первый описал эту местность в своих корреспонденциях, помещенных в «Русском Инвалиде». В следующем 1877-м году Алтын-мазар был посещен И.В.Мушкетовым, но в то время было весьма неспокойно на Памире и в окружающих его горах. Смерть кашгарского эмира Якуб-бека и происшедший затем смуты в Джитышаре, кончившиеся, как известно, покорением этой страны китайцами, отозвались на положении кочевого кара-киргизского населения. Часть его убежала летом на памирские выси, которые обыкновенно стоят никем незанятыми, и сформировалась там в шайки. Так по крайней мере рассказали в Ферганской области, и поэтому местная администрация дозволила г. Мушкетову дойти только до Алтын-мазара и наложила свое veto на дальнейшее исследование верховьев бассейна Мук-су. Таким образом эта часть русского Туркестана, вошедшая еще с 1876 года в состав Российской империи, была совершенно terra incognita и наносилась на карты только на основании весьма неточных разспросных сведений.

В прошлом году мне пришлось побывать в этой местности и посчастливилось проникнуть несколько далее моих предшественников. Попал я туда кружным путем, через Самарканд, Гиссар, Каратегин и Алай; я намеривался с верховьев Мук-су перевалить в бассейн Мургаба и идти далее к югу, насколько позволят обстоятельства; вернуться же назад я думал на Кара-куль и Кызыл-артский перевал. Мне не удалось привести в исполнение этот план. Но посещение нашею экспедициею верховьев Мук-су, не было бесполезною тратою времени. Съёмка, произведенная товарищем моим по путешествию, Г.Е.Родионовым, доставила первый точный материал для картографии этой части Средней Азии, а собранные разспросы значительно изменили имевшиеся до сих пор сведения о перевалах, ведущих в Шугнан и в бассейн озера Кара-куль. Коллекции насекомых и растений, собранные там экспедициею, незначительны; время года и не позволило рассчитывать на богатую добычу...

Дальнейшее исследование местности, лежащей в верховьях Мук-су и в особенности той части Памира, которая находится к югу от нея, в высшей степени интересно, даже и с чисто географической точки зрения. В настоящее время западный Памир, от Тахта-корума до Яшиль-куля, вместе с прилегающими к нему

Фото 14.
Тип киргизки рода Теит.

ногами. А людям пришлось обходить более полуверсты берегом по невозможно трудной осыпи, каждый шаг расчищая палками, до естественного моста на двух огромных сдвинувшихся скалах, под которыми в мрачной пропасти бежит Бошюр с невообразимым гулом. Это непроходимое препятствие легко устранимо постройкою моста из подручного материала — больших берез, здесь же растущих.

Вскоре за этой переправой мы шли на протяжении 2,5 верст по невыразимо трудной осыпи. Щебень, то и дело, полз под ногами, и при каждом шаге и пеший и лошадь немного сползают вниз, что сильно задерживает движение. Местами люди буквально цепляются за скалы, а лошадей для обхода этих скал приходится спускать сверху вниз и наоборот. Эти 2,5 версты шли более трех часов, несмотря на содействие местных таджиков, вышедших к нам навстречу. Никогда ранее лошадь здесь не проходила.

Затем до Кара-курмана дорога тоже трудна, но задержек особенных не было. Кара-курман — большой кишлак, где можно найти необходимое довольствие для людей и лошадей.

За Кара-курманом еще более трудная переправа через следующий приток Танымаса — р. Рудж. Таджики отплевываются, когда говорят о ней. Это нечто невероятное. Река бешено klo-

кочет в чрезвычайно узкой и глубокой теснине. Подъем и спуск людей по отвесным скалистым берегам совершается на арканах. Где возможно, задние поддерживают ноги впереди идущего.

Когда я с чрезвычайными усилиями поднялся на другой берег, бывшие тут таджики поздравляли меня с благополучной переправой. Сами они сообщаются летом только в исключительных случаях, обязательно группами не менее 2-3-х, и лазят босиком, поддерживая друг друга при помощи арканов и цепляясь по скалам более руками, чем ногами.

Устройство и тут моста свело бы на нет это, в буквальном смысле слова, непроходимое препятствие. Лошадей переправить здесь нельзя, — пришлось их пустить на длинных арканах вплавь по Танымасу. Переправа их началась до полудня и закончилась только к вечеру.

Следующие 12 верст до Ташкурмана и затем 11 верст до Орошора препятствий не имеют. По пройденной, единственной здесь дороге, летом никто не ходит.

«Только казенные царские люди могут здесь пройти», — говорит местный амин (старшина).

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК В.Ф.ОШАНИНА «НА ВЕРХОВЬЯХ МУК-СУ»

Из многих отдаленных уголков русского Туркестана, может быть наименее известною до сих пор была долина, занятая течением Мук-су, самого большого из притоков Сурхаба. Только один пункт, лежащий в ней, был посещаем русскими, это — Алтын-мазар. Впервые он был осмотрен во время алайской экспедиции 1876-го года, когда небольшой отряд, под командою князя Витгенштейна, производя реконгосцировку от Дараут-курмана вверх по алтын-дарьинскому ущелью, перевалил через Терс-агарский перевал и спустился к Алтын-мазару. Л.Ф.Костенко, находившийся при отряде, первый описал эту местность в своих корреспонденциях, помещенных в «Русском Инвалиде». В следующем 1877-м году Алтын-мазар был посещен И.В.Мушкетовым, но в то время было весьма беспокойно на Памире и в окружающих его горах. Смерть кашгарского эмира Якуб-бека и происшедшая затем смуты в Джитышаре, кончившаяся, как известно, покорением этой страны китайцами, отозвались на положении кочевого кара-киргизского населения. Часть его убежала летом на памирские выси, которая обыкновенно стоят никем незанятая, и сформировалась там в шайки. Так по крайней мере рассказали в Ферганской области, и поэтому местная администрация дозволила г. Мушкетову дойти только до Алтын-мазара и наложила свое veto на дальнейшее исследование верховьев бассейна Мук-су. Таким образом эта часть русского Туркестана, вошедшая еще с 1876 года в состав Российской империи, была совершенно terra incognita и наносилась на карты только на основании весьма неточных разспросных сведений.

В прошлом году мне пришлось побывать в этой местности и посчастливилось проникнуть несколько далее моих предшественников. Попал я туда кружным путем, через Самарканд, Гиссар, Каратегин и Алай; я намеривался с верховьев Мук-су перевалить в бассейн Мургаба и идти далее к югу, насколько позволят обстоятельства; вернуться же назад я думал на Кара-куль и Кызыл-артский перевал. Мне не удалось привести в исполнение этот план. Но посещение нашею экспедициею верховьев Мук-су, не было бесполезною тратой времени. Съёмка, произведенная товарищем моим по путешествию, Г.Е.Родионовым, доставила первый точный материал для картографии этой части Средней Азии, а собранные разспросы значительно изменили имевшиеся до сих пор сведения о перевалах, ведущих в Шугнан и в бассейн озера Кара-куль. Коллекции насекомых и растений, собранные там экспедициею, незначительны; время года и не позволило рассчитывать на богатую добычу...

Дальнейшее исследование местности, лежащей в верховьях Мук-су и в особенности той части Памира, которая находится к югу от нея, в высшей степени интересно, даже и с чисто географической точки зрения. В настоящее время западный Памир, от Тахта-корума до Яшиль-куля, вместе с прилегающими к нему

Дарвазом и Шугнаном, представляются наименее известными из всех средне-азиатских стран. Наша экспедиция доказала, что обыкновенным путешественникам, если не вполне невозможно, то во всяком случае очень рискованно пускаться в эту terra incognita через Тахта-корум. Но есть другой и удобный путь в Памир-сарез, через Кызыл-артский перевал. Между этим последним и Кударою, судя по распросам, не существует никаких препятствий, так что движение тяжелых выюков может совершаться безостановочно по этой дороге. Поэтому путешественник может оставить свои выюки где нибудь на этом пути, а сам, взяв с собою лишь самые необходимые вещи, пройти с Кара-куля через Кокуй-бель на Баянд-киик, а оттуда через Татта-корум спуститься снова к Кударе и затем идти далее на юг, на сколько это позволят обстоятельства.

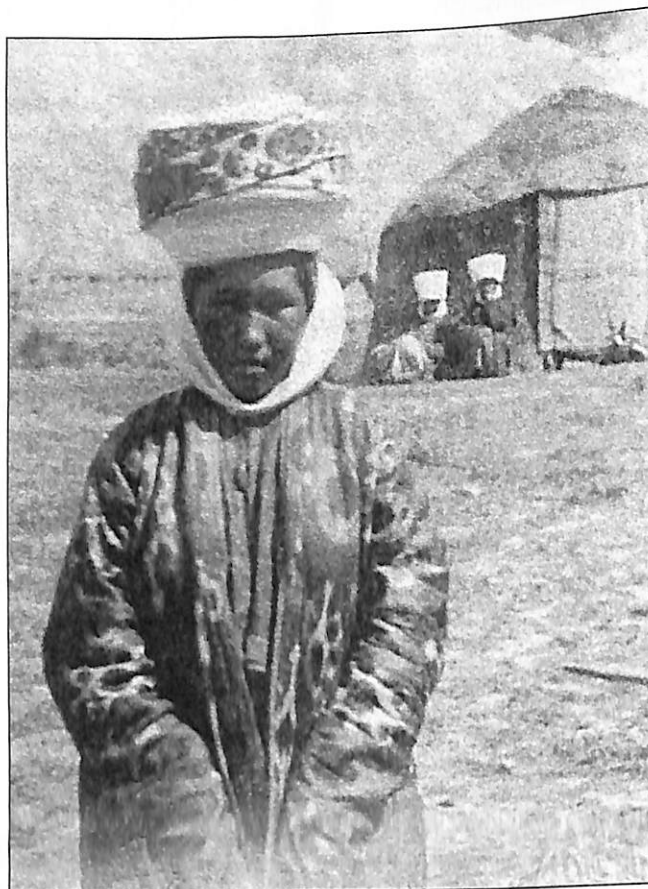

Фото 15.
Киргизка рода Найман.

Для подробного же осмотра Федченковского ледника и верховьев рр. Каинда и Сельсая необходимо оставить большую часть выюков в Алтын-мазаре. Изучение Федченковского ледника займет вероятно не менее недели, и невозможно оставлять лошадей на все это время вблизи ледника, так как в долине Сельсу не существует совершенно подножного корма, да и на Баянд-киике его чрезвычайно мало. По этому, доехав до ледника, нужно отправить лошадей обратно на Алтын-мазар и оставить на месте только одну, для посылок. Но повторяю опять, что исследование ледника возможно только для человека сильного, здорового и имеющего значительную опытность в путешествиях по глетчерам и снежным горам. Если же кто либо решится на подобное предприятие, не имея практических сведений о ходьбе по горам и ледникам, то можно почти наверное предсказать, что он увеличит собою и без того уже длинный список лиц, павших жертвою своей безразсудной отважности. Я позволяю себе настаивать особенно на этом обстоятельстве, так как мне известно, что у нас, в Туркестане, некоторые лица совершали восхождение на ледники без

всяких предосторожностей. Обутые в обыкновенные сапоги, с гладкою подошвою, без горных палок, веревок и других, самых необходимых приспособлений, они пускались в путь, не имея с собою, конечно, ни одного опытного проводника. Если до сих пор все подобные попытки сходили с рук благополучно, то это зависело только от их малаго количества, от счастливой случайности, а также и от незначительной величины большинства здешних глетчеров. Но такие ледники, как Музартский, Петровский, Зеравшанский, Федченковский и глетчер Щуровского могут смело поспорить своими размерами, а вероятно, и своими трудностями, с любым из швейцарских глетчеров; идти на них на авось — это тоже, что отправиться на тигра без всякого оружия.

ИЗ «КРАТКОГО ОБЗОРА ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА» Н.Ф. ПЕТРОВСКОГО

(Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, СПб., 1886, вып. 22, стр. 21-27)

Исходным пунктом торгового движения в Восточном Туркестане со стороны всего русского Туркестана, а также Бухары служит гор. Ош Ферганской области. Город Ош, имеющий около 15000 жителей, соединен с остальными городами Туркестанского края почтовым (два раза в неделю) и телеграфным сообщениями; в нем находится местопребывание уездного начальника и зыкетное управление. От пограничного пункта Иркештама г. Ош отстоит приблизительно на 172 версты расстояния. Между Ошем и Иркештамом, в 67 верстах от первого, лежит укрепление Гульча, не имеющее в настоящее время для торговли с Восточным Туркестаном никакого значения, но могущее получить оное, если предположения консула, выраженные в письме к бывшему Туркестанскому Генерал-Губернатору, генерал-лейтенанту Черняеву, будут приняты во внимание. Пограничный пункт Иркештам таковым в настоящее время быть назван не может. Иркештамом именуется местность у реки Кызыл-су, на которой стоит разрушенное здание бывшей караульни того же названия. В караульне этой никто не живет, а вблизи ее и в окрестностях никаких оседлых поселений не имеется, и сами кочевки киргиз, единственного населения этой местности, расположены в горах, вдали от караульни верстах в трех и более. В настоящее время по предложению Туркестанского Генерал-Губернатора на Иркештам будет устроен пограничный пост.

От г. Оша до Софи-Кургана (84 версты) путь один, затем он разделяется по трем перевалам на три отдельные дороги, сходящиеся у Иркештама. От этого последнего пункта до г. Кашгара — путь один. Все расстояние от г. Оша до г. Кашгара определяется приблизительно в 375 верст. Путь этот единственный для сообщения Туркестанского края с Кашгарией — один из самых трудных путей сообщения. На этом расстоянии караванам приходится переходить шесть больших перевалов (в 7, 13, 10, 11, 9 тыс. футов высоты), не считая более незначительных подъемов и спусков несколько горных речек вброд, следуя временами вдоль их русла или по горным карнизам над их берегами. Самое трудное место пути — перевал Теректы-Даван (13 тыс. футов высоты), буквально усеян костями погибших на нем в разное время кашгарских беглецов, отличается страшными буранами, бушующими здесь по неделе и более. В китайских пределах этот путь совершенно не разработан. В наших же владениях, вследствие письма консула бывшему Туркестанскому Генерал-Губернатору Черняеву, этот путь насколько было возможно исправлен: расчищена дорога, устроены мосты, а главное — в ущелье Терек-

Давана возобновлены построенные еще Кокандскими ханами убежища (рабаты) для караванов на случай бурана.

Трудность пути, сопряженная с риском лишиться вьючных животных и даже собственной жизни возчиков товаров, является причиной, что плата, которую они получают за доставку товаров из Оша в Кашгар и обратно весьма значительна сравнительно с расстоянием. Плата за вьючную лошадь, нагружаемую обыкновенно восемью пудами товара колеблется по временам года от 8 до 12 рублей, т.е. перевоз товара на 375 верст расстояния стоит от рубля до полутора рублей с пуда.

Сообщение Восточного Туркестана с Семиреченской областью и Илийской провинцией (Кульджа) через эту область с его городами производится по путям, ведущими на перевалы и вместе с тем переходные пограничные пункты: Туругарт, Теректы и Бедель. Путь через первый из этих перевалов направляется к г. Кашгару; перевал Теректы служит как для пути в Кашгар, так и для сообщения с Уч-Турфаном; перевал Бедель — для сего последнего города Аксу.

Исходными пунктами торгового движения в Восточный Туркестан со стороны Семиречья служат Нарынское укрепление и г. Каракол, через который следуют все караваны, направляющиеся в города Кашгарии. Главным образом из Верного, а также и прогоняются на продажу верблюды, лошади и бараны.

Путь от Нарынского укрепления, соединенного с уездным городом Пишкеком (лежит на большой дороге и имеет телеграфную станцию) хорошим почтовым сообщением, проходит через местность и Сартовский поселок Ат-Баши, где уже два года устраивается ярмарка. От Ат-Баши (40 верст от Нарынского укрепления) дорога пересекает (или через перевал Ширикты, более трудный, или через перевал Таш-Рабат, более легкий) Кара-Коинский хребет, огибает с востока озеро Чатыр-Куль и выходит на перевал Туругарт. Немного более кружной путь не пересекает означенный хребет, а обходит его огибая, затем Чатыр-Куль с запада (дорога на Чирмаш). От перевала Туругарт дорога идет на большей половине пути вдоль по руслу речки Тоюн, переходя около 50 раз то на правую, то на левую ее сторону. Расстояние всего пути от Нарынского укрепления до г. Кашгара считается приблизительно в 240 верст.

В общем означенный путь гораздо лучше, чем Ошско-Кашгарский. Проходя до перевала Туругарта по местности, медленно и постепенно возвышающейся до 12 тыс. футов высоты и после Туругарта — по местности, также медленно понижающейся до самого Кашгара, путь этот (кроме перевала Ширикты, через который караваны ходят весьма редко) почти не имеют особенно крутых подъемов и спусков. Даже перевал Туругарт (12 фут.), вследствие значительной высоты местности, на которой лежит, почти незаметен. К числу неудобств этого пути надо отнести отсутствие на нем зимой на большом расстоянии воды и топлива, а также кочевков киргиз и трудность движения по каменистому ложу речки Тоюн.

Путь от Нарынского укрепления через перевал Богушты в долину Аксая и на пограничный перевал Теректы, а также пути из г. Каракола через перевал Бедель в Уч-Турфан и Аксу лично ни консулом, ни секретарем консульства не осмотрены, и потому описание и

оценка этих путей и их торгового значения оставляются до будущего отчета, на приложенной к отчету карте пути эти обозначены.

Торговое движение по указанным путям кроме задержек горными буранами производится почти безостановочно во всякое время года. Хотя с весны Ошско-Кашгарский путь через перевал Терек-Даван в течение некоторого времени (с середины марта по июль) становится непроходимым вследствие таяния снега, завалов и разлива речки Терека, но взамен его открывается обходной в русских пределах путь через Алайские горы на перевалы: Талдык и Шарт. Путь этот выходит к Иркештаму.

Перевозка товаров между Кашгаром и русскими владениями производится вьючным способом. Транспортирования посредством арб (двухколесных телег) не существует, хотя между Нарынским укреплением и Кашгаром, как сказано выше, имеется несколько кружной путь, огибающий Кара-Коинские горы с их перевалами Ширикты и Таш-Рабат и выходящий на довольно отлогий Туругартский перевал. По этому пути колесное движение было бы возможным. Из вьючных животных для перевозки по путям в русские пределы товаров употребляются почти исключительно лошади и весьма редко верблюды. Судя по тому, что возчики товаров называются в Восточном Туркестане не керакешами, как принято в Средней Азии, а ишакчи (от ишак — осел), надо думать, что перевозка товаров производилась здесь на вьючных ослах. Верблюд (тюя) несет обыкновенно два вьюка (тай или линг) по 8 пудов чистого товара и по 20 фунтов на вьюк тары. Такой верблюд называется полным; верблюд, навьюченный двумя вьюками по 6 пудов товара и по 20 фунтов на вьюк тары именуется трехчетвертным, по 4 пуда в каждом вьюке и по 20 фунтов тары — половинным. Лошадь (ат) вьючится двумя тюками, составляющими в сумме 8-9 пудов.

По Ошско-Кашгарскому пути ходят только вьючные лошади, по Нарынско-Кашгарскому — лошади, а также и верблюды.

Фото 16.
Вброд на верблюдах.

ПИСЬМО П. НОВИЦКОГО СЕКРЕТАРЮ ИРГО Ф.Р.ОСТЕН-САКЕНУ

№1 отправлен 6-го апреля 1868 г. №2

Милостивый государь Федор Романович!
В дополнение письма моего к Вам от 6 апреля сообщаю Вам самое краткое географическое и статистическое сведение о Коканском ханстве, составленное со слов сарта Муллы-мусульмана, выходца из Кокана, старика 52 лет, еще весьма бодрого и живого по нраву, прожившего в Кокане слишком 30 лет и знающего весьма хорошо русский язык.

Граница Коканского ханства с Китаем находится в горах Терек-Давань, в 40 верстах от Кашгара, где китайцы содержат два пикета на дороге ведущей из Кокана в Кашгар

Реки. Сыр-Дарья в которую впадает р. Нарын в 4 верстах выше Намангана. В Нарын впадают три реки: Турген, Аксай и Коксай. Джунгал верховье р. Чирчика.

Племена населяющие Коканское Ханство: Коканцы повсеместно, Кашгары около г. Андижана к Кошгару их считается до 40 тыс. Кара-киргизы кочующие около г. Ош и по речке Алай.

Шелководство. Преимущественно занимаются в Маргелане, Ярмазаре, Алтарыке, Хан-Кызе Чимлане. Главные фабрики шелковые в Маргелане.

Пушные товары. Лисьи и куньи меха продаются в Андижане и Оше. Куницы водятся во множестве в горах, близи Маргелана, а лучшие лисицы по речке Алай, в Оше.

Монета золотая вычеканивалась прежде из золота, добываемого в Сибири воровским образом, а ныне добывается у частных промышленников, промывающих в речках Чирчик и Касан и доставляется из Каратегина из верховьев Аму-Дарьи. Казенных разработок никаких нет. Серебрянная монета /коканы, теньга/ выделывают из китайской монеты ямбы /слитки/ в том 4 ? фунту из которой вычеканивают 700 коканов.

Медную монету чек вычеканивают из меди привозной из России добавляя на половину свинцу.

Леса. Близ Намангана по речке Касан много ели, березы, вереску, ореха и фисташек. На орехи и фисташки наложена пошлина за сборы орехов. В Кокане много садового тополевого леса и близ него в горах много вереску В дер. Балыкчи тоже много топей. В Корамод.... вереск растет в изобилии. В Ходжент доставляется сплавом строевой тополевого лес из Кокана. Намангана и вереск для топлива из Карамазара.

Большие города /Шари-азим/: Кокан, Маргулан и Андижан и небольшие города /шари/: Наманган, Чус, Шарихан и Ош. Первые три по величине равны Ташкенту, а последние четыре — Ходженту.

Турки преимущественно живут в г. Маргелан и кочуют подле этого города. Они известны своим трудолюбием, честностью и до статком; их насчитывается более 5 тыс. Кара калпаки занимают прибрежное пространство по р. Сыр-Дарья от Андижана вниз по реке. Кипчаки кочуют близ Намангана, между рек Свером и Нарыном. Джизы живут в городах: Кокан и Андижан. Затем живут в небольшом числе: евреи, индийцы, татары и пленные китайцы.

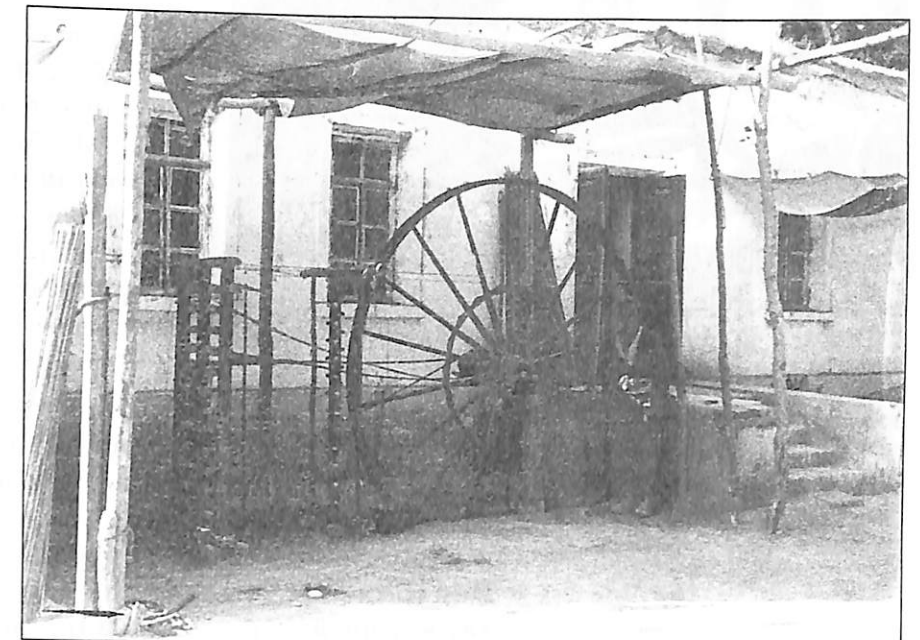
Ископаемые. Чугунный завод в дер. Чус, где вырабатывают сталь. Медь. 1 В горах Карамазарских, в 30 верстах от Самгар, до 20 разработок меди, 2, в Риш-Тоне и 3, в дер. Наукат, близ дер. Аруан. Каменный уголь близ дер. Антарык, в дер Хан-Кыз мало употребителен, так как в этих местах много лесу.

Каменная соль в горах Бердым-кол (соленые горы) между Самчаром и Камыш-Курганом. Свинец к Кашгару в горах Гульше. Нефть, близ дер. Канибадам у подножия Алатавских гор, место называемое Хаджи-Турав, немногие из местных жителей употребляют для освещения. Самые богатые и разнообразные руды находятся в 10 верстах от дер. Исфары, так называемая Лек — Кань, где добывается частным образом: медь, серебро, свинец, золото и цветные камни. Золото промывают по речкам Чирчику и Касань. По преданию из Ляк-Кань много дорогих камней вывозилось, в давние времена в Грузию. Поваренная соль добывается в значительном количестве в 5 верстах от дер. Камыш-Курган в озерах: Кара-Кол и Ак-Кол.

Город Кокан, крепость, резиденция хана, много шелковых фабрик, литейный и монетный дворы, на крепостном вооружении находится 52 пушки. Маргулан известен по большому числу шелковых фабрик. Андижан, крепость, много фабрик бязи и армячины. Самый древний город, построен одновременно с Ташкентом. Наманган, на речке того же имени, обширные фруктовые сады, обширная торговля и хлебопашество, в значительном количестве сеют краску марену. Чус, занимаются посевом марены. Шарихан, город построенный около 30 лет, большие базары и хлебопашество. Ош большие базары. Крепости: Ярмазар, Озгент, на китайской границе трудно — доступная; бухарцы осаждали ее два раза безуспешно; на речке Озгент Маграм, Тюря-Курган. В 12 верстах от Кокана, в дер. Чамкат выделяется лучший ружейный порох, кроме того пороховой завод есть в самом гор. Кокане.

Паромные переправы на реке Сыр-Дарья: Одна в четырех верстах в Маграма, вторая в 10 верстах ниже — Камыш-Кургана, третья в Ак-Джаре, четвертая в Гурум-Сарае, в деревнях: Пап Сан, Тода, Наманган. Балыкчи.

Фото 17.
Станок для наматывания
шелка на шпульки.

Караванные дороги из Кокана в Кашгар. Первая станция Риштан 30 верст, Алтарык 40 верст, Ярмазар 20 верст, дер. Джикатут 20 верст, Талмазар 20 верст, Аруан 35 верст, Ош 20 верст, Мады 10, Гульша 25 верст, Терек-Даван – 25, Сары Караул 25, Какпа – 30 Егзек 30, Джигин 25, ... Курган 30, Шор-булак 30, Нагара-чалды 30, Ок-салар 30, Кань-Джигань караул 30, Ман-джар-караул 30 – здесь собирают киргизы пошлину и .. Кашгар 30 верст. Всего от Кокана в Кашгар 565 верст.

Из Кокана в Кашгар считается 12 дней ходу на верблюдах или 6 дней верхом, на этом протяжении 20 перевалов через горы Терек-Даван.

Почва глинистая, местами солонцы и песок.

Войска постоянного в Кокане 12 пансов /полков/: 500 человек каждый.

Близ гор. Ош находится престол Соломона, на горе место высеченное на камне, где он поклонялся богу.

В Кокане считают семь шариф: /священный, благословенный/: 1-ый Алкоран Шариф, 2-ой Бухара-Шариф, 3-й Богдет-Шариф, 4-й Кундуз /Иерусалим/ Шариф, 5-й Мысыр /Египет/: Шариф, 6-й Мекка-Шариф и 7-й Мадина-Шариф.

Монета, золотая ...: /20 коканов/, серебряная кокан /60 чек/; и медная чек.

Вес. Битман /8 пудов/; черек /4 пуд/; шек /пуд/; чаксы: -10 фунт; кадак- включает фунт- 20 пайсов.

Мера протяж:- Кары /сажень/, газ /аршин/, карыш /четверть; вместимость парак – пудовка.

Минеральные воды 1, в Андижане минеральные воды, 2, в 60 верст от Кокана на север, у подножия гор Акташ так называемые Арасан-булак – минеральные воды; 3, в Риштане серные воды и 4, в Канибадаме, так называемая Ходжа-турат – купоросные воды.

Прилагаю при этом письмо Хана Коканского Худояр Хана, писанное ко мне по поводу просьбы моей задержать татарина Ахметджан Меджитова, который находясь приказчиком у купца Сосновского, украл у него лошадь, взломал сундук и похитил 80 руб. серебром и убежал в Кокан. Как видно из прилагаемого письма по распоряжению Хана, вор задержан и доставлен ко мне.

Про Худояр Хана можно сказать, что он весьма осторожен и на неоднократные предложения Эмира вступить с ним в союз и действовать совокупно против русских, – он

всегда давал уклончивый ответ начинать дело одним бухарцам и в случае их успеха он будет действовать со стороны Кокана. Нет сомнения, что Хан так и будет действовать, в случае успеха, который более чем сомнителен.

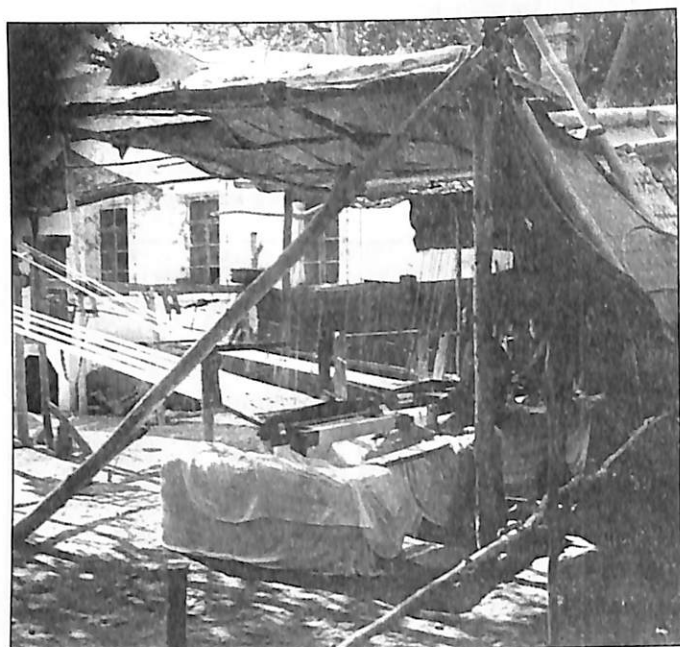

Фото 18.

Ткачи шелковой материи.

В данную минуту войска Эмира выступили из Самарканда и находятся недалеко от Яны-Кургана, куда сосредотачиваются наши войска, и по всему видно, что Эмир вынудит действовать против него.... Обыкновенно со сбором бухарских войск появляются шайки ... в наших пределах, грабят наши караваны, уничтожают и жгут посты, угоняют в бухарские пределы жителей, словом разоряют и уничтожают все в наших владениях. Так обыкновенно сопровождаются их наступательные действия, но после первого разгрома, все в несколько дней совершенно успокаивается...

Прилагаю экземпляры растений, которые собраны мною в горах Маган-тау, против Ходжента. Помня слова Ваши, что в растениях должны сохраняться цвет и корень, я так и поступал, быть может в этих горах еще найдутся растения, но я весьма пристально разыскиваю и теперь самое благоприятное время, все цветет дожди перепадают довольно часто и растительность очаровательная. Одно луковичное растение, раздвоенное, под названием Козу-кулак /бараньи уши/ употребляют как лекарство от цынги, для чего его сушат и толкут.

Присылаю два образчика минерала с признаками каких-то металлов, тоже взятых в горах Маган-тау. Говорят здесь есть старинные горные разработки, и если позволят обстоятельства то я осматриву их – это верст 40 от Ходжента.

Присылаю снимок надписей найденных в 12 верстах, в этих же горах, по дороге от Ходжента на Мурзы-Рабат. Кажется что это старое наречие, но часть их не разобрана, хотя нельзя их отнести к глубокой древности. Как умел, так и списал их, ктонибудь разберет их лучше. В горах еще есть надписи и меня берутся туда провести, но говорят, что все на одном и том же наречии. Прилагаю образчик ... на котором высечены эти надписи. Стоило большого труда выбить их потому что камень очень тверд, но надписи вполне удовлетворительно отчетливы и большую частью весьма изящны.

П. Новицкий

АРГО р. 74, оп. 1, п. 1

ПИСЬМА К. ФОН КАУФМАНА

ТУРКЕСТАНСКИЙ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР
КАНЦЕЛЯРИЯ

Отделение IV
3 июля 1876 года
г. Ташкент

В СОВЕТ ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Возвышенное плоскогорье среди горных массивов Центральной Азии, известное под общим наименованием «Памир», по своему географическому положению и по малодоступности своей и ему мало известности, всегда останавливали на себе мое самое пылкое внимание, а обстоятельное исследование их, составляло мою давнишнюю мечту, осуществление которой приходилось однако мне откладывать по необходимости до настоящего времени. Теперь, когда занятие нами Ферганы, устранило главнейшие к этому препятствия, это изучение – столь желательное в интересах науки, становится для нас возможным. Единственным к тому препятствием, служит пока горное население, занимающее земли между Памиром и долиной Ферганы, признававшее в большей или меньшей степени власть бывших Коканских ханов, но не на всем еще пространстве нам подчинившееся. Я не сомневаюсь, что в непродолжительном времени и это препятствие будет устранено, и потому я бы лилеил воспользоваться этим временем, для всестороннего изучения Ферганской долины, и затем уже идти далее на Памир.

В этих видах я снаряжаю в настоящем году ученую экспедицию, сначала в Ферганскую долину и за тем на Памир под начальством моего старшего чиновника особых поручений Статского Советника и доктора зоологии Северцова.

Сообщая об этом Совету Географического Общества, имею честь просить не признает ли общество нужным и возможным дать какие-либо научные указания, или научные задачи, этой формирующейся экспедиции, и таким образом оказать ей содействие своим научным авторитетом.

Генерал-адъютант фон Кауфман

АРГО, фонд 1-1876, опись 1, дело 18.

ТУРКЕСТАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ ГУБЕРНАТОР

9 сентября 1876 года
№ 5768 г. Ташкент.

Милостивый Государь
Петр Петрович

В письме от 1-го июня Ваше Превосходительство изволили уведомить меня, что Почетный член Академии Наук А.Ф. Миддендорф изъявил готовность отправиться в Туркестанский край и осмотреть его в сельскохозяйственном отношении, в течении трех лет непрерывно, приезжая каждый год на шесть месяцев и в разные сроки, начиная с будущего года.

Соглашаясь очень охотно на это предложение, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, не отказать в Вашем дальнейшем посредничестве по этому делу, передав А.Ф. Миддендорфу, что на осуществление его поездки с двумя помощниками, которые ему угодно будет взять с собою, для составления возможно более полного взгляда на сельскохозяйственные отношения края, я могу ассигновать ему из моей экстраординарной суммы ежегодно до 6900 руб, по следующему расчету.

1. На прогоны от Петербурга до Ташкента и обратно г. Миддендорфу, на 5 лошадей – 1034 р. 53 коп. Двум ему помощникам, на 3 лошади каждому – 1241 р. 43 коп.
2. Подъемных: г. Миддендорфу* – 500 р., его помощникам, по 250 р. каждому – 500 р.
3. Суточных: г. Миддендорфу, по 5 р. в сутки, всего на 6 месяцев – 900 р. Его помощникам, по 2 р. 50 коп. в сутки каждому, всего на 6 месяцев – 900 р.
4. На наем квартир во время остановок: Г. Миддендорфу, по 50 руб в месяц на 6 месяцев – 300 р. Его помощникам, по 25 р. в месяц каждому – 300 р.
5. На наем джигитов, верховых и вьючных лошадей считая срок их надобности на три месяца Г. Миддендорфу: 4-х джигитов с собственными их лошадьми содержание по 20 р. в месяц каждому – 240 р.

Содержание 2-х верховых и двух вьючных лошадей по 15 руб за каждую в месяц. – 180 р.

Помощникам: 4-х джигитов, по два каждому, по 20 р в месяц – 240 р.

Содержание 2-х верховых и двух вьючных лошадей по 15 руб. за каждую в месяц – 180 р.

6. На подарки туземцам, при собирании разных сведений, Г. Миддендорфу - 300 р.
- Итого: Миддендорфу в один год 3454 р. 50 коп, а за округлением цифры 3500 руб. и двум его помощникам по 1680 р. 71 к., а за округлением цифры по 1700 руб каждому, всего 6900 руб.

Вместе с тем покорнейше прошу Вас сообщить мне как о результатах настоящего письма, так и о том, когда именно Г. Миддендорф намерен совершить свою первую поездку в Туркестан, а также когда ему будет угодно составить, в развитие общей задачи, подробную программу его командировки, до поездки, или же здесь на месте по прибытии в край. Я признаю со своей стороны совершенно уместным предоставить это его усмотрению.

Благодарю Вас глубокоуважаемый Петр Петрович, за участие, принимаемое Вами в этом важном и в высшей степени полезном деле.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности, с коими имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

фон Кауфман

АРГО, фонд 1-1876, опись 1, дело 14.

* г. – имеется ввиду «господин» (прим. наше)

ПИСЬМО А.МИДДЕНДОРФА П.П.СЕМЕНОВУ-ТЯНЬ-ШАНЬСКОМУ

Чимкент 18.05.1878 г.

Милостивый государь
Петр Петрович

Вы конечно уже давно ожидали от меня хотя несколько строк. Чувствую себя виноватым перед Вами, но с другой стороны также уверен, что от человека науки никогда не ожидали газетных статей.

В следствии необходимости, некоторые разносторонние взгляды выйдут устными сообщениями, я вынужден был оставить Фергану ранее предположенного срока, и выехать в Ташкент для свидания с Константином Петровичем. При общей тревоге не стоит вернуться на короткое время к востоку, так что я направил свое шествие сюда, намереваясь ближе осмотреть правый берег р. Сыр-Дарьи). С.М.Смирнов остался в Фергане. По моей просьбе К.П. разрешил ему исполнить за раз оба предназначенные полугодия. Необычайный, неслыханный климат сего года требует чтобы весна и осень обнимали бы наблюдения одного и того же года.

Впрочем г. Раков (при нем и мой сын) продолжит пополнения свои весьма удачные коллекции для Академии также до возврата прилетных птиц.

Физико-географические наблюдения наши дадут весьма ясное понятие о крайних пределах, заблуждений сего замечательного года в климатологическом отношении. В особенности интересны наши термелимометрические ряды наблюдений, над нагревательною силою солнечных лучей. При интересе с которым генерал А.К. Абрамов готов поддерживать метеорологические наблюдения, надеюсь на продолжение их, по крайней мере в некоторых местах под плувиометром.

Про свои собственные работы относительно сельско-хозяйственных вопросов пока умалчиваю. Им предстоит повторка в химической лаборатории.

Фергану мы оставили вполне убежденные в совершенно мирном положении. Я подтрунивал там, когда наши смельчаки мечтали даже об Индии. При настоящем положении дел (т.е. 2 недели тому назад) я, положительный человек науки до такой степени разгорелся, что желал бы именоваться в решениях Русского Государства.

Насмотревшись ближе, каково наше положение в здешних окраинах и не видя другой слабой стороны у нашего врага, я считаю единственным и доступным средством чтобы выйти из нашей дилеммы окончательно победителем: посильный напор из Туркестанского края к югу. Поддерживаемый со стороны Сибири, не полумерами, но всеми возможными силами — опять, да опять напор на юг, а потом на юго-восток, заставить рушиться молодую Империю Индии повторяя катастрофу Соединенных Штатов, но конечно в ином виде...

А. Миддендорф

АРГО фонд 1, оп.1, № 14

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА С Г.Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

г. Ош
Ферганская область
Его Выскоблагородию
Григорию Ефимовичу Грум-Гржимайло
1 мая 1884 года
Петербург

Многоуважаемый
Григорий Ефимович!

Ваше письмо, которое я вчера получил, мне доставило большое удовольствие во всех отношениях. Во первых я узнал, что Вы живы и здоровы, потом, что лов идет крайне успешно, что есть уже первые виды, одним словом путешествие началось удачно. От души желаю продолжения успеха во всех отношениях.

Что касается ..., то я заранее благодарю Вас за ваше... и надеюсь что этот вид дастаточно красив и изящен. Это своего рода кокетство с моей стороны. — Мои «Memoires» в настоящее время у переплетчика и я думаю через недели две, я могу Вам послать первый том оных. ... Г.И.Сиверс Вам вероятно сам напишет свое мнение о нем. Мой брат Вас благодарит за доброе желание ему собрать монеты, но т.к. он собирает только русские монеты, то тамошние ему вовсе не пригодятся.

У меня теперь экзамены в полном разгаре, так что я порядочно изведен работой довольно монотонной и мало полезной. 3 мая отсюда поедет в Туркестан (т.е. в Ташкент) мой лучший товарищ Кн. К. в качестве адъютанта у Розенбаха. Если Вам что либо нужно будет спешно по телеграфу, то вы всегда можете сделать через него. Так же он может быть Вам будет полезным в каких — либо других отношениях. Погода здесь холодная, почки только появляются еще и вообще весна очень запаздывает.

Кристоф сидит на станции Пайлы на Бакинской жел.дороге, но пишет редко; к зиме получил письмо из Тифлиса. Ко второму тому «Memoires» уже составил 4 таблицы. Теперь жду ... помощников для Ланга, а то старику такие хорошие таблицы не по силам. Вот все известия, которые я могу Вам дать отсюда. Еще раз благодарю Вас за письмо и надеюсь очень, что оно будет далеко не последнее. Вы пишете так мило и интересно, что я завидываю не видеть этих стран, где Вы теперь проживаете.

Глубокоуважающий Вас

Николай Михайлович

Густав и Ланг кланяются Вам

АРГО, фонд 32, оп. 2, №87

Ош

Ферганская область.

Его Высокоблагородию

Григорию Ефимовичу Грум-Гржимайло

17 сентября 1884 г.

Петербург

Многоуважаемый
Григорий Ефимович!

Вы себе легко должны представить какова была моя радость при получении Вашего письма, строки которого были полны новыми открытиями для нашей дорогой специальности. Письмом трудно и высказать Вам всю мою глубокую благодарность и остается только пожелать, чтобы сии Ваши богатства благополучно доехали до Петербурга со своим бесстрашным путешественником, испытавшим такие лавры в самое короткое время. У меня уже мерещатся перед глазами эти удивительные ... и т.д. и остается только пожелать, что не видел их летающими при живописной обстановке. — Желание Ваше относительно дубликатов моей коллекции будет конечно исполнено и экземпляры будут Вас с нетерпением ожидать. О Ваших двух проектах на будущее лето мы с Сиверсом долго и долго беседовали и оба пришли к тому глубокому убеждению, что второй проект почти во всех отношениях желательнее первого. Вот доводы которые меня заставляют склоняться на сторону гор Баба-дага и Зеравшанской долины: 1). Путешествие уж выйдет рискованным, европеем более, что страны эти не посещены еще, как Вы сами и говорили, европейцами. Зачем после таких результатов рисковать своей жизнью. 2). Вам придется пройти все эти пути, т.е. степи бесплодные и много дней пройдет без всякого лова. 3). В Мерве — же это можно... Возьмете с собой Кристофа. 4). Наконец, действительно это путешествие потребовало уж слишком больших затрат и всевозможных других хлопот.

Второй же Ваш план более чем симпатичен и я думаю, что ни одни... представятся Вашим глазам. — Не знаю согласится ли Вы с моими доводами, но Вы просили вполне откровенно написать и я это сделал. — Кристоф в настоящее время в Германии у дочери и будет здесь через дней десять.

Хоруг пишет с полуострова Кореи, что и там находит много интересного. Осень здесь в Питере чудная, но экзамены совсем меня довели и я благодарю бога, что скоро все это будет кончено. На помету которую Вы хотите сделать во 2 томе мемуар я вполне согласен. Не думаете ли Вы часть Ваших пойманных вещей нам прислать или по крайней мере в течении зимы не нарисуете ли Вы самые лучшие виды и не дадите нам удовольствия этим полюбоваться, а то нетерпение сильно разбирает. 4 октября я думаю уехать на месяц на Кавказ. Затем желаю вам доброго здоровья и исполнения всех желаний во всех отношениях.

Глубокоуважающий Вас

Николай Михайлович

АРГО, ф. 32, оп. 2, № 87

Ош

Ферганская область

Его Высокоблагородию Грум-Гржимайло

24 ноября 1884

Петербург

Многоуважаемый
Григорий Ефимович!

Я получил Ваше последнее письмо накануне выезда моего из Тифлиса, где я был задержан ушибом ноги и пролежал целый месяц. Теперь на другой день своего возвращения сюда, спешу Вам ответить.

На напечатание Вашего открытого письма в моих мемуарах я никак не могу согласиться, т.к. мое издание вовсе не имеет и не должно иметь в себе полемического характера. Сами Вы согласитесь, что прозывая немцев хищниками вы этим не доставите удовольствия всем их соотечественникам, а кроме того в деле науки всякое и ничтожное ругание по моему только вредит делу и неуместно. Что же касается отдельных Ваших сообщений, то я их помещу с удовольствием, хотя едва ли они успеют для второго тома.

Но если возможность будет еще вставить Вашу статью, то я сделаю это непременно. Касательно новых видов, попавших к Штаудингеру, Вы не беспокойтесь, т.к. мы наверное их ... это дело устроилось и едва ли Штаудингер, описавший на своем веку уже столько новых видов, будет отрицать оные у Вас. Вообще мне кажется, судя по Вашим письмам, что Вы очень легко раздражаетесь и беспокоитесь слишком много о вещах, которые собственно говоря, легко поправимы и даже не стоят того, чтобы Вы их так принимали к сердцу. Простите меня за мою откровенность, но Вы сами просили меня Вам так писать и хотя я мало красноречив, но насколько мог, выразил Вам мое мнение об этих предметах.

Затем желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего на предстоящую скучную зиму в Оше.

Глубокоуважающий Вас

Николай Михайлович

АРГО, ф. 32, оп. 2, № 87

ТЕЛЕГРАММЫ

Принята съ аппарата
№ 16 1880 Со станция *Сирдж*
24-го го 1880
Принятъ *Сирдж*

ТЕЛЕГРАФЪ въ *Омь*
изъ *Красног*
Телеграмма № *111*

Разрѣтъ. Счетъ словъ. Подана. Службеныя отъѣзды.

*Очень рада по результатамъ и въ
развѣтъ анкетъ и съметливо въбранихъ
Самъ паша въ свѣдѣнъ. До перваго
Октябрь на Кавказъ*

Николь

Принята съ аппарата
№ 23 1880 Со станция *Сирдж*
24-го го 1880
Принятъ *Сирдж*

ТЕЛЕГРАФЪ въ *Омь*
изъ *Ташкентъ*
Телеграмма № *144/2*

Разрѣтъ. Счетъ словъ. Подана. Службеныя отъѣзды.

*Два письма писаны 23-го
Кавказъ*

Николь

АРГО, ф. 32, оп. 2, № 87

ПИСЬМО А.ИВАНОВА СЕКРЕТАРЮ ИРГО А.В.ГРИГОРЬЕВУ

Милостивый государь
Александр Васильевич

Мой маршрут в качестве геолога Шугнанской экспедиции Императорского Русского Географического Общества в 1897 году был следующий: снарядившись в конце мая в Самарканд я отправился на юг в Бухарские владения по дороге через перевал Таш-Карачай на города Китаб, Шаршоул и Яккобач, откуда рассчитывал прямой дорогой через перевалы Чокмон-Куйда и Чок-Чар по долине реки Сангардаш на Гиссар и Дарваз, но благодаря снеговому завалам на перевале пришлось несколько изменить свой маршрут и окружным путем, держась западного направления через перевал Чокмон-Куйдо и Кизил-Газа выйти к Дербенту по одному из соседних с «железными воротами» ущелий. Из Дербента мой путь был почти прямо на восток через бухарские города Бойсун, Деноу, Юрчи и Сирджуй. Сделав маленькую боковую экскурсию на север из Сирджуя, для встречи ботаника г.Липского, выехавшего несколько раньше меня из Самарканда я продолжал свой путь далее на города Каратаг, Гиссар, Дюшамбе, Кафиранган, Файзабад, Бояджун, Хоаги. Из Хоагинга поднялся снова на север, по дороге через кишлаки Сарыпуль, Таби-Дари до перевала Хаби-Рабат, перевалив через который по долине горной реки Оби-хиш-Дари достиг крепости Калай-Хумба; в кишлаке Тоби-Дори встретились с членами Шугнанской экспедиции проф. Коржинским и зоологом Кознаковым, которые после неудачной попытки перевалить со стороны Дарваза к Рошану, возвращались через Ферганскую область на Памир. Из крепости Калай-Хумба я по горной дороге, идущей вдоль правого берега реки Пяндж отправился вверх по течению до крепости Калай-Рахар (Ванг), лежащей в нижнем течении реки Вандж. Оставив в крепости Ванг почти все имущество экспедиции, лошадей собрание коллекций мне после двукратной попытки наконец удалось пешком перевалить через перевал Гушкол в долину реки Язгулема и перевалить далее через второй Дарвазский хребет в местности Абха-Лодуди достиг пределов Рошана, спустившись по нижнему течению Борташи до главного города Калай Вашара. Далее из Калай-Вашара продолжал свой путь идя по долине реки Пянджа до авганской крепости Б..., напротив которой расположен русский пост Хорог при устье реки Гунта. Отдохнув здесь среди русских людей далее продолжил свой путь вверх по реке Пянджу на юг, до его изгиба на восток, здесь по пути мною были исследованы рубиновые копи Куй-Лял, лежащие на правом берегу реки Пяндж около кишлака Систы. Пробраться южнее русско-авганской границы, в виду ее закрытия благодаря чумной эпидемии не удалось и пришлось от изгиба реки Пяндж повернуть назад, пройдя водоразделом между рекой Пянджом и его притоком Ших-Дарьей до русского поселения Хорог. Желая связать свои исследования западного Памира с работами горн. инж. Д.Л.Иванова, в восточном Памире, я от крепости Калай-Бор-Пяндж прошел всему течению р. Гунта до его левого притока Тогуз-булака, по которому достиг перевала Кой-Тезека, перевалив через который вышел к озеру

Сасыкуль, осмотрев берега последнего я по долине реки Аличура, перевала Кайза-Таш и реку Кара-су достиг Памирского поста. Здесь снова мне пришлось встретиться с членами нашей экспедиции Коржинским и Кознаковым, отправлявшимися в Шугнан. С Памирского поста по долине реки Акбайтан я вышел к озеру Каракулю, откуда по известной дороге через перевал Кизил-Арт в Заалайском хребте вышел в долину Алая; Далее через перевал Талдык спустился с Алайского хребта в Ферганскую область выйдя к русскому укреплению Гульча. Из Гульчи через Ош, Маргелан и Кокан вернулся обратно в Самарканд. Относительно результатов моего путешествия могу сообщить что на всем протяжении моего маршрута мною велись геологические исследования, позволившие собрать довольно значительный геологический материал и коллекции переданные в Горный Институт проф. И.В.Мушкетову, производились также барометрические и гипсометрические наблюдения, переданные для обработки председателю математического отделения А.А. Тимго. До окончательной обработки собранного материала преждевременно будет говорить что-либо о результатах путешествий. Могу только добавить, что мои маршруты текущего года связывают маршруты прежних геологов - исследователей Средней Азии Мушкетова, Иванова и других в особенности что касается Дарваза, Шугнана, и Западного Памира. Вот все в одних словах, что мог сообщить Вам. В скором времени надеюсь иметь честь сделать сообщение о своем путешествии в Императорском Русском Географическом Обществе.

Примите уверение в совершенном почтении,
преданный Вам

А.Иванов

P.S. Что касается маршрута горного инженера Михайлова, то судя по письму к И.В. Мушкетову его путь почти совпадает с моим, разница только в том что он обогнул на юге изгиб.

АРГО, р.65, оп. 1, №71

ПИСЬМО Г.Е.ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО К СЕКРЕТАРЮ ИРГО

21.10.1884 г. Ош.

Милостивый государь,

Согласно своему обещанию присылаю Вам с одним письмом и отчет о результатах и ходе моей экспедиции. На будущий год составил себе следующий маршрут: Самарканд, Джамы, Ургут, пер. Пардок, Судо...-Дарья, Чарача, пер. Ангарт, Каротаг, Гиссар, Кафирнаганом вниз Кабадиан, Куляб, Саму-бала, Файзабад, отсюда или сначала пер. Гурием и Кила Пянд на Кила Хумб или от пер. Гурим прямо на Кила-Хумб Чивиль-дара, Хуллас, р. Соро-Вах, пер.Пакамор р. Заравшан и Самарканд. Экспедиция по моему расчету - четыре месяца... - та же, что и эксп. нынешнего года. Если Совету Географического Общества интересен мой маршрут в каком бы то ни было смысле в его руках удовлетворить этот интерес. Предупреждаю однако, что геологич. изучен. пройденной местности не могу ни в каком отношении принять на себя: 1) Не желаю слишком разбрасываться, во 2-х чувствую вновь свою слабую к этому подготовку. Собирать же дорожной образчики горных пород, отчего бы не собрать? Во всяком случае необход. к тому инструм (...) имею. Маршрутная съемка разумеется интересна. Дело Совета общества списаться в таком случае с генералом Розенбахом - пусть даст мне топографа, с ним инструменты и разумеется некоторую сумму денег. Господину Мережковскому я писал о фотографе. Сомневаюсь однако, чтобы что нибудь из моей просьбы вышло. Розенбах по всем отзывам вовсе не Кауфман

И так, я к услугам Совета Географического Общества. Пусть напишут все, что ему желательно, чтобы я сделал дорогой. Откинут, что не посылал и не по средствам мне, сумею всегда, так что, предлагая мне программу работ, ему не за чем знать о моей компетенции по данному пункту.

Во всяком случае постараюсь воспользоваться своей настоящей экспедиции елико возможно и думаю, что она будет еще более результативной экспедиции нынешнего года, когда у меня не было необходимой опытности да и местности избранные мною, проходились уже не раз и изучены почти удовлетворительно.

Пишу 2 просьбы до Общества

- 1.Покорнейше прошу выслать мне Минаева «Верховья Аму-Дарьи» и
- 2.Покорнейше прошу оказать мне материальную поддержку в размере 500 рублей

Просьба моя имеет некоторое основание. Средства, которые я убиваю на эти 2 экспедиции - мои. До сих пор я ни от кого не видел да и не просил помощи. Я полагаю, что справлюсь как-нибудь и с тем, что имею, однако ошибся. Я вышел уже много из нормы и свести концы с концами без этой вспомогательной суммы мне будет почти невозможно. Разумеется, я совершенно почти неизвестен Совету, но ведь и сумма то просимая мною, не бог же весть какая большая. - Рискнуть ею, кажется можно....

Во всяком случае покорнейше прошу Вас Милостивый Государь, дать мне возможно скорейший ответ. Вы очень хорошо понимаете как трудно переживается неизвестность: дадут, не дадут...- К тому же до моего отъезда отсюда осталось 2 1/2 месяца. Уже в начале марта я выступаю на Джам. Если до января Совету нельзя будет доложить о моей просьбе касательно субсидий, то не будете ли любезны все-таки написать мне - есть ли надежда ее получить? Чем глубоко одолжите Вашего покорного слугу

Грум-Гржимайло

Мой адрес: Фергана. Ош. Григорию Ефимовичу Грум-Гржимайло.

P.S. Виноват еще: пусть или И.В.Мушкетов или Д.Л.Иванов наметят мне те пункты, где необходимее всего взять образчики горных пород.

АРГО, фонд 1, 1884, оп. 1, №8

ЗАМЕТКА ПОРУЧИКА БРЖЕВИЦКОГО О РЕКОГНОСЦИРОВКЕ НА ПАМИРЕ ОХОТНИЧЬЕЙ КОМАНДЫ 4-го ТУРКЕСТАНСКОГО ЛИНЕЙНОГО БАТАЛЬОНА

(20 июля по 4-е сентября 1890 г.)

г. Ош

Заалайский хребет и в особенности Памир с каждым годом привлекают все больше и больше внимание путешественников; особенно часто стали посещать эту мертвую страну за последние 3-4 года французы и англичане. Не проходило года, чтобы с наступлением весны не приехал кто-нибудь из путешественников на Алай. Живя, так сказать, на пути в эту страну — в городе Оше, я имел возможность видеться и говорить почти со всеми путешественниками и их рассказы о пройденных ими местах сильно заинтересовали меня и, породили во мне страстное желание самому увидеть эти малоизвестные, дикие страны, самому испытать все эти трудности, о которых так часто приходилось слышать, самому познакомиться с этим необъятным горным узлом, где по словам, одного путешественника «так высоко и холодно, где ничего кроме травы не растет, где нет ни дров, ни хлеба, где живут только кочевники, яки да архары с медведями» и куда, по-видимому, долго еще не в силах будет проникнуть европейская культура.

Желание это мне не удавалось привести в исполнение в силу служебных обстоятельств до прошлого года, когда я был назначен начальником охотничьей команды и когда явилась возможность совместить исполнение своего личного желания с исполнением своих чисто военных обязанностей. Таким образом, благодаря только счастливому стечению обстоятельств суждено было осуществиться моему заветному желанию: благодаря инициативе Командующего войсками Туркестанского военного Округа барона Вревского и просвещенному содействию временно командующего войсками Ферганской области генерал-майора Мединского и командира батальона полковника Витте, охотничья команда 4-го Туркестанского линейного бата-

льона была отправлена под моей командой для военной рекогносцировки на Памир.

Само собой разумеется, что это осуществление моего желания не могло быть полное, так как я должен был исполнить в точности возложенное на меня в качестве начальника охотничьей команды поручение, что отнимало у меня большую часть времени и не давало мне возможности всецело предаться разностороннему ознакомлению с этой страной.

Таким образом, настоящая моя заметка не есть подробное и всестороннее описание свободного путешественника, а скорее отчет о военной рекогносцировке, где я между обучением солдат, между составлением съемки на всем пути следования (731 верста) между ведением официального дневника, успевал еще сделать некоторые наблюдения, успел ознакомиться отчасти с особенностями алайской фауны и флоры и выдающимися характерными чертами края.

Главная цель рекогносцировки разрешенной мне заключалась в том, чтобы познакомиться людей охотничьей команды с горной местностью, с границами прилегающих к нам владений. Каратегина, Шугнана, Кашгара и Дарваза, приучить нас к трудностям передвижений по гористой местности, познакомиться с архарьей охотой и составить маршрутную съемку на всем протяжении пройденного пути.

Само собою, разумеется, что для достижения этих целей никаких особенных средств не имелось. Мы должны были довольствоваться тем, чем довольствуется вообще солдат в походах, а в назидание должны были вспоминать почаще слова инструкции для охотничьих команд: «Охотник должен переносить голод, холод и все нужды солдатские». Запасшись этой благодетельной инструкцией и взяв запас

сухарей, крупы, муки и овощей по казенной раскладке на 30 дней купив 8 бутылок спирту, запасшись теплой одеждой, кошмами, палашей и двух верблюдов, мы были готовы выступить в поход в совершенно незнакомую горную местность, имея вместо проводника, которого мы не имели средств нанять, карту Ферганской области в 10-ти верстном масштабе, которая к тому же не могла нам служить в течение всей дороги.

У меня, кроме того, была еще своя собственная выючная лошадь, главную часть багажа которой составляли необходимые принадлежности для препарирования чучел, сушения растений и охоты; как-то: — пакля для набивки чучел, квасцы, пропускная бумага, две пары досок для пресования, ящик с рисовальными принадлежностями, дробь, книги и т.п.

Мяса мы не брали с собой, надеясь покупать его или добывать охотой; охота должна была служить и действительно отчасти служила источником нашего пропитания в местностях, где не было кочевников или там где киргизы, пользуясь, случаем, назначали немилосердные цены за баранов. Все эти подробности я привожу здесь исключительно для того, чтобы выяснить материальную сторону этого предприятия и показать, как много нужно было терпения, выносливости и неутомимости со стороны моих охотников, чтобы исполнить в точности предписанную мне рекогносцировку.

Весь путь был, пройден нами в 36 переходов с 3-мя дневками не считая 10-ти дней, проведенных мною на архарьей охоте, в которой я принимал участие, благодаря любезному приглашению Его Сиятельства князя Г. и во время которой нижние чины отдыхали на реке Кизыл-Агын.

Тотчас же по получении разрешения на эту рекогносцировку я составил приблизительный маршрут: двинуться из г. Оша вверх по бассейну реки Ак-Буры, перейти Алайский хребет через перевал Каук, пересечь затем долину Алая, через перевалы Терс-Агар и Каинды, перейти Заалайский хребет, выйти на озеро Кара-Куль через перевал Тахта-гурум и, обследовав его окрестности вернуться в город Ош через перевалы Кизыл-Арт, Талдык, Шел-Бели и Така.

Местность эта настолько уже исследована, что сказать о ней что-либо новое я, конечно, не считаю возможным, но постараюсь только показать, что путь этот, совершенный пешком в 36 дней десятью охотниками при самых ничтожных материальных средствах, а главное, без проводника, не представляет никаких непреодолимых препятствий и что местность эта уже настолько исследована, что по ней можно пройти с помощью одной лишь карты; если же иметь еще в руках труды наших ученых, посетивших эту страну, то легко можно избежать почти всяких лишений и неудобств.

Наконец наступил давно желанный день отправки и, кончив свои несложные сборы, я с десятью охотниками выступил в путь. Слишком долго ждал я этого момента и, признаться, сердце запрыгало у меня от радости, когда я полной грудью вдохнул в себя горный воздух, веявший навстречу нам из Ак-Буринского ущелья. Люди тоже были веселы и бодры и мало по-видимому заботились о будущих невзгодах и лишениях. Они тоже любили простор и свободу охотничьей жизни, на них тоже производила впечатление дикая, но величественная и полная своеобразной прелести природа. Правда, не обошлось и без некоторых неудач и неурядиц, вообще неизбежность при всякого рода начинаниях, но расстроить нашу радость это не могло, а для солдат так даже служило по обыкновению неистощимой темой для шуток и острот. Больше всего тормозило наше движение — это выюки. Выючные лошади только что были куплены и совсем еще не привыкли ходить под выюками. Приходилось несколько раз останавливаться и перевьючивать. В особенности одна лошадь причиняла нам много хлопот и, если бы не догадливость солдата, то пришлось бы с нею повозиться долго. Эта лошадь, навьюченная шубами, кошмами и т.п. мягкими предметами, оказалась страшно щекотливой и под выюком брыкалась, сбрасывая с себя вещи. Наконец один солдат догадался и предложил перевьючить с верблюда на эту лошадь мешки с мукою, которые представляют при одинаковой тяжести гораздо меньший объем. Почувствовав на своей спине солидную тяжесть в компактной массе, лошадь смирилась и пошла ровнее. Но все — таки, благода-

ря этому инциденту, мы потеряли очень много времени и, пройдя всего 15 верст, принуждены были сделать большой привал. Пользуясь этим временем, я срисовал Ак-Буринское ущелье, а солдатики занялись приготовлением непризнанного и незаменимого для нас в Туркестане чая. Привал был довольно продолжительный и, благодаря этому, только в 10 часов ночи мы поднялись на перевал Кулун-Арт, что в переводе на русский язык значит «жеребенка навьючить». Название это объясняется тем, что на южном склоне этого перевала киргизы, прогоняя стада и табуны, очень часто теряли молоденьких жеребят, которые сваливались с обрывов; чтобы в этом месте жеребят связывать и навьючивать на верблюдов.

Едва, едва только к 12-ти часам ночи спустились мы по сухому руслу реки Кулун-Арт на реку Ак-Буру, где и остановились на ночлег, имея под рукою хороший подножий корм и дрова — и то и другое обстоятельства первостепенной важности.

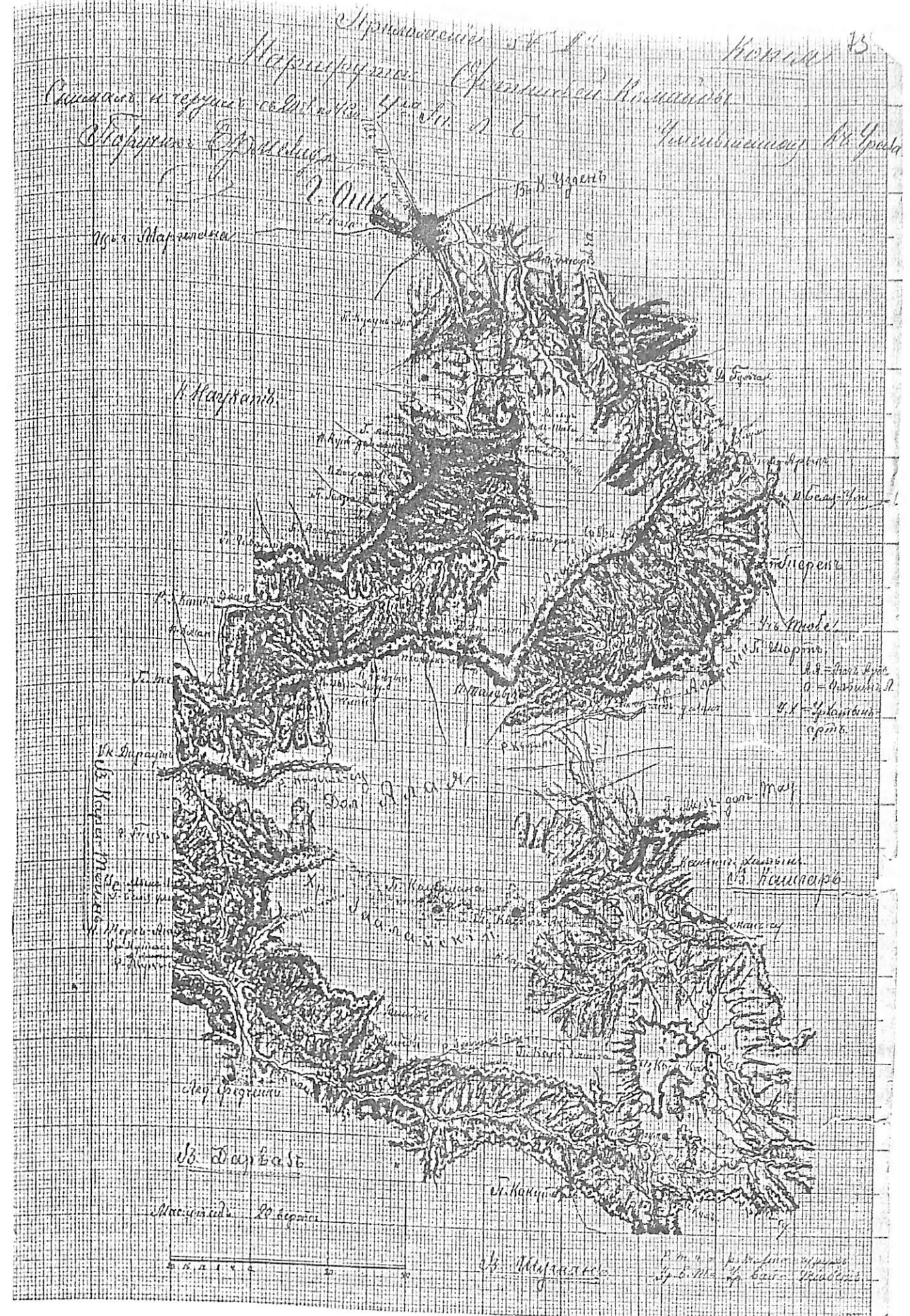
Кто не испытал этого на себе, тот не поймет, конечно, какую радость испытываешь, когда после целого дня утомительного пути, после более чем полусуточного напряжения нервов, иметь наконец возможность посидеть у огня и уснуть богатырским сном, укрывшись сартовской шубой. Правду говорит пословица что «не изведав горького, не узнаешь сладкого» никогда дома не спится так крепко и сладко, как здесь в горах, не смотря на то, что и постель не слишком мягкая, и под голову нечего положить и от холода, проникающего через малейшую щелку, трудно укрыться.

Так дорог этот отдых, что солдатики не захотели отложить его еще на час, чтобы сварить себе ужин, а наевшись наскоро чаю с хлебом, улеглись поскорее спать.

На третий день пути, не представляющего пока еще ни особого интереса, ни особых затруднений, мы дошли до урочища Чал-Кильдак. Дорога сначала тянется по широкой долине с хорошим подножным кормом, а затем, хотя и по узкому ущелью реки Ак-Буры, но дорога везде довольно хорошо разработана и везде где это нужно, перекинуты мостики по кавказскому способу. Местами только выюки лошадей и в особенности верблюдов задевают за камни.

Не доезжая версты 4 до слияния рек Джиптык и Кичик-Алай, переехавши мост, приходится подниматься по искусственной дороге. Представьте себе узкое ущелье с почти отвесными скалами справа и слева, по дну которого течет река, занимая почти всю ширину ущелья. Где-бы, кажется, здесь пройти дороге? А между тем ездить нужно; для этого киргизы и сарты прилепляют, так сказать, дорогу к отвесной скале сбоку, устраивая насыпь местами на незначительных уступах скалы, а где уступ прекращается, делая его искусственно чуть бревен и камней, но настолько прочно, что подобная искусственная насыпь составляет как-бы, одно целое со скалой и обещает стоять невредимо в течении многих лет. Пусть не подумает читатель, что дорога построенная таким образом имеет что либо общее с теми дорогами, к которым мы привыкли в городах — нет: в экипажах здесь не проедешь, но достаточно и того, если навьюченная лошадь может кое как двигаться не задевая за скалы и не подвергается на каждом шагу серьезной опасности сломать себе ноги или сорваться в реку; и за это приходится благодарить судьбу. Таким образом слова мои «дорога хороша, хорошо разработана» и т.п. надо понимать в особенном, так сказать, специальном, а не в общепринятом значении.

Местность здесь вообще крайне живописная: вершины и скаты гор покрыты почти сплошь арчой, что очень красиво; берега реки Ак-Буры, начиная с самого узкого ее места, сплошь заросли лиственной породой — по преимуществу кленом, березой, боярышником и облепихой; изредка попадаете горный тополь. Чтобы дать некоторое понятие о только что пройденной нами местности я сделал наброски гор: Улькан-тау, Кок-тюбе и Алтын-Казык. Вообще я старался на всем моем пути делать время от времени наброски масляными красками наиболее выдающиеся местностей, но времени для этого у меня было слишком мало и потому число этих набросков не велико. Время мое вообще распределялось следующим образом: утром встать в 5 часов пить чай и собираться в дорогу, чтобы часам к 8-ми выступить в путь. Лошадь свою приходилось седлать и навьючивать самому, потому что солдатам в это время тоже не мало работы; затем трогаемся в путь: я верхом еду впереди и делаю съем-

ку, заставляя время от времени солдат считать шаги; в то же время я должен был не выпускать почти из рук карту, которая одна только служила нам указателем дороги.

Помимо этого я собирал растения и отчасти минералы, которых у меня составила маленькая коллекция и набивал чучела птиц, попадавшихся нам по дороге, для чего приходилось останавливаться и устраивать охоту.

Приехав к 2 1/2 часам, а иногда и к вечеру на ночлег и устроившись на нем, мне едва, едва хватало времени, чтобы вычертить съемку, набить чучела убитых птиц, высушить собранные растения и сделать заметки о пройденном пути.

Этим же временем до захода солнца приходилось пользоваться и для рисования. Понятно поэтому, что я не мог сделать много набросков.

Время от времени попадались нам еще туземцы, хотя очень редко и по преимуществу около посевов ячменя и проса.

Нужно заметить, что туземцы заняли своими посевами все, что только можно было занять: ни одна кажется горная площадка, ни одно расширение в долине не пропало даром; всем воспользовался здешний житель, все приспособил к жизни и при помощи невероятного труда добывает себе необходимое пропитание; на их тощие, жалкие нивы, где между щебнем торчат кое-где длинные стебли злаков, чтобы понять, как трудно достается туземцу насущный хлеб. Часто обработанная площадка находится на страшно крутых и высоких склонах, куда с трудом можно взобраться, а взобравшись едва удержаться на ногах, между тем как киргиз ухитряется их обрабатывать, вспахивать и собирать хлеб.

Эти три перехода дались очень легко; люди шли бодро и по-видимому не чувствовали усталости, несмотря на то, что все эти дни были без горячей пищи, так как достать баранов не представлялось случая. Температура стояла довольно высокая и погода нам благоприятствовала.

Большинство киргиз Ошского уезда во время кочевки двигается отсюда т.е. из урочища Чал-Килдака не на Кичик-алай а на перевал Джиптык, объясняя это движение неудобством Кичик-алайской дороги. В то

же время киргизы окрестностей Науката очень часто спускаются на долину Кичик-алай, но не заходя в урочище Чаль-кильдак, а через перевал Агарт.

Мы вышли из урочища Чаль-Кильдак 24-го июля около 9-ти часов утра вверх по реке Кичик-алай, Почему эта река получила название «Кичик-алай» объяснить трудно: она составляет начало реки Ак-Буры и ни характером берегов, ни цветом воды, ни количеством ее, ни руслом своим совершенно не отличается от последней.

Дорога почти с самого начала идет узкой тропинкой около крутого правого берега реки, почти у самой воды, местами же по воде. Вьюки очень часто задевают за обрывистый берег; в таких местах сплошь и рядом приходится останавливаться, чтобы провести вьючных животных, а иногда даже чтобы развьючить их. Во время одной из таких остановок, когда задержка произошла вследствие того, что верблюды не мог пройти по тропинке и когда после неоднократных попыток протиснуть его я отдал приказание развьючить его и перенести вещи на руках, вдруг недалеко от меня падает маленький камушек; я не обратил внимания, когда через несколько секунд падает другой совсем уже близко. Первая моя мысль была, что, вероятно кто-нибудь из моих охотников бросает и я крикнул им, чтобы они были осторожнее, но в то же время я увидел, что все охотники здесь у меня перед глазами и что бросаться никто не мог, а между тем камушки стали падать все чаще и чаще, беспокоя уже не меня одного. Быстро отъехав от берега, чтобы увидеть его вершину, я заметил саженьях в 20-ти выше того места, где стояли мы, громадный столб пыли, а за ним перегоняя друг друга и прыгая, как горох летит целая масса камней всевозможной величины. Быстро сообразив какой опасности подвергаются люди и лошади, стоящие непосредственно под этим каменным дождем, я соскочил с лошади и закричал охотникам, чтобы они бежали с верблюдами, сам схватил под уздцы трех лошадей и увел их в сторону. Действительно опасность была большая и если бы не привычка солдат к беспрекословному исполнению приказаний, в силу которой, по первому моему энергичному окрику, опасное место было немедленно очищено ничего еще не понимавшими охотниками, то дело вероятно, не

обошлось-бы так благополучно. Теперь же все ограничилось только легкими ушибами двух из охотников, после чего все мы отошли в безопасное место и любовались в течении 25 минут, как целая масса камней, поднимая давая нас брызгами. Картина получалась довольно красивая и будь это 10-тью минутами позже, мы налюбовавшись ею, двинулись бы беспрепятственно дальше, но теперь, когда мы еще не успели пройти со всеми вьюками через место обвала, дело представлялось в гораздо менее привлекательном свете: дорога была теперь совершенно завалена целой грудой камней и нам пришлось работать в течении более 1-2 часов, чтобы снова расчистить себе путь.

Едва прошли мы 1/2 версты, как снова были остановлены; дорога в этом месте идет по самому руслу реки у крутого берега; в одном месте глыба сланца, лежащая у самого берега заставила делать маленький обход, причем приходилось идти ближе к середине реки и стало быть, преодолевать громадную силу течения. Лошади без большого затруднения сделали этот обход, но верблюды уперлись и не шли, чувствуя себя не в силах справиться с течением. Единственное средство провести верблюдов, было уменьшить силу течения в этом месте, Тот кто видел горные речки, знает, как трудно справиться с их течением; тот знает наверное, сколько труда и усилий нужно бывает употребить, чтобы побороть эту бурную стихию и подчинить своей воле. Громадные камни уносятся течением, как песчинки, а между тем нам оставалось только одно средство, чтобы провести верблюдов — это вступить в временную борьбу со стихией. Я нисколько не задумался перед этим решением, зная хорошо, что с нашим солдатом можно сделать очень многое. Будь у меня под командой 100 человек, сартов, я, может быть не решился бы на это, но со своими 10-ю охотниками я решился и сделал то, что было нужно; а нужно было сделать в небольшое время в один так сказать, миг маленькую плотину, которая задержала бы на минутку массу воды, устремленной сюда и позволила бы, пользуясь этой минуткой, провести несчастных верблюдов. Чтобы устроить такую плотину, нужно было собрать массу камней и затем одновременно двинуть эту массу в воду, так как при постепенной постройке каждый от-

дельно положенный камень был бы немедленно унесен течением. Эту задачу предстояло теперь выполнить моим охотникам и, нужно отдать им справедливость, они выполнили ее вполне по молодецки. Нужно было видеть, как эти 10 молодцов, из которых еще два были ранены, энергично принялись за работу: одни взобрались на скалу и оттуда скатывали громадные камни, другие работали на берегу, собирая к одному месту материал, третьи, по колени в воде, мокрые, едва справлялись с течением, устанавливали громадные, основные камни в русле реки, четвертые держали верблюдов наготове, чтобы немедленно провести их через трудные места. Работа кипела и через какие-нибудь 5-10 минут все было готово; затем одно последнее, дружное усилие и камни целой массой быстро были двинуты в реку, образовав преграду течению. Любо было посмотреть, как энергично и весело работали охотники, значительно уже утомленные предыдущей дорогой и работой, Пользуясь минутной остановкой течения, верблюды были переведены и мы смогли продолжать путь, хотя ровно через две минуты не оставалось уже и следов от нашей работы: все было снесено течением. Вся последующая дорога была очень тяжела и на протяжении 8-ми верст шла, то поднимаясь, то спускаясь вдоль подошвы крутых скал.

Картина в высшей степени дикая: неровные хребты завершают холмы и возвышаются острыми зубцами к поднебесью, а редкий лесочек арчи, перемешанный с кустарником иволги, на отлогих скатах, едва прикрывает голые камни. Дорога во многих местах была завалена обломками конгломерата, сланца и гранита, свалившимися с откосов, и часто нам приходилось делать остановки и отваливать их, Таким образом, пройдя устье реки Юш-Муйнак, мы принуждены были остановиться в силу крайнего утомления людей и верблюдов на небольшой лужайке с хорошей травой. В этот день мы сделали только 1/2 версты. Площадка занятая нами была не велика, но ее еще уменьшали громадные глыбы змеевика и конгломерата, Преобладающей травой была *Medicago sativa*, по туземному «джинушка», чего я больше за всю дорогу не встречал. Лошади и верблюды были вполне вознаграждены таким обильным и хорошим кормом за сегодняшнюю дорогу, которая повлияла сильно и на солдат; поми-

мо сильной усталости, о которой не буду даже и упоминать, двое из охотников, из числа работников особенно энергично в воде, заболели лихорадкой - к счастью не надолго, так что, на следующий день, т.е. 25-го июля в 8 часов утра мы двинулись дальше.

Такой же дорогой, как и в последний день мы прошли еще 2 версты и выбрались, наконец, к устью реки Кизыл-курган, на долину Кичик-алай, где и остановились на маленький привал у светлого ручья, на цветущем лугу, вдоль берега реки Кизыл-курган, получившей свое название от зимовки, находящейся в устье этой реки, сделанной из ярко красной глины, постройка эта невольно обращает на себя внимание своим цветом; подобную зимовку я встречал еще только у южного склона перевала Каук.

Приятно было отдохнуть на такой траве после камней, а тем более, что здесь эта вообще узкая долина расходится по разным направлениям и образует амфитеатр их холмов; волнообразная поверхность покрыта роскошного цветущего травой, а окружающая местность представляет лучшее зрелище, какое только мы видели до сих пор: горы, луга с мрачными ущельями пересекаются стремительными потоками, которые перебрасывают свои пенящиеся волны через красивые глыбы камней, разбросанных в самых живописном беспорядке, влево в синеве виднелись белые, конические вершины перевала Сарык-могол.

Подъем по долине Кичик-Алай почти незаметен, хотя верховье этой долины у перевала Зор-бель превышает ее устье на 3000 футов. Главная река получила свое название от долины и принимает в себя на протяжении 32-х верст с правой стороны 9, а с левой 7 довольно больших притоков. Каждый из этих притоков в общем имеет тот же характер, как и сама река, только в гораздо меньшем виде. С долины Кичик-Алай эти притоки ведут на 6 перевалов: Сарык-могол, Кендык, Кичик-бель, Зор-бель с перевалом Кичик-алай, Агарт и Загра именами которых называются и притоки.

Перевал Сарык-могол и Кендык ведут на большую долину Алая; высота этих перевалов над уровнем моря 14000 футов т.е. одинакова, а между тем киргизы почти исключительно передвигаются через перевал Сарык-могол, хотя этот последний гораздо кру-

че и труднее, чем перевал Кендык, Объясняется это тем, что перевал Кендык открывается от снега на очень короткий срок и то приблизительно к началу августа, когда уже главное движение кочевников прекращается.

Погода на долине в течение двух дней нашего пребывания на ней была очень хорошая: температура не опускалась ниже +5 градусов даже ночью. Зима здесь по-видимому не бывает суровая, так как многие из киргизов основали на этой долине свои незатейливые постройки. Последний мост на реке Кичик-Алай служит как-бы границей арчи и последняя представительница этой породы приютилась сиротливо у самого моста. Неприятно было расставаться нам с лесистыми местами; большое удобства нашего пути до сих пор составляло обилие топлива; начиная же с этого места, в течении двух дней, до перевала Каук, нам приходилось собирать и жечь кизяк, обилие которого свидетельствует о массе прогоняемого рогатого скота.

Попасть на перевал Каук можно через 2 перевала: первый из них в это время был еще закрыт снегом и потому мы направились на последний. Подъем на этот перевал не представляет никаких затруднений, так как он не высок (немного ниже линии вечного снега).

Дорога идет по широкому скату отрога, по мягкому грунту и местами только по камням известняка.

Спустившись с перевала Зор-бель, мы так же незаметно поднялись на перевал Кичик-алай по широкой глинистой дороге, и так же незаметно спустились по сухому руслу реки на долину Гизарта.

Перевал Кичик-алай настолько полог, что представляет собою, как бы, дно долины Гизарта; весь склон травянист; кое-где только встречались утесистые обнажения известняка, сосредоточенные более у самого гребня отрога, через который, вдоль всего течения Гизарта, есть несколько перевалов. День был ясный и с перевала открывался величественный вид в особенности же на Алайский хребет; отсюда его видно по крайней мере верст на 50, - можно сосчитать все его ущелья и заметить общее его поднятие к С.В.В. Река Гизарт прорыла себе глубокое русло по правому берегу долины и с шумом спускается каскадами в реку Кичик-алай, образуя в устье своем непроходимый кипчагай, а пото-

му дорога обходит немного вправо через перевал Гяур. Спуск с последнего идет по узкой, винтообразной и довольно крутой тропинке. Все склоны гор и сама дорога укрыты множеством сурковых нор (*Arctomys baibacina* Brqt). Я встречал их и раньше но не в таком количестве. Для солдат они составляли большое развлечение. Сурок очень труслив; заметным свистом быстро сокращается в нору. Я замечал, что напуганный таким образом он уже до следующего дня не показывается на свет. Обыкновенно они выходят из своих нор с рассветом, но, прежде чем выйти всей многочисленной семьей, показываются старики, внимательно исследуют - нет ли какой-нибудь опасности, затем высовывают осторожно голову, высматривают прислушиваются и только тогда решаются выйти наружу, садятся на задние лапки и зорко осматриваются кругом; за стариками также нерешительно начинает выходить и молодежь. Посидевши около норы они постепенно отходят от нее, пощипывая короткую травку и сеeminутно озираясь во все стороны и внимательно осматривая местность. В силу этой трусости они ходят всегда по одной и той же дорожке. Подобный характер сурка обуславливает трудность охоты на него и поэтому, для того чтобы добыть нам хоть один экземпляр, я устроил целое состязание между охотниками, что доставило им в тоже время большие развлечения.

Переночевав на левом берегу реки западной Кичик-алай у подножья горы Гяур, 28 июля в 7 часов утра мы направились вниз по реке Кичик-алай. Перейдя несколько раз реку вброд без всяких затруднений к 11 часам мы подошли к устью реки Туз, откуда дорога поворачивает на перевал Каук и Туз-ашу (соляной перевал). Перевал хоть получил свое название от больших залежей каменной соли, которая, хотя и плохого достоинства, но кочевники довольно часто приезжают сюда за ней. Они вывозят ее с перевала в небольшом количестве для личного употребления. Соль эта серовато-бурого цвета, местами с зеленоватым отливом, горьковата на вкус и в пищу употребляется только после двукратного вываривания. Главным же образом она служит в натуральном виде для корма верблюдов, я сам убедился, как любят эти животные соль и даже взял небольшое количество ее, чтобы

изредка хотя угощать своих. Само собою разумеется, что этой солью пользуются только в силу крайней необходимости и правильной разработки ее нет; всякий берет сколько ему нужно и где нужно.

Поднявшись несколько сажений вверх по реке Каук, мы вынуждены были остановиться на камнях у отвесной скалы, несмотря на то, что здесь не было никакого подножного корма. Причиной остановки послужило то, что вода здесь по-видимому прекращалась, как будто-бы вытекая в этом месте из под камней; дальше же русло было совершенно сухо. Впоследствии я узнал, что речка эта имеет по всему своему течению прерывчатый характер и что вода в ней, скрывшись на некоторое время под землю, снова показывалась, чтобы затем снова скрыться. В одном из таких мест, где вода как-бы вытекала из под земли, я видя пред собою сухое, каменистое русло и не зная как скоро покажется снова вода, решил остановиться на ночлег. Остановка под этими дикими скалами сланца и мрамора не представляла никаких удобств; все мы расположились враз и каждый выбрал себе такую щель между камнями, чтобы можно было лечь, хотя боком; но это неудобство зато имело свою выгодную сторону, так как камни защищали нас от пронизывающего ветра, который сильно подул часов с 4-х вечера. Лошадей и верблюдов мы не привязали, так как им не было места, где бы они могли лечь, а потому мы предоставили им право размещаться где будет угодно. Поевши ячменя, небольшое количество которого мы запасли еще в городе Оше, побрели несчастные животные между камнями, отыскивая себе кое-где тощие былинки, и забрались по осыпям далеко вверх; не знаю как они провели там ночь, только часто слышно было, как гремели и сыпались камни. Ущелье реки Каук в этом месте узко: - ширина его достигает не более 15-20 сажень, высота же более 70-ти. На дне ущелья вьется узкая тропинка пробиваясь между больших камней мрамора и сланца, часто забирается на камни и подходит к самому отвесу скал; на неприветливых скалах кое-где сумела пристроиться арча (*Pinus schrenkiana*).

К вечеру ветер утих и сделалась ясная погода; сверху слышались протяжные, нежные ноты горного уларя (*Medaloperdix nedellu*). Звуки эти, как нельзя более гармонизировавшие с окружающей обстановкой,

привлекли наше внимание и я с одним из моих завязанных охотников, отправился поохотиться. Только что начали подниматься, как заметили одного из певцов на высоте скал, гораздо выше обрыва. Пока поднимались мы к нашей добыче начало темнеть; число певцов значительно увеличилось и звуки полились со всех сторон. В полтора шага мы заметили большую семью красивых птиц, состоящую из двух взрослых и шести подростков. Подростки резко отличались от взрослых своим ростом и отсутствием этих темных пятен, которые так украшают уларов.

Заметив наше приближение, вся семья быстро поднялась еще выше в гору и скрылась из виду; мы настойчиво следовали за ними, пока наконец мне не удалось убить одного из них. После этого мы забрались на самую вершину и нашли там еще несколько подобных табунов, которые при нашем приближении, перелетали на противоположную сторону ущелья; во время перелетов моему спутнику удалось убить еще одного и мы отправились на ночлег.

Улар ужасно похож на горную куропатку (*Perdix jaxatilis*, var. *chucar*, *drau*), но гораздо более ее. Два экземпляра, добытые нами, весили я думаю, не менее 12-ти фунтов. Внешний вид уларов голубовато-серый с темными полосами, которые увеличиваются на спине и крыльях; или беловатые с темным коричневым ободком, а голова и зоб украшены чешуеобразным узором из темных и белых полос. Полет его очень тяжел, шумен и короток и напоминает полет «каглика», как называют туземцы горную куропатку; поднявшись, она распускает свои короткие крылья и спускается вниз ни разу не взмахнув крылом; таким образом — он летает только сверху вниз снизу же вверх должен подниматься на ногах. Мясо его очень нежно и вкусно, хотя и имеет легкий запах лука.

На следующий день т.е. 29-го июля мы двинулись дальше, по дороге на перевал Каук, как говорится «не солоно хлебавши». Действительно, ночлег подобный только что нами оставленному, нельзя считать отдыхом ни для людей, ни для животных. Плохо спалось людям на каменной постели, лошади же и верблюды были голодны и отчасти даже потеряли себе ноги проведя ночь на щебне; моя собственная верховая лошадь совершенно

подбила копыта и отказалась на другой день везти меня: весь этот переход я шел пешком, что впрочем было не редкостью для меня.

Каково же было наше удивление и огорчение, когда, пройдя не более 1/2 версты, мы вышли на довольно большую поляну с роскошной зеленой травой и заметили, что в реке, до сих пор сухой, снова появилась вода; пришлось еще раз пожалеть об отсутствии знающего проводника из туземцев. На этой площадке мы заметили, между прочим, большой табун уларов. Одному из моих охотников удачным выстрелом из карабина посчастливилось убить одного; когда мы подошли к убитому, то увидели большую площадку дикого лука, которым видимо, лакомились улары. Из этого можно заключить, что улар любит это растение, чем и объясняется легкий запах его мяса.

Солдаты с удовольствием стали есть лук и даже сделали большой запас его на будущее время. Этот склон горы вообще в изобилии покрыт луком, а особенно много его под самым перевалом Каук при соединении двух верхних ручьев; где площадь, покрытая им достигает до 1/2 версты; между этим луком (*Allium vireophyllum*) часто попадает горный чеснок (*Allium lativrem*). По дороге мы часто встречали небольшие стаи очень красивых сизых голубей с белой полосой поперек хвоста — по видимому *Columba rupestris*.

Не доходя версты три до последнего подъема на перевал Каук, к нам присоединились охотники, отпущенные мною на охоту еще с перевала, и принесли с собой 7 штук уларов; конечно при таком изобилии их в этих местах они могли бы настрелять и больше, если бы улар не был так тяжел.

Подъем на перевал Каук, что значит в переводе «нора», не представил для нас никаких затруднений, хотя и приходилось изредка останавливаться, чтобы, как выражаются солдаты перевести дух. Лошади поднимались свободно верблюды же по обыкновению отставали. Высота перевала, я думаю не более 13000 футов над уровнем моря. Главный массив его составляет мрамор, который с северной стороны, покрыт землей, а с южной совершенно оголен.

Спуск с перевала идет маленькой, довольно пологой тропинкой, покрытой щебнем мрамора. Щебень этот настолько затруднял движение верблюдов, что они, наконец совершенно

отказались идти под вьюками и мы принуждены были их развьючить и оставить вещи на перевале, а верблюдов спустить по-рожняком. Благодаря этому обстоятельству, спустившись версты на 4 мы остановились на ночлег и не дав ни себе, ни лошадям отдыха снова отправились, хотя разумеется не все, на перевал за вещами, в числе которых были все необходимые для ночлега теплые вещи, продукты и все принадлежности нашей незатейливой кухни. Только к 7 часам вечера вещи были привезены. Само собой понятно, как трудно иногда приходилось моим охотникам, которые, зачастую, не имели возможности ни отдохнуть, ни поесть как следует и вдобавок еще должны были делать двойную работу. В ожидании ужина я сделал набросок пика Кауфмана и отправился собирать растения. Рассматривая одно из преобладающих здесь, а именно серебрянку, я невольно обратил свое внимание на блуждающие оригинальные камни. Камни эти представляют из себя довольно плотную массу бурого цвета с беловатыми жилами пятнами; наружность их покрыта продолговатыми, винтообразными, окаменелыми раковинами, толщина которых достигает до 1-го миллиметра а длина до 2-х сантиметров. С большим усилием разбив один из этих камней, я заметил внутри его небольшой бесцветный кристалл. Как не знаток подобных вещей, я не берусь дать ему название, между тем многие говорят, что это алмаз. Форма этого, мне неизвестного кристалла подходит к гексакистетраэдру. Грани его немного выпуклы; излом раковинистый; он хрупок и производит черту на всех минералах. Он прекрасен и заметна игра цветов. Не имея инструментов я не мог определить его удельный вес.

Хотя алмаз обыкновенно встречается в виде отдельных зерен в речном песке, из которого добывается промывкой, тем не менее бывают случаи его нахождения и в горных породах; так например за последнее время было открыто коренное месторождение алмазов в Бразилии, где они находятся вросшими в итаколумит. Конечно, сказать, что это итаколумит я не имею права, так как я его не знаю и, к сожалению даже не могу найти его описания. Образчики этого минерала отправлены мною в Ташкент для исследований, результаты которых, к сожалению, пока еще не известны.

Так как верблюды наши отказались двигаться дальше, то я вынужден был сделать дневку. Некоторые из моих охотников воспользовавшись случаем отправились с моего разрешения на охоту за уларами, которых они убили на этот раз только 4. На этой стороне перевала улар держится меньше, вероятно потому, что скалы очень пологи и мало арчи.

Перевал Каук ни в стратегическом, ни в торговом отношении значения не имеет, а служит только для летних перекочевок местных киргизов.

Заготовивши дров и баранов по невозможной цене, на другой день т.е. 31-го июля в 8 часов утра мы побрели дальше. Дорога была легкая: все время по пологому, мягкому ущелью реки Каук; верблюды пошли бодро и кричали менее, чем предыдущий переход; на долину Алая мы вышли в 11 часов и совсем уже бойко направились вниз по долине, которая здесь напоминает скорее пустыню. Растительность страшно бедна, зелени почти не видно и только на песчаных местах изредка попадаются небольшие заросли дырисуна, который кочевники очень часто собирают для приготовления особого рода ширм. Склоны гор здесь изредка покрыты посевами ячменя и даже пшеницы.

Река Кизым-су в этой части долины идет очень быстро и в высоких крутых берегах; ближе же к кургану Дараут она переходит в пологие берега покрытые большими зарослями облепихи, называемой по туземному сарканак. В зарослях этой облепихи я рассчитывал найти фазанов и зайцев, но предположения мои не сбылись. Кроме нескольких видов куликов, из которых особого внимания заслуживают: кулик Кауфмана. Из числа певчих, я ничего интересного не встретил.

Я много слышал о страхах о перевале Каинды, а потому решил, около укрепления Дараут-курган, сделать дневку, якобы дать отдых своим несчастным верблюдам и, чтобы сделать кое-какие запасы. Весь день мы провели на реке Кизым-су, отыскивая брод. Много удали показали мои молодцы, но старания их оказались напрасными: мелкого брода отыскать не могли. Река в этом месте идет несколькими рукавами, из которых 2 последние очень глубоки и быстры; глубина в самых мелких местах доходит до седла верблюда; быстрота же течения 420 футов в минуту около берега.

От укрепления Дараут Кургана дорога идет в три стороны: во первых в город Маргелан через перевал Тенгир-бай, расположенный в верховьях реки Дараута и Исфайрам-сая Абсолютная высота его 11800 футов; перевал этот открыт в течение целого года; дорога на него за последние 3 года, несколько раз исправлялась войсками и администрацией. Она имеет главным образом значение для военных целей, так как в 4 переходах наши войска из Маргелана могут быть на Алае. Вторая дорога идет вниз по реке Кизыл-су; на протяжении верст 20-ти она идет по долине, ширина которой, все больше и больше суживалась, доходит в устье реки Ката-карамух до одной версты; здесь же проходит и наша граница с Каратегином. От устья этой реки дорога, по рассказам туземцев, тянется на протяжении 30 верст, узкой, каменной тропинкой, лепясь высоко над рекой, а затем переходит в долину Каратегина.

Третья дорога т.е. та, по которой предстояло идти нам, идет почти на юг от укрепления через перевал Терс-агар...

Переправа через реку Кизыл-су задержала нас на 3 с лишком часа. Чтобы не подмочить вещей, пришлось перевезти их на верблюдах, которые, таким образом, переправив часть груза, должны были возвращаться порожняком за новым. Окончив в 3 приема эту трудную переправу, во время которой я сделал набросок ее, переправив лошадей вплавь и навьючив вещи, мы двинулись наконец далее по однообразной дороге долины реки Туз. Так как некоторые из моих людей промокли и прозябли, я решил сделать маленький переход и поэтому дошел только до зимовки Арам-кунь-гой. Вечерело уже, когда к нашей палатке подъехала группа киргиз, во главе которых был пожилых лет мужчина с седой, длинной бородой, но в высшей степени бодрый и молодцеватый. Окружающие оказывали ему заметное уважение и помогли ему сойти с красивой, серой лошади, на которой он ехал. Старик этот, согнувши спину и скрестивши у пояса руки, подошел к палатке и, приветствуя меня своеобразным сартовским поклоном и словами «сая-ма..», просил разрешения войти ко мне. Я попросил его сесть и, угостив чаем, вступил с ним в самый душевный и откровенный разговор. Оказалось, что это был знаменитый алайский разбойник Саиб-Назар; много по-

рассказал он мне про свои деяния и про наших путешественников, посетивших эти места. Он отлично помнит всех их и точно указывает время их посещения; когда я позволил себе упрекнуть его в скверных деяниях, то он на это ответил мне: «с юных лет начал заниматься этими делами; прежде у нас это считалось удачью, а не пороком; в молодости я был хороший джигит и всегда отличался от своих товарищей лихостью; теперь я привык баратовать и, несмотря на то, что меня все прощают и ненавидят, оставить свои набеги не могу. Я стар, но меня тянет посчитаться силами; я приучил и детей своих к этому; теперь они, а не я обижают людей; они тешат своими подвигами мою старость. Когда еще были войны, то я с своими сыновьями принимал горячее участие в них, теперь же мы удовлетворяем страсть свою на афганцах и каратегинцах своих трогаем редко, а русского никогда. Русскому мы всегда готовы помочь, чем только можем, но к сожалению, не все русские ценили мою любовь к ним». Он познакомил меня с одним из своих сыновей; это был мужчина лет 30, довольно высокого роста с правильными продолговатыми чертами лица, с блестящими, красивыми живыми глазами, с темной округлой бородой, весь стан его говорил, что он лихой джигит. Часов в 9 разошлись мои гости. Я получил приглашение, когда буду проезжать мимо аула, посетить его бедную хижину и отведать его хлеба — соли.

Но на другой день т.е. 3-го августа, мы не дошли до стоянки Саиб-Назара, а остановились в устье реки Мын-теке, где заметили табун диких козлов кинков.

Этот, еще ни разу не виданный моими солдатами, зверь произвел на них сильное впечатление; им во что бы то ни стало хотелось поохотиться на них. Выбрав удобную, зеленую площадку на маленьком ручейке, впадающем в реку Терс-агар, мы разбили свой цыганский табор, наскоро выпили чайку и побрели на отвесные скалы, желая до заката обойти красивого обитателя горных высот. Киик держится всегда на высоких, скалистых горах, где умудряется находить себе корм, хотя, по-видимому, спускается на более низкие места, где пасется ранним утром и поздним вечером. В какое время дня спускается он на водопой — сказать этого я не могу, так как мне не приходилось этого само-

Лагерь в Арчабулаке.

Станок для разматывания шелка с коконов.

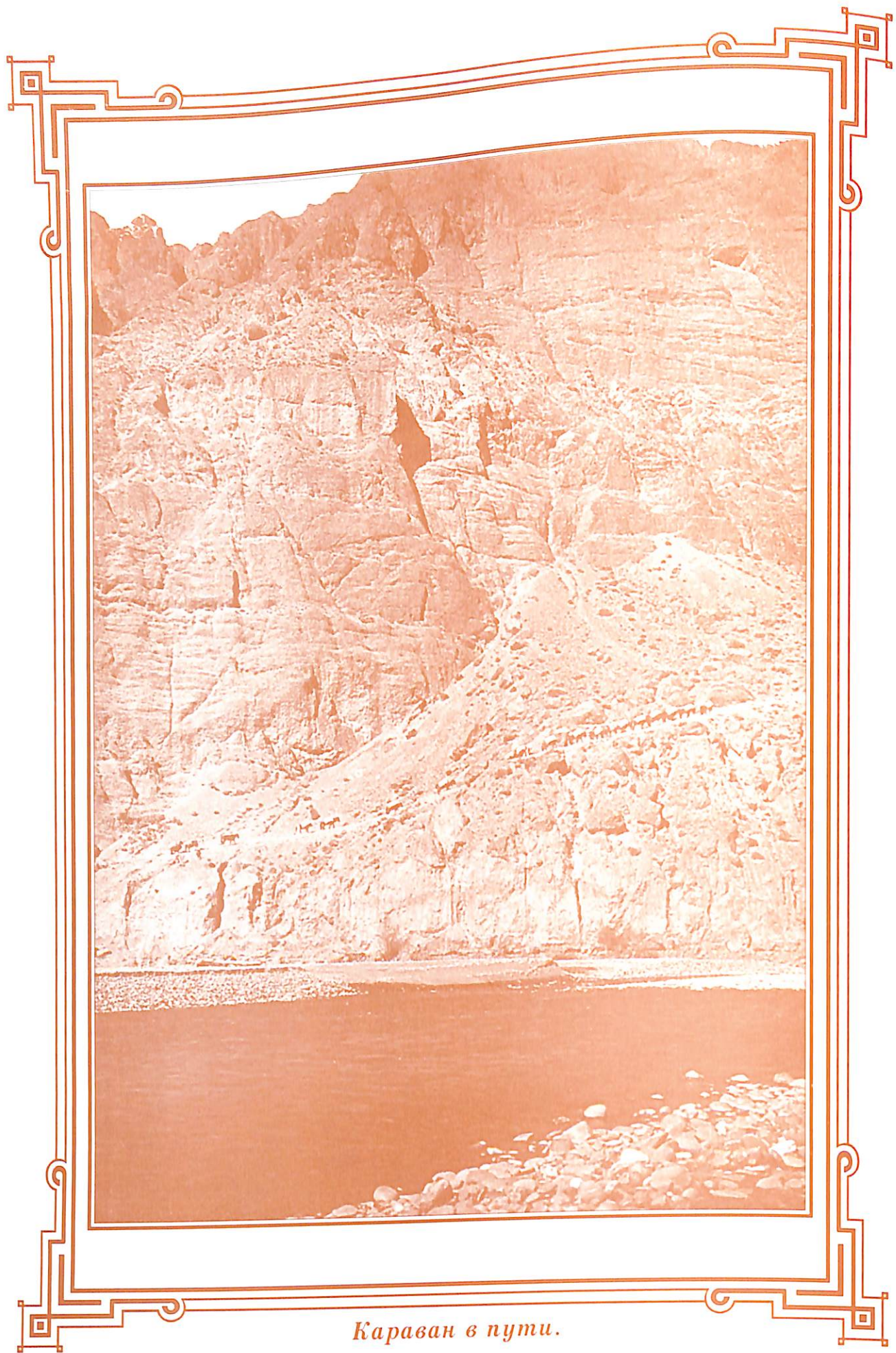
Печь для изготовления хлеба (лепешек).

Ущелье при выходе на Алайскую долину.

На реке Кок-су.

Караван в пути.

Киргизы во главе с почетным стариком Медеу.

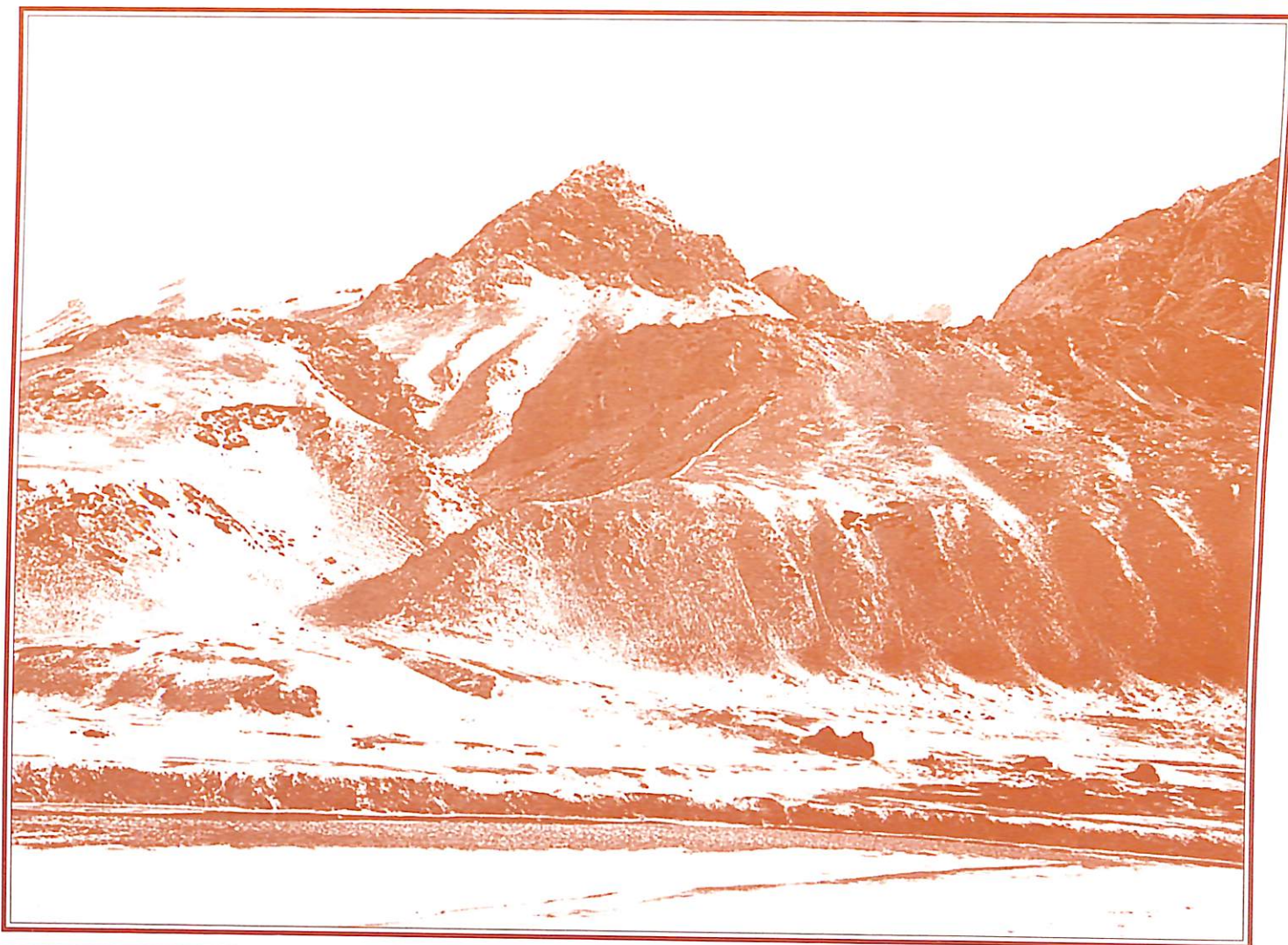
Неравный брак (мужу 11 лет, жене 18 лет)

Стрижка баранов.

Заалайский хребет

Долина реки Кизил-Су

30 Октября 1878г.

№ 7708.

См. в журнале

Его Присутствию
А. А.
Самому.

№ 49

Милостивый Государь

Петр Петрович.

Ваше Превосходительство, от
30го Октября, мною рече сообщены
Ваше Милостивый Государь, прям-
кое извещение об изысканиях,
произведенных нашими и
иностранной ученой экпе-
дицией, поспешное из письма
ко мне Александры этой экпе-
диции Доктора Шверцова. Из
этого письма видно, что Доктор
Шверцов вместе с Д. Киселем от-
правился из г. Самары в гор.
Андижан, и Д. Киселем опре-

*Последи съездом от К. Шверцова были получены в книгу (Отечествен. Географ.)
географическая карта - К. Шверцова - Карты Самары - от них вернулось -*

из Самары, изыскания (ценности; возму-
дны до неизвестности) раст. Самары,
Башкиры, Татары, Амур; водн. паша
передыма карты; существенная геогра-
фическая открытия. Даже и Самары
наших спешно дошли от озера
к Аксу. Разъяснена историческая геогра-
фия Самары, добыты весьма интерес-
ные и важные географические и вообще
естественно-научные результаты и до-
статки многосторонней коллекции.

В настоящее время Доктор Шверцов
продолжает свои экскурсии в верховьях
Муром (главный приток Самары), но
в конце месяца ожидается обратно
в гор. Самару.

Примите уверение в совершенном
Ваше почтении и преданности, с ко-
ими мною рече дано

Вашим Милостивый Государь

Искреннейше сужаю

В. Шверцов

30

Am 20. 87

Итак, однако эти французские елвураты и ардennenские Эску
сно на верховьях р. Шампань, где и отсюда три промазанных елвурата,
из которых один наш елвурат, а другие два, значительнее доминируют, с тем
важною тем, где водятся (иногда и сфотографированы) все три

Волшебства, мниму Велию, сегодня, а прибавил 17 августа.
Средств теперь много, ввиду сдвинутых окладов?

Вот теперь уже и думаю идти на юг к концу Сентября,
на юг, увидим дорогу, а пока прошу извинения в том, что
не могу к Вам уведомить

Гомогенная координата
A. I. Грудь - Грудничко

1 Mar 1884 Roda - 1
new species

[illegible]

Иркутская областная
защита 1 1112

Его Высочайшему
Генералу Ермолову
Груше-Грушевичу

Am. Mus. Nat. Hist. Nebraska & Ill.
24000-24002.

37

кой каменистой щели и, с неимоверной быстротой, несет массу мутной воды. Отыскать брод было очень трудно; сын Саиб-Назара более часа боролся с силой течения реки и только случайно наткнулся на брод. Охотники, усевшись на свободных лошадях и верблюдов, начали переправляться на противоположную сторону, причем вода доходила до седла лошади; верблюды упирались и не хотели идти за лошадьми, так что пришлось подгонять их нагайками. Дело не обошлось без приключения: одна лошадь не удержалась и была снесена вместе с седлом на пол версты вниз по течению; охотник не растерялся и сумел направить лошадь к берегу, нисколько не пострадав и лишившись лишь только шапки во время этого не совсем приятного купания. Остальные же переправились благополучно на тот берег, промолив только себе ноги.

Перевьючив все пожитки на своих лошадях и верблюдов, отблагодарив Саиб-Назара за его любезность, мерным шагом побрели мы дальше, перешли реку Каинды и поднялись на высокий берег. Дорога тянется узким ущельем высоко над рекой, то поднимаясь, то спускаясь маленькой тропинкой в устье реки Курган-кол и переходит на правый берег реки Каинды в красивую рощу березы и арчи; таких берез мне еще не приходилось видеть: ствол ее достигает до трех аршин в окружности и поднимается саженей до пяти. Эта роща напомнила мне давно не виданные мною родные леса и только голые камни и скалы придавали ей более дикий и суровый вид.

В этой роще, как раз против устья реки Курган-кол, мы решили остановиться; тут мы нашли еще кочевников со стадами баранов; киргизы встретили нас дружелюбно и, видимо были рады нашему соседству; они старались все время убедить меня оставить у них своих верблюдов, говоря что верблюды не поднимутся на перевал Каинды. Но вообще я не очень доверяю киргизам, когда они говорят о дороге: мне и раньше приходилось убеждаться, что дорога, названная киргизом плохой, оказывалась совсем удобной и наоборот. Вообще мне кажется, что при оценке дорог туземцы часто уклоняются от истины и что верить им можно только тогда, когда вполне уверен, что киргиз часто бывал в той местности, о которой вы спрашиваете и что он относится к вам дружелюбно; в противном же случае он вам наскжет

таких страстей, таких небылиц, что невольно призадумаетесь.

Тоже самое случилось теперь и я, не поверив их рассказам вполне, в тоже время взял на всякий случай с собой двух киргизов, чтобы, в случае если слова их оправдаются, отправить верблюдов обратно, заменив их лошадьми проводников. Утром 6-го августа я двинулся с ночевки в сопровождении двух оборванцев. Дорога все время была трудна: то мы поднимались между камней и арчи, то пробирались вниз. Пройдя часа два по такой отвратительной дороге, мы были остановлены непредвиденным серьезным препятствием, задержавшим нас, по крайней мере, часа на 2. Дорога все время шла по высокому, обрывистому правому берегу реки Каинды. В этом месте, где мы были остановлены, дорогу нашу пересекла небольшая речка, текущая в глубоком ущелье с абсолютно недоступными крутыми, скалистыми скатами; она впадала в реку Каинды. Таким образом, чтобы продолжать путь, нам нужно было перейти на левый высокий берег реки т.е. нужно было спуститься с обрыва вышиной саженей в 30 по отлогости градусов в 70, затем перейти реку и снова подняться на противоположный, столь же крутой берег.

В течении нескольких лет ездили кочевники по этой дороге и без всяких затруднений переезжали в этом месте на противоположный берег реки Каинды, пользуясь громадным природным, ледяным мостом, дело в том, что в этом месте с двух противоположных берегов реки движутся, навстречу друг другу, два ледника, которые, встречаясь в середине оврага, составляют, как бы постоянный мост и при этом настолько прочный, что, я думаю, по нем возможно было бы движение самых больших тяжестей.

Увидев в первый раз этот ледяной мост, я долго стоял и любовался этой сплошной, грандиозной массой зеленоватого льда, красиво переброшенной, в виде арки, через большой овраг. Обыкновенно мои охотники переходили по подобным мостам через реки, что бы избежать брода; но сегодня нам не повезло, подойдя к леднику, мы увидели, что мост, в силу каких-то неизвестных причин обрушился, образовав с одной стороны оврага широкую щель. Таким обра-

зом воспользоваться ледником для прохода на другую сторону не было возможности; мы остановились и невольно у каждого мелькнула мысль «неужели-же возвращаться назад». Но не так легко отказаться от предприятия, на исполнение которого мы уже потратили столько энергии и усилий. Отбросив малодушную мысль, отправился я с охотниками вдоль обрыва, отыскивая более пологое место и разговаривая с солдатами о неожиданном происшествии. Долго не приходили мы ник какому решению; некоторые из охотников спустились к реке и в свою очередь исследовали глубину ее русла. Наконец после получасовых розысков, был найден удобный брод и было решено устроить по обрыву, состоящему по счастью из щебня с камнями (осыпь), винтообразную дорожку с очень маленьким уклоном т.е. мы решились применить к данному случаю обыкновенный способ проложения дорог по горам.

Сбросив с себя все лишнее, развьючив лошадей и верблюдов, чтобы дать им время отдохнуть, мы, разделившись на две части, энергично принялись за работу: одна половина устраивала правую ветвь дороги, другая, спустившись ниже работала навстречу нам вторую ветвь. Дорога строилась, так сказать, летучая, частью врезывали мы ее в откос, частью присыпали щебень, установив для упора большие камни. Я уже говорил неоднократно о том как работали всегда в подобных случаях мои молодцы, а потому не буду здесь повторять и скажу только, что сопровождавшие нас киргизы были так удивлены смелостью и отвагой этого неожиданного для нас решения, так им понравилась энергия с которой мы работали, что они сами, добровольно приняли участие в постройке дороги, и не было, кажется, конца их наивным похвалам выраженным на оригинальном русско-киргизском наречии. Не прошло и часу, как импровизированная дорога была готова. Взяв свою верховую лошадь под уздцы и благополучно спустившись с нею к реке, я отдал приказание навьючивать лошадей и верблюдов и спускать их поодиночке, начиная с первых. Лошади прошли благополучно, дошла очередь до верблюдов; но едва сделал первый из них несколько шагов, как, при повороте с одной ветви на другую, не удержался и упал сперва на колени, а затем на спину вьюком вниз; подняться он уже не мог и мы принуж-

дены были немедленно разрубить веревки и сбросить вещи. Пришлось развьючивать заднего верблюда и вести его порожняком, а вещи были снесены на руках. В то время, когда одна половина охотников спускала верблюдов, другая, переправившись с лошадьми через реку, начала уже работать, устраивая там подъем. Таким образом, к тому времени, как мы спустили верблюдов и переправились на ту сторону, к нашим услугам была готова винтообразная дорожка, подобная той, по которой мы только что спустились. Поднявшись без всяких приключений и перейдя небольшой ледник по моренам, мы наконец, почувствовали себя свободными и пошли далее по тропинке усеянной острыми камнями. Дорога все время тянулась то по острым остаткам старой морены, то по мягкому лесу с одной альпийской травой. Только к вечеру, после больших усилий нам удалось добраться до ледника Суёк, в устье которого на мягкой, бархатистой лужайке находится могила какого-то святого. Киргизы называли ее именем ледника. Древесная растительность кончилась еще при трудной переправе и мы должны были вооружиться мешками и идти собирать кизяк, которого к сожалению было очень мало; общими силами мы набрали его в достаточном количестве, чтобы приготовить свой незатейливый обед.

Дальнейшее наше движение было гораздо легче, хотя часто приходилось двигаться по невыносимым остроконечным моренам и еще чаще нужно было переходить вброд речку, которая вьется змейкой, то приближаясь, то удаляясь от берега. Морены эти служили истым испытанием для верблюдов, которые неоднократно отказывались идти. Переправы через реку, несущую громадную массу воды по неровному, каменистому руслу, тоже немало беспокоили нас, так как приходилось бояться за каждую переправляющуюся лошадь. В течении этого дня нам пришлось сделать по крайней мере 10 переправ. Я потерял надежду перевалить сегодня перевал Каинды и решил остановиться у самой его подошвы, на последней площадке с едва заметной травой. Я ночевал здесь, чтобы весь завтрашний день посвятить перевалу. Сделал набросок гор, окованных льдом, налюбовавшись картинами дикой, скалистой природы при солнечном закате, долго следил в бинокль за партией кинков, располагавшихся на ночлег

на каменистых горах правого берега, я спокойно улегся спать, веря в свои силы и в завтрашний день. Киргизы тщетно приставали все время ко мне, чтобы я отправил с ними своих верблюдов обратно.

Чем свет мы двинулись на перевал. Дорожка очень узенькая, а местами и совсем незаметная, сначала шла по леднику, сплошь покрытому острыми камнями аспида и кварца, а затем исчезла окончательно на последнем подъеме, затаенном ледником. Лошади смело шли вперед; верблюды то и дело останавливались, боясь свернуть вниз. Подъем был крутой; выше он становился еще круче; из под снега все более и более оголялся лед. Верблюды, с великим трудом двигавшиеся до сих пор, вдруг, шагах в 20 от вершины, совсем остановились, не взирая на наши понукания и крики. Киргизы были по-видимому очень рады, что слова их оправдались, но мы не слушались и, решив во что-бы то ни стало подняться, приступили к работе: - нарубили ступенек и натаскали на них песок и щебня с вершины. Дорога поправилась и верблюды кое как взобрались по ней на вершину.

Работа эта далась нам не легко: - достаточно было сделать какие-либо движения, чтобы почувствовать сильный упадок сил; дыхание затруднялось, сердце начинало сильно биться, появлялась глухота и тошнота; некоторые из нижних чинов положительно не могли работать.

Руководствуясь определением Н.А. Северцова, я могу заключить, что высота этого перевала около 15000 футов; но подобная высота, встречающаяся уже нередко на моем пути, как например во время охоты на кипков в урочище Мынь-теке, никогда не вызвала таких явлений. Но что замечательнее всего, так это то, что едва перешли мы на южную, бесснежную сторону перевала, как тотчас же почувствовали облегчение; у верблюдов прекратилось выделение крови из ноздрей; люди повеселели и ободрились. Тоже самое я наблюдал в последствии на перевале Тахта-гурум, где эти болезненные симптомы проявлялись только на снежном его склоне (северном). Будучи профаном в области медицины, я не могу дать никакого объяснения этому явлению, но считаю своим долгом обратить на него внимание, так

как по-видимому здесь играет большую роль присутствие снега и льда. Отдых на перевале был не велик; за эти 1/2 часа мне не удалось даже хорошенько осмотреться. Ущелье Каинды сузилось; хребты, образующие его сначала шли почти параллельно и на восток, в этом же, месте круто повернули на север. В самом верхнем конце ущелья залегал громадный ледник, который и дает начало реки Каинды. Весь хребет состоит из слюдистого сланца, то гладкого, то волнообразного, осколки которого напоминают тесаные бревна. По руслам ручьев было нанесено много известковых и кварцевых обломков.

Растительности никакой; все склоны гор пересечены множеством кинковых тропинок. По этим тропам они, по видимому, ходят на водопой; там, далеко, далеко внизу, где едва виднелась серебристая змейка реки Белен-кинк, оба каменистые склона ущелья сходились и замыкали собой ущелье, образуя небольшую трещину, в которую выпадала южная Каинда с небольшим притоком слева. Кругом все голо; всюду один желтый камень; только в некоторых местах прилепились кустики какой-то зеленой травки.

На правом склоне, вдали я заметил небольшой табунок уларов, которые быстро поднимались в гору. Крутой, засыпанный острыми камнями спуск занял много времени и сильно утомил коней, а в особенности бедных верблюдов. Было уже поздно, когда мы спустились на маленькую лужайку у берега реки Беленг-кинк. Киргизы, провожавшие нас, решили переночевать с нами. Как ни было поздно, но я успел сделать набросок устья реки Зенгит-сая и Кара-джинги, которая вырывается узким потоком из теснины. Задний план замыкают две высокие, голые, остроконечные, желтые горы, прорезанные множеством параллельными щелями. С большим трудом набрали мои солдаты кизяку, а киргизы взялись приготовить нам ужин. Киргиз может похвастаться своим кулинарным искусством, но только относительно баранины; редкий из наших поворов может приготовить баранину так, как киргиз. Из какой-бы бедной семьи киргиз не был он всегда сумеет сделать из барана какое угодно туземное кушанье и так вкусно, что я всегда предпочту их приготовление нашему. На этот раз суп был приготовлен на славу. Мы плот-

но поужинали и заснули богатырским сном, отложив заботы о завтрашнем тяжелом дне.

День начался неудачей. У нас пропали лошади. Объяснить эту пропажу можно было двояко: либо их украли киргизы, уехавшие еще когда мы спали, - либо лошади сорвались сами и пасутся где-нибудь на лужайке. В особенности неприятно было первое предположение, так как, при справедливости его, мы были бы поставлены в почти безвыходное положение. Тотчас были отряжены охотники в догонку за киргизами и вниз по реке. Часа через полтора розыски последних, т.е. трех, которые были отряжены по реке, увенчались успехом и, приунывшие было солдаты с веселым гиком вернулись верхом на блудных лошадях. Вещи уже были связаны в вьюки и мы, напившись чайку, тронулись в путь, опоздав с выступлением, благодаря этому случаю, часа на 2. Я ехал впереди своего каравана; делал съемку, собирал растения или стрелял в попадавшихся птиц и животных. Верблюды «Гришка и Симка» шли в поводу один с другим и непрерывно всю дорогу ревели; за ними шли на свободе лошади, а охотники с песнями завершали шествие. Так шли мы в течение нескольких часов по утренней прохладе, когда около полудня небо начало заволакиваться тучами и вдруг пошел снег и подул сильный ветер, который, усиливаясь, превратился, наконец в страшный буран. Ветер пронизывал насквозь и не позволял ни ехать верхом, ни идти; снег залеплял и резал глаза и несчастные животные, не видя ничего и стараясь укрыть, как-нибудь голову, часто сбивались с дороги и сворачивали в сторону. Даже неутомимые собаки шли смиренно около нас, стараясь укрыться от ветра. Солдаты, которые только что пели песни и шумно подсмеивались друг над другом, теперь смолкли и приуныли. Весь караван, за исключением верблюдов, тащился молча, шаг за шагом, словно торжественная похоронная процессия. Прибавьте к этому еще, что дорогу я знал только по словам Саиб-Назара и, что очень легко можно было сбиться с пути: это едва и не случилось когда мы подошли к реке Зенгио и, когда чуть чуть было не зашли в ее устье. Часов до 2-3 продолжался буран, а затем небо очистилось и снова стало ясно и тихо, снова ожили люди и животные.

В устье реки Тохта-гурум собаки выгнали зайца и с веселым лаем кинулись за ним; мы стали звать их обратно, но едва успели отозвать, как они снова наткнулись на зайца и погнали его прямо на нас. Один из охотников убил его пулей. Зайцы то и дело начали вырываться из под камней и мы, видя такое их обилие, устроили за ними правильную охоту, результатом которой было 15 убитых. Такой массы зайцев я еще нигде раньше не встречал; из-за каждого большого камня могли рассчитывать выгнать одного или двух. Чем они здесь питаются - не могу дать себе отчета, так как из растений встречается одно только «зенгиль», да и то в самом незначительном количестве - быстро приближался вечер, а мы все еще не нашли места, на котором можно было бы остановиться: кругом песок и известковый щебень и ни малейшего намека на зелень. К 6-ти часам, наконец, пройдя более 40 верст, добрались мы до небольшой площадки с редкой, зеленоватой травой, выбрали место для палаток и начали развешивать, которые зная уже в чем дело, и, предвкушая отдых сами поскорее ложатся и ждут терпеливо своей очереди. Затем мы поставили палатки в середине которых разостлали войлок, служащий постелью и принялись каждый за свое дело. Я сел за дневник; одна часть охотников пошла собирать кизяк, а другая начала готовить все нужное для приготовления ужина. Между тем пустой желудок сильно уже напоминал, что время обеда давно пришло. Приходилось ждать пока сварится неопределенного серого вида похлебка, назвать которую каким-нибудь более определенным именем положительно не берусь. Полакомиться убитыми зайцами, мне не удалось, так как солдаты питают какое-то странное предубеждение к этой, столь ценной нами дичи, а отдельного котла я не имел.

Но видно нам суждено было испытывать сегодня одни неудачи: кизяку было набрано очень мало и пища не могла сразу вскипеть. Нужно сказать, что, во время пути нашего безлесной местности, нам нередко случалось, что собранного с большим трудом кизяка, едва, едва хватало, чтобы вскипятить котел с мясом. Стоит бывало группа охотников и с трепетом ждать появления первых пузырьков на воде. Вскипел, вскипел! - раздается вдруг радостный крик и котел тор-

жественно снимается с огня. Но не всегда удавалось дожидаться этого радостного крика и, зачастую, охотники, простояв 1 - 2 часа, уныло расходились, не отведав пищи, или поев недоваренной. Часто приходилось решать следующий вопрос: если начать варить пищу, - останешься без чаю, да и пища-то пожалуй не вскипит, если же варить чай, - останешься без ужина; обыкновенно солдаты решали вопрос в пользу чая, что было для меня чистым наказанием. Однако сегодня дело не дошло до этого, потому что мы имели возможность заменить недостающий кизяк корнем растения «зенгиат». Растение это необходимо знать каждому, кому придется побывать на Памире. Оно столь невзрачно, что легко может быть незамечено. Зенгиат имеет безлиственный стебель сероватого цвета, возвышающийся над поверхностью земли вершка на 2; цветы его очень мелкие, желтого цвета и расположены головкой; растет очень обыкновенно маленькими кучками, разбросанными далеко одна от другой, корень-же его достигает трех четвертей в длину и в добрый кулак толщины; по своему сходству с дряблым морщинистым кулаком старухи, он и получил у туземцев название «кампырк мушт». Корень этот отлично горит и является чистым благодеянием в этих безлесых местах. Накопав его побольше, мы наконец доварили свой обед, который благодаря такому долгому ожиданию, показался нам очень вкусным.

Переночевав верстах в 10-ти от устья реки Конуй-белт, 10-го августа мы выступили в обыкновенном порядке вверх по реке Тахта-гурум; но на этот раз мы пошли напившись даже чаю, так как у нас не осталось топлива.

Река Тахта-гурум не велика и до ее верховья мы подошли через час после выступления. Интересна она тем, что идет в широкой долине, в мелких пологих, песчаных берегах, не бурлит и не бесится, как вообще все горные реки, а течет ровно и спокойно. Скаты гор сравнительно пологи и подножья их местами покрыты небольшой редкой травой. По дороге, и в особенности по берегам, попадаются рога архара. Рога этого животного мы встречали еще в устье реки Зенгиат, но только те были уже не так свежи.

В верховья реки Тахта-гурум, там где в нее впадает река Кокуй - бел, я решил сде-

лать небольшой привал, чтобы дать отдохнуть животным перед подъемом на перевал Тахта-гурум.

Везде в своей заметке я называю тот перевал, по которому я здесь прошел «Тахта-гурум» между тем как (на всех имеющихся у меня картах старого названия перевал этот назван «Кокуй-бел». Называю я его так на том основании, что так его называют все спрошенные мною туземцы, наибольшего доверия между которыми, заслуживает Саиб-Назар, как сторожил. Кокуй-бел в переводе на русский язык значит - «ужасающий перевал». По словам Саиб-Назара дорога на этот перевал сворачивает вправо от долины реки Тахта-гурум, что дорога эта очень хорошо заметна т.е. заметны признаки движения по ней, что она идет узким уступом над страшным обрывом, что верхушка перевала покрыта льдом с большими трещинами и что редкая лошадь может благополучно подняться и спуститься с него.

«Поэтому то не смотря на то, что дорога эта наезжена и хорошо видна», говорил мне Саид-Назар, а не сворачивая, поезжай прямо по правому берегу реки, хотя дороги тут и не заметно; дорога и до перевала и после него будет легкая; весь перевал будет усеян каменными плитами вроде досок; с него в ясную погоду бывает видно озеро Кара-Куль, а за перевалом увидишь одиноко стоящую постройку - (курганчу). Этой дорогой ты будешь на озере Кара-Куль в три перехода, а по перевалу «Кокуй-бел» переходов в 7-8».

Таким образом я увидел, что Саиб-Назар, сообщая мне все эти сведения, соответствующие по карте перевалу Кокуй-бел, как-то например: вид озера, близость его и безопасность перевала, в то же время называл его не Кокуй-бел и Тахта-гурум. Действительно, когда я последовал его совету и поехал прямо, я убедился в правильности его сведений и увидел сам, что перевал этот, не представляющий ничего (ужасающего), усеянный оригинальными каменными плитами и с открытой для взора местностью до самого озера, должен называться не иначе, как Тахта-гурум (досчаная насыпь) и что при составлении прежних карт вероятно вкралась ошибка, в силу которой обыкновенный, не очень трудный перевал, похожий на досчаную насыпь назван ужасающим, а

действительно ужасающий - досчаным. Зная, как важно иметь путешественнику точную карту с правильными названиями я беру на себя смелость, здесь это небольшое отступление в надежде, что оно может послужить отчасти к устранению, так часто возникающих недоразумений по поводу названий, мало известных местностей.

Поднявшись на самую вершину, мы заметили громадные следы горного барса или иначе каблана. По следам можно определить, что зверь уходит спешно и скачками.... Меня это заинтересовало и я, свернув с дороги, отправился по следам. Едва сделал я несколько шагов, как далеко внизу заметил самого зверя: - он с шумом спускался вниз. Мы долго следили, как он грациозно спускался, изредка оглядываясь на нас, пока не скрылся в одном из ущелий левого берега реки Тахта-гурум. Будь у нас свободное время, мы, вероятно устроили на него правильную охоту, но теперь, когда нам предстояло еще спускаться с перевала, об этом нечего было и думать. К довершению нашего злосчастия, верблюды, - этот постоянный тормоз нашего движения, улеглись на перевале и не подавали никакой надежды на дальнейшее движение вперед. Увидев, что ничто не может заставить теперь верблюдов тронуться с места, я приказал остальным велел тронуться с лошадьми далее с тем, чтобы после вернуться за вещами. Едва к пяти часам вечера спустились мы на лужайку, удобную для ночлега в долине реки восточный Тахта-гурум. Явилась была мысль сперва закусить, а затем уже ехать снова на перевал за вещами, но никто из нас не позаботился об этом раньше и поэтому, как сухари, так и топливо (кизяк) были легкомысленно оставлены нами на перевале с верблюдами. Там же находились шубы и палатки. Нимало ни медля побрели трое из охотников и лошади, - и те и другие одинаково голодные и уставшие, на перевал. Пока не стемнело, все следили мы глазами за их движением, Но вот стемнело; стало свежеть стал подувать холодный ветерок, который с каждой минутой становился все холоднее и холоднее. Давно бы уже пора одеться потеплее, а шуб нет. Сложили мы в одну кучу все выюки и прилегли вплотную друг к другу, но плохо греет солатская шинель, подбитая ветром. Чем

дальше, тем невыносимее становился холод. Не было уже возможности сидеть, приходилось вскакивать, бегать, скакать возиться, но и это мало помогало. Двое охотников насобирали немного кизяка, но его хватило не надолго - скоро погас костер и без него сделалось как-бы, еще неприятнее и холоднее. Отойдешь немного в сторону перевала, прислушиваясь не спускаются ли к нам сухари и шубы, но все тихо и только назойливый ветер нарушает эту мертвую ночную тишину. Одна только надежда на скорое возвращение охотников поддерживала еще нашу бодрость, но вот уже 10 часов, а выюков нет, вот и 12, а кругом та-же неприглядная ночь, тот-же ветер, пронизывающий вас насквозь

Только к 8 часам утра спустились к нам выюки на лошадях. Оказалось, что всю почти ночь двигались охотники с лошадьми до перевала и только под утро, после нескольких приключений, достигли наконец цели. На перевале провели ночь, хотя и лучше нашего, но все таки не очень хорошо, так как их тоже донимал холод: - на перевале всегда холоднее, чем в долине. Верблюды, с которых сняли все вещи, кроме седел и палатки, так разбили себе ноги, что только к 3-м часам дня, с большими усилиями, где на ногах, а где и просто кубарем спустились к нам, да и то оставив на перевале седла и палатки. Пришлось после обеда заседлать 2-х лошадей и снова отправить их на перевал. Передвинув бивак несколько ниже на более удобное место, я с 5-ю охотниками отправился на охоту за архарами. Мы поднялись по левому скату долины, по следам горного барса на гребень хребта, а затем побрели вдоль него, спускаясь почти в каждое ущелье. Следы барса мы потеряли скоро, но зато следы архаров почти не прекращались. Очень часто мы выходили даже на лежки.

Хотя мне и приходилось слышать иногда об архарьей охоте, но сам я ни разу не бывал на ней и не знал при каких условиях можно рассчитывать на успех. Поэтому охота наша вышла совершенно неудачной. Проблуждав до вечера, покараулив зверя еще некоторое время в темноте, пошли мы наконец озябшие и уставшие обратно и только к 10-ти часам вечера, сбившись несколько раз с дороги, добрались к ночлегу. Веселый огонек и ужин, приготовленный как раз к это-

му времени, заставили нас забыть и неудачную охоту и усталость и невзгоды этого дня.

На следующий день мы навьючили своих «перехожих калек» и, в 9 часов утра, как черепахи поползли вниз по ущелью Тахта-гурум. Высокие, скалистые берега узких ущелий сменились низкими округлыми хребтами с довольно широкой долиной, почти все время покрытой зеленой травой; река полилась узкой полосой, извиваясь как змейка, по ровной бархатистой поверхности, то разделяясь на несколько рукавов, то опять соединяясь в один тихий скромный поток. Приятна была эта перемена и верблюды, поразмявшись и позабыв свои недуги, бодро зашагали, то и дело пощипывая зеленую травку; солдаты затаили свои военные песни, звуки которых как нельзя более гармонировали с общим веселым настроением.

Эта долина по-видимому часто посещается кочевниками; их присутствие можно заметить почти на каждом шагу: то вам попадаетесь клочок кошмы, то вытоптанное место, то импровизированная печь, то наконец даже хижина. Последнюю мы встретили уже в самом конце долины и оригинальность ее архитектуры обратила мое внимание: стены ее выложены из архарьих рогов соединенных глиняным цементом; несколько арчевых бревен, перекинутых одной стороны на другую и заваленных этими же архарьими рогами с землей, составляли крышу. Каких трудов, я думаю, стоило, чтобы притащить сюда несколько арчевых бревен. Только нужда, да вековая привычка к этой бедной природе могут заставить, мне кажется, поселиться здесь, где на протяжении более ста верст не встретишь ничего, кроме голых скал да архаров.

За зимовкой река Тахта-гурум принимает небольшой приток слева и, пробежав также тихо еще верст 6, соединяется с рекой, название которой в разных картах не одинаково: в одной ее называют Муз-кол, в другой — Ак-джилга, в третьей, наконец — Чон-су. Мы будем называть ее Ак-джилга, что по туземному значит «белое ущелье». Это название более всего ей подходит, так как она идет в узком, каменистом ущелье, которое действительно имеет обыкновенный вид от присутствия здесь известняка.

Ак-джилга, немного ниже устья реки Тахта-гурум, узким рукавом прорывается между

отвесных скал, по которым, высоко над водой, выходит тропинка. Тропинка эта вскоре спускается вниз на дорогу с перевала Тахта-гурум у реки таш-кол, соединяя таким образом наши владения с Индией. Во время нашего пребывания здесь река Таш-кол была совершенно суха; отсюда же начинается и сухой песчаный перерыв реки Ак-джилга, которая проходит под песком верст около пяти. Характер местности сильно переменился, кругозор увеличился; высокие горы отошли далеко на задний план; под ногами сыпучий песок и, наконец, там, где река Кара-джиик уходит в пески, горы как-бы раздвинулись и образовали открытое пространство, которое по всей вероятности прежде было занято озером Кара-Куль, принимавшим в себя эту реку и тут же отдававшим свои воды в реку Ак-джилгу, сток для скопившихся вод образовался прорывом известковых гор, закиравших озеро с юга, вследствие чего и произошло теснина, которую мы можем наблюдать за слиянием рек: Тахта-гурум и Ак-джилга. За это предположение говорят и песчаное дно всей долины Кара-Куля, и глинистые, выветрившиеся нагромождения, и прорыв реки Кара-джилга, и западный берег озера Кара-Куль, и высоко поднятые конгломераты и песчаники. Я думаю, что по всем данным, имеющимся в настоящее время, можно было-бы проследить даже точные границы бывшего озера. На песках этого озера мы шли без дороги, так как на имеющейся у меня карте это место не было нанесено; но местность эта так ясно говорит сама за себя, что даже человек мало знакомый с горами безошибочно сказал бы где находится озеро.

Мы свернули на северо-восток и пошли прямо по песчаным буграм, которые, я думаю, образовались много позднее уменьшения озера, постепенно формируясь весенними горными потоками, а от части и ветрами. Состав этих бугров невольно заставляет вас обратить внимание: песок, цементированный осадочной глиной, перемешан с мелкой галькой разных пород, а местами с большими глыбами камней, контуры которых большей частью округлены.

Долго шли мы по этой песчаной пустыне, не замечая ни малейшего признака ни растительности, ни воды. Стало вечереть и мы принуждены были остановиться прямо на песке, без воды и без подножного корма.

На другой день, поднявшись раньше обыкновенного, мы немедленно выступили в путь, чтобы поскорее добраться до воды. Выехав вперед на высокий бугор, я заметил вдали тонкую серебристую полоску. Мы бросили дорогу и напрямки пошли к воде.

Через час мы добрались до небольшой замерзшей речки (Ак-Байтал). Спустившись по этой реке, мы скоро добрались до ее устья — к реке Кизыл-джинк.

Кизыл-джинк идет одним очень маленьким рукавом, глубина которого не превышает 1/2 аршина; сухое русло ее очень велико, что дает право предполагать, что в половодье, она сильно разливается. Растительность здесь очень бедна и встречается в виде крошечных полянок, едва достаточных, чтобы накормить одну лошадь или верблюда. На этой речке нашли себе пристанище целые стаи так называемых мургаков. Я отправил двух охотников за этой дичью, объяснив им предварительно способ охоты на нее. Часа через три пришли охотники, как раз во время, чтобы прибавить убитой дичи в пищу и, если бы не буран, поднявшийся часа 1/2 перед этим и насыпавший песку в наш котел, мы могли бы похвастаться сегодня довольно вкусным обедом.

На другой день, перейдя вброд реку, мы направились без дороги на отдельную возвышенность и поднялись на правый берег реки Кизыл-джинк. Местность имеет тот-же холмисто-песчаный характер и только в некоторых местах попадались небольшие котловины с осадочной глиной. Пройдя верст 7, мы поднялись на один из более выдающихся холмов, с вершины которого открылась роскошная панорама: далеко, далеко впереди, у подножия красивых гор с белеющими вершинами, как-бы в воздухе протянулась нежная, безграничная полоса. Синева эта незаметно, с переходами в другие цвета, соединялась с подножьями гор и также незаметно переходила к нам. Мы невольно остановились и долго наслаждались красотой природы. К несчастью я не мог сделать наброска этой местности, так как, каждая остановка тяжело отзывалась на верблюдах: достаточно было дать верблуду 10 минут отдыха, чтобы провозиться с ним потом более 1/2 часа.

На этом месте кончились бугры и впереди открылась широкая песчаная долина с

попадавшимися изредка кустиками зелени. На душе стало как-то веселей, тем более что мы выехали, наконец на местность, именуемую у нас на карте. В этом месте нам впервые пришлось познакомиться с явлением миража: едва сошли мы с холма, как перед нами словно выросла картина всего мира с самыми мельчайшими детальными подробностями, со всеми мелкими озерками около него. До того велик был обман, что один из охотников, заметив на отмели озера стаю птиц, пополз к ним с самыми серьезным намерением поохотиться. Этот курьез вызвал целый взрыв веселья со стороны охотников и на беднягу простака долго еще сыпались шутки и остроты товарищей.

Чем ближе к озеру, тем растительность становилась лучше и разнообразнее; кроме «кампыр-мушта» начали попадаться низкорослые злаки в перемешку какими-то бобовыми кустиками и осокой; местами открывались солонцы.

К 3-м часам подошли к озеру Кара-куль и остановились, не доходя до него, в нескольких саженьях на маленьком озерке. Пока развьючивали лошадей и верблюдов, я, с одним из охотников, отправился на само озеро. Не доходя шагов 100, мы заметили массу дичи: мелкие кулички всевозможных видов бегали по отмели у самого берега; немного вдали от них, в перемежку с чирками, плавали отайки и утки всевозможных пород, не обращая никакого внимания на нас; над водой носились несколько штук каких-то особенных чаек. Мы подошли ближе, на хороший ружейный выстрел и, как деревенские охотники, выбрав момент, когда утки сбились в кучу, дали залп. К великому нашему удивлению утки не дали себе даже труда подняться, а только отплыли несколько дальше от берега. В это же время мы заметили, как влево от нас кинулась в воду большая стая гусей. Мы вытащили уток и направились в ту сторону; через пять минут у меня был уже в руках большой гусь и я мог хорошо его рассмотреть. Этот гусь не имеет никакого сходства с тем, за которым так часто приходилось мне охотиться в окрестностях города Оша. Рост его такой-же, как и нашего гуся, но общее строение корпуса более продолговато, так что издали его можно принять за гагару; оперение светло-

голубое с незаметным переходом в черное, на концах крыльев; бока немного буроватые; на голове у самца лунообразное черное пятно с непрерывной черной полосой сверху; у самки этого пятна нет, а вся голова сверху черная; клюв и ноги у самца ярко-оранжевые, а у самки лимонного цвета, самка немного меньше саца. От 10 и приблизительно до 2 часов дня, всей массой, гуси держаться на отмелях озера, а остальное время дня проводят на травянистых местах, вблизи от берегов, разбившись на мелкие табуны. Самое лучшее время охоты за ними — раннее утро. Между большими попадались птенцы, присутствием которых я объясняю и то, как гуси, так и утки после выстрела не взлетали, а только отплывают. Убив такой интересный экземпляр, я удовлетворился охотой, и отправился на бивак чтобы набить чучела и сделать набросок озера. Часов с 6-ти вечера подул сильный ветер с севера и пробирал нас в течение всей ночи. Часам к 8-ми утра он стих и мы снова были готовы к выступлению. Двое из самых завязанных охотников, отпросившись еще с вечера, чуть свет отправились по восточному берегу озера на охоту за гусями.

Мы сначала шли около самого берега, но дорога, с каждым шагом на восток, все ухудшалась и ухудшалась: солонцы перешли в торф, покрытый местами осадочной глиной с большими трещинами; трещины эти заносятся зачастую песками, так что их бывает не видно и несчастные лошади почти на каждом шагу попадали в эти заносы и проваливались в них по колено и даже выше. Таким образом кратчайший путь, избранный нами оказался неудачен: мы вышли в систему маленьких озер, из которых с трудом выбрались только к 11-ти часам на хорошую, торную дорогу, около курганчи из архарьир рогов и, часов около 3-х дня, остановились на одном из малых озер восточного берега озера Кара-Куль в системе реки Гау. К этому же времени пришли и охотники, принеся с собой 11 гусей и несколько уток.

За эти последние два дня коллекция моя значительно пополнилась: было сделано несколько чучел гусей, различных куликов и уток, зато мой гербарий не увеличился так как растительность здесь очень бедна. Все

малые озера восточного берега были заполнены утками, большую часть которых составляли молодые. Те же 2 охотника, что и накануне не замедлили ранним утром отправиться за ними на охоту. Последствия этой охоты, как это мы увидим ниже были очень печальны. Часов около 8-ми утра мы выступили в путь, думая дойти до реки Кара-джилги, где предполагалось сделать охоту на архаров. Часов около 2-х мы поднялись на первый перевал, около реки Кок-сай, откуда все озеро было видно, как на ладони.

В виду того, что наши охотники еще не догнали нас, мы решили сделать здесь небольшой привал, но, не дождавшись их, отправились далее рассчитывая что они догонят нас на дороге. Пройдя реку Кок-сай, мы спустились на реку Уй, а охотников все нет как нет; поднялся сильный песчаный буран и я решил остановиться на первой попавшейся лужайке, чтобы дать возможность скорее нагнать нас своим охотникам, но кругом как назло ни одной былинки, а только песок и галька. Озеро Кик-куль, на которое мы сильно рассчитывали, судя по его названию (зеленое озеро), не оправдало наших надежд: вместо озера оказалась какая то высохшая лужа. Реки Кок-сай и Уй, впадающие в это озеро — без воды: одни сухие русла их несут названия; в реке Уй, поздней ночью иногда бывает вода, но так мало, что она еле еле доходит до котловины озера Кок-куль; весной, надо полагать в ней бывает много воды.

Ветер не прекращался, а наоборот усиливался; все наши старания оставить за собой след оставались тщетны: — все мигом заносило песком. Несмотря на буран, мы делали маленькие остановки, чтобы дать возможность соединиться отставшим охотникам с нами; но все напрасно.

Двигаясь таким черепашным шагом, мы только к 5-ти часам вечера добрались до реки Кара-джилги ближайшего пункта с водой, хотя и здесь не было подножного корма; но отыскивать удобную стоянку было бы грешно, потеряв 2-х из своих товарищей. К этому времени у всех уже пропала надежда, что охотники догонят нас. Хотя я и знакомил обыкновенно охотников по карте с предстоящим нам переходом, но теперь очевидно было, что люди заблудились, тем более, что следов наших, после песчаного бурана,

нельзя было найти. Это грустное убеждение привело всех в страшное уныние; такого уныния между солдатами я не замечал еще ни разу; у всех, не исключая и меня, не шла из головы тяжелая мысль о заблудившихся, которые мало того, что со вчерашнего дня ничего не ели, не имели даже и шинелей, чтобы прикрыть себя от холодного ветра. Время от времени мы делали выстрелы, но ответа не получали. Наскоро поужинав какой-то похлебкой, мы легли спать. Я думаю, что редкий из нас кто заснул в эту ночь более часу: — у всякого, вероятно, была перед глазами картина двух товарищей, коченеющих от холода где нибудь в ущельи; а холод, или лучше сказать мороз, был так силен, что даже в шубе, надетой поверх шинели, трудно было согреться. В 5 часов утра, когда еще только-что начало светать, я был уже на коне и отправился на розыски, а остальным приказал оставить Кара-джилгу и перейти реку Маркан-су. Прозябший до костей мой конь быстро понес меня и я не заметил, как очутился на реке Уй. На месте нашего поворота я слез с коня, чтобы тщательнее осмотреть следы, прошелся вниз, но никаких следов нет; я вышел на старую дорогу, поднялся к реке Кок-сай и выехал на зеленую лужайку, где рассчитывал найти следы, так как там не было песку. Действительно, на одной из лысин я заметил свежий след двух человек: у одного на правой ноге была подковка. Одни и те же следы ведут к озеру и от озера, причем первые часто затоптаны последними. Конечно, если бы не это последнее обстоятельство, то можно было бы уверенно сказать, что пропавшие находятся в стороне озера Кара-куль; теперь же нужно было полагать, что они прошли вперед, т.е. к стороне перевала Кизыл-арт. Рассчитывая, что отправившись к стороне Кизыл-арта, они во всяком случае должны будут встретиться с командой, я проехал на озеро Кара-куль. Около реки Кок-сай я опять заметил такие же следы и в том же самом положении. Часов около 9-ти я был на Кара-куле, но, тщательно осмотрев местность и не заметив ничего, поехал обратно. На обратном пути от озера Еок-куль кроме следов команды других не было видно. Около половины второго я догнал своих охотников на реке Маркан-су. Отдав кое какие приказания и захватив с собой на этот раз двух нижних

чинов с ружьями и тоже верхами с запасными шубами и кое-какими съестными припасами, я вторично отправился на розыски. Нужно сказать, что с самого утра был сильный, холодный ветер, а часов с 3-х пошел даже снег. Я уже потерял надежду найти своих пропавших живыми. Мы не жалели лошадей и гнали их во всю мочь. К 5-ти часам мы были на реке Кок-сай. Поднявшись на последний бугор, откуда было видно озеро Кара-куль, мы почти у самого подножия его заметили два чернеющих пятна. Живо подскочили мы к ним и застали картину: — оба охотника, прижавшись друг к другу, растянулись у самой дороги и почти бессознательным взором смотрели на нас. Я задал им несколько вопросов, но ни на один не получил ответа; предложили им поесть, но ни один даже не прикоснулся. Ни минуты не медля, мы накрыли их шубами, взяли под руки и повели к реке; напившись они немного отошли, попробовали сухарей и мяса, начали немного говорить, а затем с жадностью набросились на вареного гуся; зная что это вредно, я не позволил им объедаться. Не более как через 1/2 часа, они уже рассказывали нам пережитую ими тяжелую ночь. Оказалось, что они охотились на озере до вечера и, когда стало темнеть, подошли к котловине озера Кок-куль. Наши следы занесло песком и, не найдя их, они вернулись к реке Кок-сай, предполагая, что мы пошли прямым путем на реку Кара-джилгу. Дойдя до поворота и, не найдя следов, они вошли опять в ущелье реки Уй, где и решили переночевать, чтобы утром отправиться прямым путем на реку Кара-джилгу; рано утром они вторично дошли до устья реки Уй и, не найдя следов, вернулись опять таки к реке Кок-сай. Тут силы им уже изменили: один из них от изнеможения даже слег; другой, более крепкий и умный, видя, что дело плохо, что товарищ его засыпает и, что таким образом может замерзнуть, стал его занимать разговором и смешить, пока наконец часам к 9-ти не слег и сам. В это время, когда они уже оба лежали, я был на Кара-куле, верстах в двух от них; они видели меня, как я проехал до Кара-куля, как вернулся, но уже не в силах были кричать или вообще подать какой-либо сигнал. Ружья хотя были с ними, но у них не оставалось ни одного заряда. Я не мог их заметить, так как они

были за камнями. Когда я проехал они узнали меня, и поняв что ищут, собрались с последними силами и выползли на дорогу, где мы их и нашли. Когда они совершенно оправились, мы посадили их на лошадей и только к 10-ти часам ночи благополучно добрались до стана. Я прибыл на несколько минут раньше, чтобы успеть приготовить поскорее чаю и разогреть пищи для найденных и нужно видеть с каким мрачным, отчаянным выражением предлагали мне вопросы охотники, потерявшие уже надежду, что их товарищи живы. Это впечатление никогда, кажется не изгладится в моей памяти; общий неописанный восторг не замедлил сменить тяжелое настроение, когда я сообщил им радостную весть. К утру пропадавшие чувствовали себя настолько хорошо, что мы не замедлили выступить в путь: каждый день для нас был теперь дорог, так как сухарей оставалось на 5, баранины не было, чай тоже приходил к концу; а без чая наш солдат не пройдет и 5-ти дней: он готов не есть, только подавай ему чай. Часов около десяти пополудни мы поднялись на первый подъем перевала Кизыл-арт и остановились отдохнуть. День был ясный и тихий; местность не представляла из себя ничего особенного; Заалайский хребет в этом месте сильно понижен и поднимается над руслом реки Сарка-су не более как на 700 футов, тогда как близлежащая вершина его Кизыл-агын возвышается над перевалом почти что на 8000 футов. Подъем на перевал Кизыл-арт почти незаметен и хотя мы и остановились на привал, то единственно только из-за верблюдов, чтобы дать возможность им поест, так как на последнем ночлеге им нечем было поживиться.

Часов около 11-ти к нам незаметно из-за поворота подъехал киргиз с несколькими баранами и сообщил нам, что на Кара-куль едет какой-то генерал. Не успели мы еще и спросить его подробно, как из-за поворота выехала масса всадников. Впереди группы ехал, как это я узнал после, путешествующий здесь в это время князь Г. Можете себе представить, как мы были обрадованы, когда после 23-х дней пути по совершенно безлюдной местности, где мы не видели образа человеческого, нам встретились наконец люди и притом еще соотечественники. Кня-

зя сопровождали кроме джигитов и казаков два известных в Фергане охотника: командир 2-го Турк. линейного батальона полковник Т. И воинский начальник укрепления Гульчи капитан Д. — и тот и другой мои знакомые и товарищи по охоте. Поздоровавшись с нами и распросив подробно о нашей дороге, князь поинтересовался также собранными мною коллекциями и сделанными набросками и предложил мне принять участие в его охоте на кинков и архаров. В высшей степени довольный этим любезным приглашением на охоту, на которой мне до сих пор еще не удавалось бывать и которая в тоже время составляла одну из целей моей поездки. Я с радостью принял приглашение и тотчас же распорядился, чтобы команда, дойдя до реки Коксай, остановилась там на удобной стоянке и ждала меня. Его сиятельство — был в свою очередь настолько любезен, что распорядился снабдить мою команду мясом архаров и кипков, убитых на предыдущих охотах. Команда отправилась на перевал Кизыл-арт и, спустившись к реке Коксай, остановилась против старого таможенного поста, где и дожидалась меня в течении 6-ти дней.

Когда мы спустились с перевала Кизыл-арт и проехали реку Маркан-су полковник Т., взял с собой двух джигитов, отделился от нас и проехал в верховья малой Кара-джилги на охоту за архарами. Когда доехали мы до среднего рукава этой же реки, я и капитан Д., получил разрешение, тоже отправиться на охоту, а его сиятельство выехал на Кара-джилгу, где остановился в приготовленном для него юртах.

Охота в этот день была неудачная и хотя каждому из нас удалось сделать по несколько выстрелов, но не ближе как на 500 шагов. Следующие два дня мы провели на реке Кара-джилге и с раннего утра до позднего вечера охотились за архарами, но только полковнику Т. удалось убить трех. После охоты на Кара-джилге князь решил переехать на озеро Кара-куль, куда мы и прибыли к вечеру. За этот день было убито его сиятельством несколько уток и небольших куликов, а на следующий день была предпринята поездка на южную оконечность озера Кара-куль, где его сиятельство убил 4-х гусей. На следующий день мы передвинулись в урочище Каныш-хатынь в бассейн

реки Маркан-су. Здесь опять была устроена охота на архаров и князь убил одного, а полковник Т. двух. Благодаря оказанному мне вниманию князя Г., мне впервые пришлось познакомиться вполне со всеми способами и трудностями архарьей охоты. Могу сказать, что для нее нужен человек закаленного здоровья и сильный. Много раз приходится быть на краю опасности, о которых охотник на кабанов и в особенности по тире, не имеет никакого представления. Не говоря уже про ходьбу по крутым чуть не отвесным скалам на высоте 16 а иногда 18 тысяч футов над уровнем моря, огромные скалы с узкими выступами, глубокие, отвесные ущелья или каменные, мелкие россыпи представляют опасностей, как для лошади так и для седока. Притом же сама охота крайне неблагоприятна; здесь все зависит от случая и никогда нельзя рассчитывать наверняка. По моему эта охота не так легко дается, что «чуть ли не из всякого лога вы натыкаетесь почти на самые рога горного барана». Сплошь и рядом добыча уходит из самых рук. Случается, что вдруг увидишь архара где-нибудь высоко на скале, но тотчас же он скроется за выступом и охотнику слышен только стук копыт, да грохот сброшенных камней. Само животное весьма осторожно и при том почти всегда, за исключением разве снежных буранов, имеет возможность заранее заметить или почуять охотника. Иногда архар действительно выскакивает и близко, но не иначе как во время снежного бурана, когда вам то и дело залепляет глаза, и когда руки коченеют от мороза; чаще же всего, заметив архаров, вам приходится делать обходы в несколько верст по этим осыпям и отрогам, все время соображая свое движение с ветром и с характером местности, что без проводника почти невозможно. Даже в лучшем случае, когда вам и удастся обойти этого зверя, вы не будете иметь возможности хорошенько прицелиться потому что руки не твердо держат ружье после долгого лазанья по крутизнам. Одно только обстоятельство благоприятствует вам: — архар глуп и потому часто становится в тупик при неожиданном вашем появлении. Чем у вас больше выдержки, тем более шансов заставить его дожидаться вашего выстрела; он с напряженным вниманием будет смотреть на вас: — как вы слезаете с лошади, как заряжаете ружье и целитесь, но все

это может быть только тогда, говорю я, когда вы застали его врасплох, когда у вас много хладнокровия, когда движения ваши резки; а на это способен не всякий.

В подобных случаях, если даже первый ваш выстрел неудачен, вам всегда можно успеть дать и другой, так как после выстрела архар имеет обыкновение останавливаться и смотреть в то место, где ударила пуля. Наконец, в довершение всех неудобств этой охоты, нельзя не сказать, что иногда смертельно раненые уходят, а убитые падают или в пропасти или в такие неприступные места, что невозможно их оттуда достать; зато иногда один удачный выстрел вознаграждает охотника за перенесенные им трудности.

Благодаря этой охоте, мне удалось познакомиться с окрестностями озера Кара-куль и, в особенности с бассейном реки Кара-джиги. Эта река берет свое начало двумя рукавами с Заалайского хребта, и двумя с гор Памира. Главный ее рукав идет от пика Кауфмана. До истоков этого рукава дойти мне не удалось, так как я располагал сравнительно малым временем, а успел только проехать по нему верст на 10 вверх. На всем этом протяжении рукав идет небольшой долиной, ширина которой достигает самое большее до 1/2 версты. Левый берег его составляет Заалайский хребет с вечно снежными вершинами, достигающими высоты 23 тысяч футов над уровнем моря; Южный склон этого хребта изрезан множеством каменистых щелей, куда я думаю ни в состоянии пробраться даже архар. Правый берег более полог и вершины гор не достигают высоты вечного снега. Берега реки сплошь покрыты зеленой травой, на которой пасутся большие стада архаров, но обойти их в этой долине не представляется возможности.

При слиянии этого рукава со вторым в северо-западном углу их слияния находится отдельная, довольно высокая возвышенность, у северной подошвы которой приютилось небольшое озерко с множеством «отаек». На склонах этой возвышенности мною было замечено несколько табунов мургаков и почти на каждом шагу я натыкался на зайцев, которых здесь такое обилие, что в течении одного дня их можно встретить более сотни.

Второй рукав, берущий свое начало от пика Кизыл-агбен с ледника Ак-джил, более

короток; от устья его до ледника тянется не менее, как на 5-6 верст в долину и версты на 1 S в ширину; из-под отвесной ледяной скалы его вытекает рукав широким мутным и довольно быстрым потоком. На поверхности ледника в некоторых местах замечаются довольно большие углубления, заполненные чистой прозрачной водой и эти оригинальные озера достигают саженей до 30-ти диаметре.

Склоны гор состоят главным образом из сланца и известняка, но в одной из щелей мною замечены громаднейшие залежи чистого кварца.

Два другие рукава, берущие свое начало с гор Памира, мною не были посещены, но по словам князя Г., который был на одном из них — Бай-тюбет, рукав этот идет широким ущельем с пологими скатами. Верстах в 5-ти от устья ущелье значительно расширяется и принимает вид Алайской долины с ее роскошной травой, почти по колено лошади.

Соединившись, все эти четыре рукава идут сначала одним широким руслом, глубина которого, достигая местами более сажени, в большинстве случаев не выше груди лошади. Пройдя в одном русле не более 3-х верст, река Кара-джилга разветвляется на несколько рукавов из коих правый самый глубокий. Долина реки местами достигает до 2-х верст ширины и имеет совершенно ровную поверхность, покрытую мелким щебнем аспиды и только изредка — скудной травой.

Падение долины почти незаметно, а потому и скорость течения реки не более 160 футов в минуту. Не доходя верст 5-ти до котловины озера Кок-куль, Кара-джилга круто поворачивает на юг, проходит через небольшую теснину и верстах в 10-ти впадает в озеро Кара-куль несколькими рукавами.

25 августа князь Г. решил закончить охоту на архаров и мы рано утром выступили из урочища Каныш-хатынг через перевал Кызыл-арт. Я и полковник Т. выехали немного раньше, чтобы воспользоваться временем и поохотиться в последний раз на архаров. Не доезжая версты 1/2 до перевала, мы наткнулись на громадный табун. Дожидались тут же на дороге князя и всей компанией отправились в объезд. Часа через 1/2 объезд наш кончился; — мы подошли к табуну шагов на 400, разом все вышли на бугор и дали залп из шести ружей. Один архар замертво упал на

месте, табун немного приостановился; мы дали еще несколько залпов, но уже шагов 600 от табуна отстало 6 штук по-видимому сильно раненых. Полковник Т., как истый охотник решил не упускать их и после трудного и продолжительного преследования убил еще троих, остальные присоединились к табуну и скрылись за хребтом.

Когда охота кончилась, все архары были спущены и отправлены на новую нашу стоянку. Перевал Кызыл-арт, через который нам пришлось перейти, встретил и проводил нас, к общему удивлению самым дружелюбным образом: — обыкновенно здесь не переставал снежный буран, но сегодня стояла тихая, ясная погода. К вечеру только мы прибыли к реке Кок-сай, где были выставлены юрты и где дожидалась меня команда.

На следующий день т.е. 25-го августа все, участвовавшие в охоте князя Г., и команда передвинулась на правый берег реки Кызыл-су к устью реки Хатынг-арт, где князь решил сделать дневку, дабы разобраться с вещами и, главным образом, чтобы отблагодарить туземцев и волостных за их усердие и услужливость. Для этого на следующий день был устроен для них общий обед, во время которого князь награждал главных участников в его охотах ценными подарками.

28-го августа мы разъехались: — князь с полковником Т. отправился вниз по долине Алая, на Дарнут-курган, через перевал Тенгу-бай в гор. Маргелан; капитан Д. с несколькими джигитами в укр. Гульчу через перевал Арчат-даваид, а я с командой в гор. Ош через перевал Талдык.

В 3 часа вечера прибыли мы в урочище Агач-арт и остановились у Алайского волостного. Урочище Агач-арт это лучший уголок в горах Алая: небольшое ущелье, замкнутое с 3-х сторон высокими, каменистыми горами с причудливыми вершинами разделяется на несколько второстепенных ущелий, резко отличающихся от главного; все склоны покрыты густым лесом самых разнообразных пород; чаще других попадаются: — арча разных пород, рябина, береза, боярышник, шиповник и изредка куст таволги. Леса эти растут главным образом в северных ущельях, в которых в свою очередь, скаты обращены к югу, покрыты меньше северных, а иногда даже совсем оголены. Тоже

самое можно сказать и относительно ущелья Талдык, где правый берег, обращенный к северу, сплошь покрыт красивым густым лесом в то время как на левом только изредка попадаются отдельные арчи.

Вслед за полосой лесов лежат луга, занимающие середину между лесом и скалами. После однообразного и бедного нижнего пояса, где преобладает лишь галька, да редкие, корявые кустарники арчи, после серых зарослей лиственных лесов, одевших собою все средние скаты гор, глаз с отрадою останавливается на яркой зелени и пестром ковре цветов роскошного горного луга. Невысокая густая трава покрывает здесь все скаты ложбины, оставляя голыми только скалы и отдельные камни. К сожалению нам не пришлось наслаждаться этой нудной, горной природой, так как вскоре после нашего прихода повалил сильный снег. Зеленый луг покрылся большим полотном; на деревьях легли большие хлопья снега; кусты нависли под тяжестью его и образовали шалаши с темными зияющими пятнами. Все это произошло почти также быстро, как перемена декораций в какой-нибудь фантастической феерии. Таким образом, набросок, начатый мною «летом», пришлось закончить уже зимой.

На следующий день мы остановились в ур. Уч-тюбе, где уже снегу почти не было. Отсюда до укрепления Гульчи стали попадаться уже обработанные поля, которые свидетельствовали о близости населенных мест. В Гульчу мы прибыли поздно вечером, сделавши переход в 40 верст. Отдохнув целый день в укреплении Гульча и бросив здесь

верблюдов, направились в Ош, куда и прибыли на другой день, т.е. 3-го сентября.

Совершенная мною рекогносцировка в 36 переходов могла бы быть исполнена и в более короткий срок, если бы можно было обставить ее кое-какими удобствами. Прежде всего, для того, чтобы ускорить наше движение, не следовало брать с собой в такую дорогу верблюдов, которые, начиная с 10-го перехода, начали сильно тормозить наш путь. Затем, для того чтобы более правильно можно было распределять переходы, необходимо было иметь проводника т.е. человека который бы мог заранее указать удобные места для остановки в смысле подножного корма и воды. Благодаря этому обстоятельству, нам зачастую приходилось останавливаться на неудобных местах, без подножного корма и даже без воды, между тем как вблизи можно было найти и то и другое.

Льщу себя надеждой, что моя краткая заметка, не имея серьезного значения, может все-таки послужить отчасти предупреждением и практическим указанием для тех, кто бы вздумал когда-нибудь посетить эти края.

Из описания сего видно, что все наши препятствия, все неудобства, задержки и неожиданности нашего пути были, почти исключительно, следствием того, что мы не имели никаких средств и не могли воспользоваться чьим-либо опытом, чтобы обставить свое путешествие, первое в своем роде, более целесообразно.

Если я достиг этой цели и если при помощи описаний и набросков я сумел кроме того дать понятие о характере этой местности, то я могу считать свою задачу исполненной.

Поручик Бржевицкий

АРГО, разряд 74, опись 1, № 3

ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОМАТЕРИАЛОВ

Портреты

Ванновский С.П.
 Великий князь Николай Константинович
 Великий князь Николай Михайлович
 Громбчевский Б.Л.
 Грум-Гржимайло Г.Е.
 Грум-Гржимайло М.Е.
 Зайцев В.Н.
 Ионов М.Е.
 Корженевский Н.Л.
 Миддердорф А.Ф.
 Мушкетов И.В.
 Ошанин В.Ф.
 Северцов Н.А.
 Семенов П.П.
 Серебренников А.Г.
 Скерский А.Г.
 Снесарев А.Е.
 Федченко А.П.

Фотографии

(АРГО, разряд 112, оп. 1, №№ 27, 68, 94, 100, 118, 219, 221, 223, 225, 241, 899; разряд 112, оп. 3, №№ 158-164)

По тексту:

Фото 1. Дорога (карнизы по р. Пянджу).
 Фото 2. Вид на долину Канджутской реки с перевала Калик в хребте Мус-Таг.
 Фото 3. Вид киргизского стойбища на Алае.
 Фото 4. Стоянка на Алае.
 Фото 5. Памирский киргиз рода Хыдырша.
 Фото 6. Киргизская девочка с Памира.
 Фото 7. Киргиз рода Бустон, на Алае.
 Фото 8. Раскем. Киргизский аул, собирающийся перекочевать.
 Фото 9. Вьючение багажа на верблюде.
 Фото 10. Головной убор сарыкольской киргизки рода Кызыл-Аяк.

Фото 11. Головной убор раскемской киргизки.
 Фото 12. Киргизские дети.
 Фото 13. Раскемская киргизка.
 Фото 14. Тип киргизки рода Теит.
 Фото 15. Киргизка рода Найман.
 Фото 16. Вброд на верблюдах.
 Фото 17. Станок для наматывания шелка на шпульки.
 Фото 18. Ткачи шелковой материи.

Во вставках:

Внутренность юрты киргиз Памира.
 Алайские горы. Водопад на реке Тенгиз-бай.
 Перевал Гардани-Кафтар в хребте Петра Великого.
 Типы киргизок рода Киик.
 Ткачиха-киргизка.
 Мост в Каратегене.
 Типы киргиз Памира.
 Экспедиционный отряд на бивуаке в саду Российского консульства в Кашгаре (в центре Б.Л.Громбчевский).
 Озеро Яшиль-Куль в хребте Петра Великого.
 Памирский охотник.
 Верховья р. Аму-Дарьи.
 Ир-Даулет (земное величие), правитель киргиз рода Найман на Алае.
 Киргизка с Памира. Дангнын-Баш.
 Памирский киргиз.
 Стоянка отряда на северной части оз. Кара-Куль.
 Шугнанцы.
 Лагерь в Арчабулаке.
 Станок для разматывания шелка с коконов.
 Печь для изготовления хлеба (лепешек).
 Ущелье при выходе на Алайскую долину.
 На реке Кок-су.
 Караван в пути.
 Киргизы во главе с почетным стариком Медеу.
 Неравный брак (мужу 11 лет, жене 18 лет)
 Стрижка баранов.
 Заалайский хребет.
 Долина реки Кызыл-су.
 Письма.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов А.К. 65, 66

Аргентов 32, 34

Бендерский 22

Берг Ф.Ф. 14

Бзрюк хан 39

Бонсдорф 18

Брауэр 10

Бржевицкий И.А. 74

Валиханов Ч. 12

Ванновский С.П. 14

Верещагин В.В. 16

Вилькинс 24

Витгенштейн 53

Вревский 74

Вронченко М.П. 14

Вязовский 21

Григорьев А.В. 71

Громбчевский Б.Л. 10, 14, 25

Грум-Гржимайло Г.Е. 13, 23, 67, 68, 73

Грум-Гржимайло М.Е. 12

Джан датха 39

Жилин 18

Залеман 23

Зайцев В.Н. 15, 26

Иванов А. 71

Иванов Д.Л. 22, 71, 73

Иванов Е.В.

Ионов М.Е. 6

Исмаил-токсабу 36, 37

Каульбарс А.В. 14

Кауфман К.П. 14, 15, 18, 21, 62, 65, 73

Кириллов В.Е. 26

Козакевич П.П. 30

Кознаков 71

Корженевский Н.Л. 9, 28

Коржинский 71

Корнилов Л. 12, 26

Костенко Л.Ф. 18, 53, 73

Кристоф 67, 68

Куропаткин А.Н. 14, 24

Кушакевич 65

Ланг 67

Лебедев 18

Липский 71

Махмет-куль-бай 46

Мережковский 73

Миддендорф А.Ф. 9, 63, 66

Милютин Д.А. 14, 16, 21

Михайлов 72

Музафар-ша 37

Мурад-бек 39, 40

Мухин В.Г. 30

Мушкетов И.В. 8, 20, 22, 30, 53, 71, 73

Назыр-бек 37

Наливкин В.П. 25

Невесский М.Н. 20

Никольский 21

Новацци 34

Новицкий В.Ф. 25

Новицкий П. 58

Обручев Н.Н. 6

Остен-Сакен Ф.Р. 58

Ошанин В.Ф. 16, 20, 53

Паррот 10

Певцов М.В. 14

Петровский Н.Ф. 55

Плохов 51

Полторацкий 21

Потанин Г. 12

Пржевальский Н.М. 8, 9, 10, 11, 12, 14

Путята Д.В. 22

Раков 66

Родионов Г.Е. 20, 53

Розенбах 67, 73

Романов Н.К. 11

Романов Н.М. 7, 20, 23, 67, 68, 69

Романовский 47

Руднев 65

Северцов Н.А. 16, 20, 21, 62, 64

Семенов П.П. 7, 20, 24, 64, 66

Серебренников А.Г. 10, 15

Сиверс Г.И. 67, 68

Скасси 64, 65

Скерский А.Г. 11

Скобелев М.Д. 6, 18

Скорняков 64

Смирнов С.М. 66

Снесарев А.Е. 15, 27, 28

Старцев 24

Стеблин-Каменский И.М. 23

Сунаргулов 24

Тимго А.А. 72

Трубецкой 47

Федченко А.П. 8, 18, 35

Федченко Б.А. 18

Федченко О.А. 18

Фраунгофер 10

Хоруг 68

Черняев 66

Штаудингер 69

Ядринцев Н. 12

Якуб-бек 24, 39, 53

Ярукова Л.И. 23

ОБ АВТОРАХ-СОСТАВИТЕЛЯХ

КОЛЕСНИКОВ АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАЕН. Автор получивших признание научной общественности монографий и книг: «Русские военные исследователи Азии», «Восточный Туркестан глазами русских путешественников», «Восточный Туркестан глазами европейских путешественников», «Русские путешественники в Афганистане», «Школа российского офицерства», «Пушкин и Туркменистан», «О долге и чести воинской в российской армии» и др. За вклад в развитие отечественной исторической науки удостоен серебряной медали П.Капицы.

МАТВЕЕВА МАРИЯ ФЕДОРОВНА – заведующая архивом Русского географического общества, специалист в области архивоведения, историк отечественной географической науки, участвовала в создании музеев Н.М.Пржевальского, П.П.Семенова-Тянь-Шаньского, а также краеведческого музея в г. Кяхта; организатор выставок РГО в Финляндии, Норвегии, Киргизии; автор ряда публикаций о русских путешественниках.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОТ АВТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Из истории изучения Азии в России	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Русские путешественники на Ошской земле	17
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Документы, письма, путевые заметки путешественников	29
♦ Из путевых записок Д.И. Мушкетова «Поездка в Нарынский край и Кашгарию»	30
♦ Из «Сведений о путешествии по Коканскому ханству» А.П.Федченко в 1871 г.	35
♦ Из путевых записок Н.Косиненко «По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза»	43
♦ Из путевых записок В.Ф.Ошанина «На верховьях Мук-су»	53
♦ Из «Краткого обзора Восточного Туркестана» Н.Ф.Петровского	55
♦ Письмо П.Новицкого секретарю ИРГО Ф.Р.Остен-Сакену	58
♦ Письма К.фон Кауфмана	62
♦ Письмо А.Миддендорфа П.П.Семенову-Тянь-Шаньскому	66
♦ Из переписки Великого князя Николая Михайловича с Г.Е.Грум-Гржимайло	67
♦ Письмо А.Иванова секретарю ИРГО А.В.Григорьеву	71
♦ Письмо Г.Е. Грум-Гржимайло к секретарю ИРГО	73
♦ Заметка о рекогносцировке на Памире охотничьей команды 4-го Туркестанского линейного батальона поручика Бржевицкого	74
ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОМАТЕРИАЛОВ	100
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	101
ОБ АВТОРАХ-СОСТАВИТЕЛЯХ	102

ОШ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(вторая половина XIX—начало XX вв.)

Документы
Материалы
Фотографии
Комментарии

Авторы-составители:
Александр Антонович Колесников
Мария Федоровна Матвеева

Компьютерный дизайн
Василий Горнушкин
Компьютерная верстка
Ольга Агранат

Подписано в печать 19.03.2003.
Бумага офсетная №1, Формат 60х84 1/16
Объем 13 п.л.
Вставка (фото) 2 п.л.
Тираж 500 экз.

